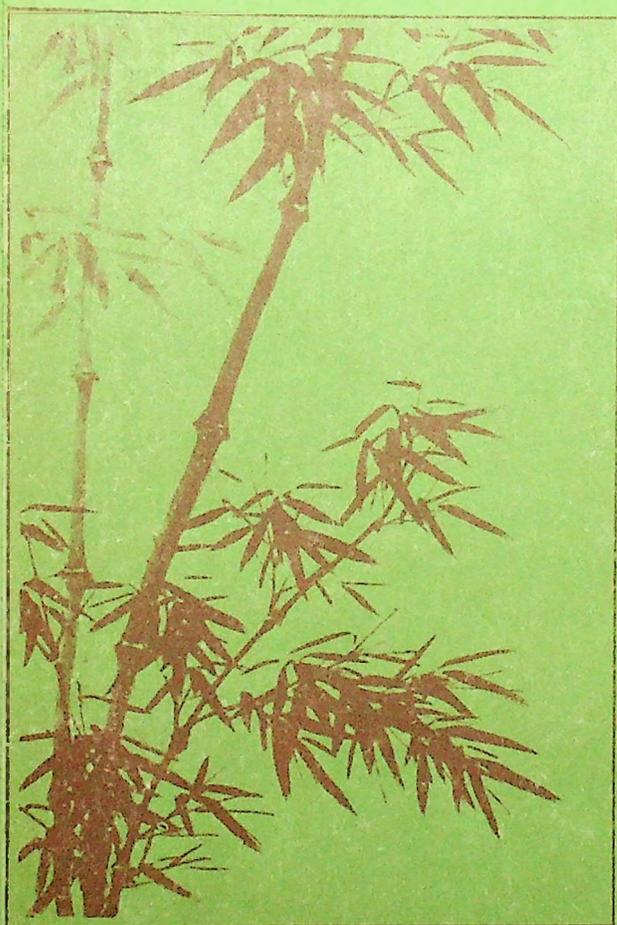


ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 3/94

ISSN 0131 — 2812



Посол Республики Корея о
новой дипломатии Сеула

*

Проект свободной
экономической зоны Тумэнцзын

*

Внешний фактор в развитии
экономики Китая

*

О "секретном демарше"
Чжоу Эньлая

*

У Чон Ха - Почетный
доктор ИДВ РАН

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

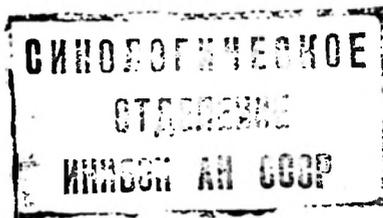
3/94



Учредители: Российская академия наук
Институт Дальнего Востока РАН

Научный и общественно-политический журнал,
выходит шесть раз в год на русском и
английском языках

Издается с марта 1972 года



РЕГИОН

Ким Сук Кю. Новая дипломатия Сеула (Выступление посла Республики Корея в Москве).....	3
И.Коркунов. О проекте СЭЗ "Тумэньцзян" на территории России, Китая и КНДР.....	13
Л.Вардомский, Е.Самбулова. Россия и Китай: сравнительный анализ региональных процессов.....	18
А.Болятко. Проблема предотвращения опасной военной деятельности.....	29

ОПЫТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ

М.Потапов. Китай: роль внешнего фактора в развитии экономики.....	36
Г.Шаламов. Маленькие проблемы провинциального банка в зеркале большой экономики.....	51
З.Муромцева. Формы и методы реализации государственной энергетической политики в КНР (окончание).....	56
Н.Ноздрев. Прямые зарубежные капиталовложения японских фирм: структура и динамика.....	66
В.Хлынов. Японский опыт управления наемным персоналом за рубежом.....	72

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В.Усов. Трагедия на Уссури.....	83
А.Волохова. К событиям на Даманском.....	94

1-й экз

В.Молодяков. "Правосудие победителей?" Размышления о Токийском процессе.....	98
А.Писарев. Общественный строй традиционного Китая.....	108
Б.Горбачев. Поход НОАК в Тибет (1950-1951).....	121

ДОКУМЕНТЫ, АРХИВЫ

С.Тихвинский. О "секретном демарше" Чжоу Эньляя и неофициальных переговорах КПК с американцами в июне 1949 г.....	133
---	-----

ЗАПАД-ВОСТОК

Б.Поспелов. Этика ненасилия: синтез интеллектуальных и нравственных ценностей.....	139
---	-----

РУССКИЕ В КИТАЕ

С.Лазарева. "Союз русских женщин" со свастикой.....	151
---	-----

ТРАДИЦИИ И ОБЫЧАИ

С.Маркарьян, Э.Молодякова. Истоки и корни японского национального характера.....	155
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Присвоение звания "Почетный доктор ИДВ РАН" профессору У Чон Ха.....	164
Ю.Цыганов. Конкурс лучших трудов по экономике в АОН Китая.....	166

РЕЦЕНЗИИ

Ю.ГЛЕБОВ, Л.Юзефович. Самодержец пустыни. Феномен судьбы барона Р.Ф.Унгерн-Штернберга. Л.Охотин. Унгерн - бог войны.....	171
--	-----

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

В.Н.Бунину - 70 лет.....	175
--------------------------	-----

Редакционная коллегия

АМ.Григорьев (главный редактор), Я.М.Бергер (замглавного редактора), Ю.М.Гарушянц, В.И.Глунин, Л.М.Гудошников, П.М.Иванов, В.Н.Кашин, В.В.Малявин, С.А.Манежев, П.А.Минакир, В.С.Мясников, Л.С.Переломов, Д.В.Петров, А.А.Писарев, В.Я.Портяков, Б.Л.Рифтин, Б.Н.Славинский (замглавного редактора), Н.Н.Соловьев, В.Ф.Сорокин, Ю.С.Столяров, Г.Д.Сухарчук, М.Л.Титаренко, Н.С.Тихонов (отв. секретарь), В.П.Ткаченко

© Российская академия наук
Институт Дальнего Востока РАН

Москва, 117218, ул. Красикова, 27, тел. 124-09-02

Регион

Новая дипломатия Сеула

Выступление Чрезвычайного и Полномочного Посла Республики Корея в
Российской Федерации г-на Ким Сук Кю на заседании Ученого Совета
Института Дальнего Востока РАН 4 марта 1994 г.

В своем выступлении я хотел бы рассмотреть нынешнюю ситуацию на Корейском полуострове, новую дипломатию Кореи, межкорейские отношения и отношения между Россией и Кореей.

Корейский полуостров

Для начала позволю изложить свое видение ситуации на Корейском полуострове.

Учитывая мировые тенденции с конца 1980-х гг. до сегодняшнего дня, мы видим, что век идеологической конфронтации остался позади, и наступает век демократизации и рыночной экономики. Однако, если на европейском континенте в свете коренных изменений в Восточной Европе и России наблюдается движение к созданию единой Европы, то в США складывается ситуация, которую нельзя охарактеризовать только знаменем времени, хотя и здесь прекращение "холодной войны" дает себя знать.

Рассмотрим ситуацию в отдельных странах и начнем с России. Сейчас Россия предпринимает усилия для расширения сотрудничества с регионом Восточной Азии и одновременно, в ходе сложного процесса реформ, прокладывает свой трудный путь к демократии и рыночной экономике.

США сокращают свое военное присутствие и вмешательство в дела на Корейском полуострове и вокруг него, но в то же время заново определяют свою роль хранителя равновесия в меняющихся отношениях в регионе. США пытаются компенсировать ослабление своей роли в военных вопросах и в проблемах безопасности наращиванием влияния в сфере политики и экономики.

Япония - средоточие экономической мощи региона, постепенно укрепляет свои позиции. Однако перед ней стоит задача решения торговых противоречий с США и проведения внутривнутриполитической реформы.

Китай идет по несколько своеобразному пути. Активно адаптируясь к мировым тенденциям в сфере экономики, он сохраняет консервативные подходы в сфере политики, пытаясь ввести некоторые нововведения на основе коммунистической системы. Среди четырех великих держав региона Китай - это единственная страна, подходы которой к международным вопросам отличаются от подходов других. Очевидно, что Китай доволен своей политической

стабильностью и экономической активностью. Однако разрыв между уровнями политического и экономического развития становится все более трудной проблемой. В свете растущих требований политического плюрализма Китай начинает процесс подлинной социальной трансформации.

Республика Корея, усилившая свои международные позиции благодаря экономическим успехам, с конца 1980-х гг. проводит внешнеполитический курс на примирение между Западом и Востоком. Мы установили дипломатические отношения с Россией и Китаем, которые были нашими противниками в годы "холодной войны", и развиваем с этими странами отношения дружбы и сотрудничества во всех областях.

Было время, когда Корея развивала рыночную экономику на базе политического авторитаризма. Но сейчас, после прихода к власти в прошлом году гражданского правительства, мы удвоили свои усилия, направленные на демократизацию и интернационализацию нашего общества.

КНДР не спешит присоединиться к процессу реформ и открытости, опасаясь, что это может подорвать ее коммунистическую систему. Таким образом, КНДР стоит в ряду тех немногих стран, которые рьяно пытаются сохранить устаревший режим.

Руководство Северной Кореи видит первостепенную задачу в сохранении системы и передаче власти по наследству. Поэтому права человека и жизненный уровень населения не входят в число приоритетных задач руководства страны.

Это явление характерно для любого общества, в котором политическая власть устанавливается верховным правительством или завоевывается в результате борьбы внутри элитных группировок, а не в ходе выборов. Подобную позицию Северной Кореи можно охарактеризовать как импульсивный анахронизм.

Словом, регион вокруг Корейского полуострова включает в себя страны с различными системами: от образцов демократии и рыночной экономики до Северной Кореи, которая чуждается реформ и открытости. В регионе представлены все стадии исторического развития, через которые прошла каждая отдельная страна. Независимо от того, на какой стадии находится та или иная страна, регион в целом переживает процесс трансформации и перестройки отношений между странами.

С другой стороны, если посмотреть на регион как на целое, мы увидим четко выраженную тенденцию к многостороннему сотрудничеству. Экономическое сотрудничество, свободная торговля, окружающая среда и безопасность - вот основные вопросы региональной повестки дня. Становление АПЕК и активные дискуссии по развитию многостороннего диалога по вопросам безопасности показывают, что страны региона сознают необходимость совместной максимизации общих интересов, невзирая на разные уровни развития. Это также означает, что посредством формирования страны региона многосторонней системы пытаются создать ниши безопасности в период изменения силовых отношений в регионе.

Возникшая на этом фоне ядерная проблема Северной Кореи стала важным фактором, который определит дальнейший ход развития ситуации на полуострове, и своего рода лакмусовой бумажкой, которая выявляет суть политических подходов крупных держав и их цели в международной политике.

Ядерная проблема Северной Кореи вызывает у нас глубокую озабоченность. Эта проблема либо выведет Северную Корею на дорогу открытости, либо приведет к углублению давней конфронтации и недоверия, что может завершиться катастрофой.

Новая дипломатия Кореи

Говоря о тенденциях развития ситуации на Корейском полуострове и вокруг него, нельзя не упомянуть о прогрессе в деле демократизации корейского общества.

В период 1960-конца 1980-х гг. в Республике Корея сохранялась система политического авторитаризма, которую подпитывала прогрессирующая государственная экономика.

Однако в конце 1980-х гг. такое несоответствие политики и экономики стало источником все более острого недовольства.

В то время в других странах говорили, что Корею следует создать политическую систему, качество которой соответствовало бы качеству автомобилей "Хюнда".

Плодом активных усилий, предпринимаемых в целях демократизации в конце 80-х - начале 90-х годов, стал приход к власти в 1993 г. первого за 30 с лишним лет гражданского правительства. Это значит, что Корея присоединилась к группе средних политических и экономических держав мира.

Именно это имел в виду президент Ким Ен Сам, когда он, вскоре после вступления на пост президента, провозгласил "новую дипломатию". Это заявление отражает уверенность Кореи в ее статусе в международном сообществе и указывает направление, по которому будет развиваться наша внешняя политика в эру после "холодной войны".

К счастью, еще до появления в Корею гражданской демократии в стране был заложен прочный базис новой дипломатии - я имею в виду установление дипломатических отношений с Россией и Китаем, а также активное участие в международных организациях типа ООН.

Основное направление "новой дипломатии" можно охарактеризовать так: глобализация, диверсификация, многомерность, региональное сотрудничество и ориентация на будущее.

Первое. Необходимость глобализации обусловлена тем, что, по нашим собственным оценкам, корейской дипломатии прошлого не хватало глобально-универсальных подходов; наша дипломатия была слишком сильно озабочена конфронтацией с Северной Кореей и проблемами национальной безопасности. В каком-то смысле, такая тенденция была неизбежной в свете истории Кореи после II мировой войны, отмеченной территориальным разделом, корейской войной и острой конкуренцией между Севером и Югом Кореи. Сейчас, с приходом эры глобализации, такие общечеловеческие ценности как свобода, справедливость, мир и благосостояние должны стать основными критериями в определении содержания внешней политики нашей страны.

В этой связи "новая дипломатия" Кореи нацелена на активное участие в решении глобальных вопросов (таких как международный мир, контроль над вооружениями и разоружение, окружающая среда и сохранение ресурсов), а также в создании более справедливого и совершенного мира.

Диверсификация обусловлена тем, что биполярный мир ушел в прошлое. Именно в прошлом корейская дипломатия была сосредоточена на отношениях с Западом, особенно с США. Однако сейчас Корея установила и успешно развивает хорошие отношения с четырьмя основными соседними странами. Новая тенденция многостороннего сотрудничества и усиления взаимозависимости государств требует от нас развития взаимовыгодных отношений не только с США и Японией, но также и с Россией, Китаем, АСЕАН, ЕС, Ближним Востоком и странами Латинской Америки.

Все это не означает, что отношения с США и Японией отойдут на второй план. Напротив, диверсификация предполагает расширение деятельности корейской дипломатии на основе укрепления связей с традиционными союзниками.

Если диверсификацию можно рассматривать как расширение дипломатического пространства, то многомерность означает поиск разнообразных ценностей в дипломатической деятельности. Корейская дипломатия слишком долго уделяла огромное внимание идеологии и национальной безопасности, ибо перед лицом угрозы вооруженной агрессии со стороны Северной Кореи безопасность нашего народа была для нас самым главным вопросом.

Но сейчас, помимо безопасности, в международной политике приобрели большую важность и другие аспекты: экономика, торговля, благосостояние, экология, разоружение и культура. Развитием этих ценностей занимаются не только отдельные страны, но и международные организации.

Действуя в соответствии с этими тенденциями, Корея проложит дорогу к своему активному участию в делах международного сообщества и к обеспечению длительного процветания корейской экономики, которая во многом зависит от внешней торговли.

Региональное сотрудничество - это одна из главных международных тенденций, которым должна неуклонно следовать корейская дипломатия.

В отличие от Европы, где усилия по интеграции были начаты давно, поскольку страны континента имеют массу общих ценностей в сфере политики, экономики и культуры, в Азии не наблюдался аналогичный прогресс в деле региональной интеграции. Возможно, причиной тому являются культурные и этнические различия и отсутствие взаимопонимания в отношении этих различий.

Кроме того, в прошлом страны Азии уделяли основное внимание двусторонним отношениям с крупными державами, а не многостороннему региональному сотрудничеству.

Однако бурный экономический рост в Восточной Азии и перераспределение сил между крупными державами после окончания "холодной войны" привели к постепенному изменению международной ситуации. Откликаясь на быстрое изменение ситуации, страны АТР стали искать пути достижения стабильности и максимизации общих экономических интересов путем создания региональных механизмов сотрудничества. Озабоченность по поводу создания региональных экономических блоков в Европе и Северной Америке, а также рост протекционизма способствовали ускорению процесса регионального сотрудничества в АТР.

Как следствие, возрастает значение АПЕК. Механизм встреч бывших министров АСЕАН также является вкладом в развитие регионального сотрудничества.

Корея будет продолжать свои усилия, нацеленные на дальнейшую ориентацию таких организаций в сторону открытого регионализма, с тем, чтобы в этом процессе могла участвовать практически каждая страна.

Мы надеемся, что АПЕК и министерские встречи АСЕАН будут сотрудничать с другими региональными экономическими организациями типа НАФТА, что приведет к созданию транстихоокеанского общерегионального экономического сообщества.

Если же АПЕК, АСЕАН, НАФТА будут развиваться как закрытые блоки, это серьезно ослабит возможности сотрудничества в АТР. Поэтому мне представляется, что наступление тихоокеанской эры, о которой идет столько разговоров, зависит от того, будет ли создана единая экономическая

организация, объединяющая Восточную Азию и Северную Америку, или же она будет раздроблена на конкурирующие субрегиональные блоки.

Мы также надеемся, что региональное сотрудничество в АТР распространится и на сферу безопасности. Если на данном этапе общерегиональные консультации по вопросам безопасности в АТР представляются преждевременными, то имеется реальная возможность изучить идею создания своего рода "малых СБСЕ" по субрегионам, например, в СВА или ЮВА, где страны связывают многие общие элементы.

"Ориентация на будущее" - это именно то направление, которому будет следовать корейская дипломатия.

Что касается территориального раздела страны, то корейская дипломатия, казалось бы, могла бы сводиться к пассивному сохранению статус-кво. Выйдя из этой ситуации, мы сможем придать межкорейским отношениям глобальный характер и ориентировать их на будущее. Имея такую перспективу, мы сможем регулировать нынешнюю ситуацию национального раздела, ускорить процесс объединения и даже начать подготовку к следующему после объединения периоду

В целях достижения этой цели необходимы усилия, которые помогли бы международному сообществу поверить в то, что единая Корея будет способствовать укреплению стабильности и процветанию в регионе.

В этой связи в Корее в настоящее время большое внимание уделяется концепции "интернационализации общества". Данная концепция подразумевает отказ от наследия нерационального мышления и замешанного на ксенофобии национализма и переход к общепринятым в мире нормам.

Успешный исход таких усилий будет чрезвычайно полезен для ориентированной на будущее дипломатии.

Итак, новая дипломатия отражает наше серьезное стремление использовать преимущества новой международной ситуации, которая сложилась по окончании "холодной войны" и характеризуется такими позитивными аспектами как многогранный международный порядок, тенденция к примирению и сотрудничеству, растущая роль экономических факторов, а также очевидный прогресс в понимании таких ценностей как демократия, права человека, экология, разоружение и региональное сотрудничество. Конечная цель новой дипломатии - мирное объединение и процветание Кореи.

Межкорейские отношения

Выступая на очередном ежегодном совещании глав дипломатических миссий Кореи, которое состоялось в Сеуле в феврале 1994 г., министр иностранных дел Кореи Хан Сунг Чжу подчеркнул, что нельзя подходить к межкорейским отношениям с точки зрения игры с нулевым результатом; любой выигрыш Северной Кореи в переговорах по ядерному вопросу отнюдь не обязательно следует рассматривать как проигрыш Южной Кореи.

Кто-то может сказать, что правительство Республики Корея и в прошлом делало подобные заявления. Очевидно, что в те годы это была скорее риторика, ибо тогда в подходах нашей страны преобладали остаточные категории "холодной войны".

Разумеется, было бы преждевременным констатировать полное отсутствие таких подходов в настоящее время. Однако следует обратить внимание на тот факт, что внешняя политика Южной Кореи в отношении ядерной проблемы Севера вышла на путь диалога и компромисса.

И действительно, правительство Республики Корея не жалело усилий для того, чтобы успокоить воинственные настроения, появившиеся в связи с этой с проблемой в нашей стране и в США.

В настоящее время, благодаря приходу к власти законного гражданского правительства и уверенности страны в собственных силах, основанной на экономических успехах, сторонники миролюбивых подходов прочно занимают центральные позиции в политике Республики Корея по отношению к Северу. Они стремятся побудить Северную Корею к сосуществованию в духе сотрудничества и не приемлют идею о необходимости загнать Север в угол. Несомненно, эти силы будут получать в Южной Корее все большую поддержку.

В Северной Корее, как представляется, напротив, превалирует мышление в духе "холодной войны".

В переговорах по ядерной проблеме Северной Кореи - проблеме, которая стала основной темой нынешних отношений между Севером и Югом, Пхеньян, демонстрируя по сути конфронтационный подход времен "холодной войны", отвернулся от надежд международного сообщества на поддержание режима Договора о нераспространении и на возможность предотвратить расползание оружия массового уничтожения.

Трудно сказать, чем руководствуется Северная Корея. Одни считают, что ее позиция связана с укоренившимся недоверием к Южной Корее и США и неуверенностью в будущем ее устаревшей политической системы. Другие полагают, что Пхеньян по-прежнему вынашивает агрессивные планы создания ядерных бомб. В любом случае, Пхеньян ошибочно трактует дух времени и намерения Сеула и Вашингтона.

В течение долгого времени Республика Корея старается вести диалог с Севером так, чтобы в ходе этого диалога два корейских государства могли накапливать опыт обменов и сотрудничества, укреплять взаимное доверие, расширять сферы общих интересов и восстанавливать корейское национальное сообщество. Такой диалог проложит путь к политическому объединению страны.

Однако Северная Корея рассматривает диалог как средство коммунизации Корейского полуострова. В частности, когда в Южной Корее возникла проблема политической легитимности, Север пытался эксплуатировать диалог в целях разработки тактики народного фронта. Пхеньян также стремится использовать диалог в целях подхода к западным странам, в частности, к США и Японии.

Как известно, в годы "холодной войны" именно в силу взаимного недоверия СССР и США упустили целый ряд возможностей к сближению, в результате чего военная конфронтация стала главным фактором их двусторонних отношений. Многие обнародованные уже после "холодной войны" документы свидетельствуют о многочисленных случаях серьезных просчетов, допущенных каждой из сторон в толковании намерений другой стороны.

За эти просчеты приходилось платить дорогой ценой - впустую расходовались ресурсы, и почти все народы земного шара испытывали беды и страдания. В этой связи нелишне вспомнить многие исследования, авторы которых считают, что если бы СССР и США правильно интерпретировали намерения друг друга, то оттепель в отношениях по линии Восток-Запад могла бы наступить уже в 1960-х годах.

То же можно сказать и об отношениях между Северной и Южной Кореей. Нарращивание взаимного доверия - это задача первостепенной важности. Решать ее следует, начиная с простых и легких вещей, и постепенно продвигаться вперед.

Основное Соглашение и Декларация о денуклеаризации Корейского полуострова, подписанные Южной и Северной Кореей соответственно в конце

1991 г. и в начале 1992 г., возродили растущие надежды на примирение. Однако всплывший впоследствии ядерный вопрос мрачным облаком затенил эту светлую перспективу.

Недавно Северная Корея, решив в последнюю минуту отойти от грядущей было лобовой схватки, согласилась на инспекцию МАГАТЭ по семи заявленным объектам. Но это только начало процесса. МАГАТЭ и международное сообщество будут добиваться дальнейшего прогресса в этом вопросе до тех пор, пока не останется никаких подозрений в отношении двух незаявленных объектов, которые и положили начало этой долгой истории.

Сейчас Пхеньян стремится извлечь для себя выгоды из каждого поворота в переговорах с США. Это лишний раз доказывает, насколько сильно Пхеньян не доверяет своим партнерам по диалогу и игнорирует мнение международного сообщества.

Совершенно очевидно, что Северной Корее не удастся избавиться от внимания к ее ядерной программе - и не потому, что такова воля Сеула или Вашингтона, а потому, что международное сообщество полно решимости добиться ясности в этом вопросе.

Если Пхеньян изменит свою позицию и будет сотрудничать в скорейшем разрешении этой проблемы, он получит гораздо более того, что стремится получить. Как считают в Республике Корея, все блага, которые получит Северная Корея, сняв подозрения в отношении ее ядерной программы, будут благом и для Южной Кореи, и для всей Северо-Восточной Азии.

Представляется, что Северная Корея пытается исключить Южную Корею из переговоров по ядерному вопросу и принимать все решения только с Соединенными Штатами. Но и в этом Северная Корея заняла неверную позицию, ибо то, что она так упорно стремится получить от Вашингтона и Токио, можно гораздо легче получить через Сеул. Что еще более важно, ее приближение к Вашингтону и Токио через Сеул благотворно скажется на стабильности на Корейском полуострове, укреплении доверия и последующем объединении Кореи.

В этой связи в Южной Корее надеются, что Пхеньян вернется к диалогу с Югом в целях откровенного обсуждения и решения ядерной проблемы.

Республика Корея готова помочь КНДР выйти на путь открытости, выполнить свои международные обязательства и стать членом международного сообщества, который мог бы разделять с другими все блага стабильности и процветания.

От Северной Кореи зависит выбор, выйдет ли она на светлую и открытую арену процветания или будет и дальше находиться в состоянии изоляции и конфронтации.

Отныне четким свидетельством сделанного ею выбора будет ее позиция по ядерному вопросу.

Мы искренне надеемся, что ядерная проблема Северной Кореи будет последней драмой в духе "холодной войны", разыгранной на Корейском полуострове.

Корейско-российские отношения

Как и отношения между Югом и Севером Кореи, российско-корейские отношения вплоть до дипломатической нормализации также характеризовались отсутствием понимания и доверия. В то время многие в Корее утверждали, что стремление СССР установить дипломатические отношения с Кореей было явным проявлением экспансионизма, начало которому было положено еще царской

Россией. В СССР же указывали на "ультраправые милитаристские элементы" в Южной Корее, которые, дескать, были главным камнем преткновения на пути установления дипломатических отношений между двумя странами.

Но, к счастью, эта история имела счастливое завершение. Вступая в четвертый год дипломатических отношений, Россия и Корея наращивают свое сотрудничество во всех областях.

Произошло активное политические сближение двух стран. Договор об основах взаимоотношений 1992 г. укрепил правовую основу дружбы и сотрудничества между Россией и Кореей. Происходит активный обмен делегациями, состоялось несколько встреч на высшем уровне. Россия и Корея занимают сходные позиции по ряду крупных международных вопросов, в том числе по ядерной проблеме Северной Кореи.

Стороны успешно развивают взаимовыгодные и имеющие хорошую перспективу отношения в сфере экономики. Объем торговли Кореи с Россией и другими странами СНГ возрос до 2 млрд. долл., причем эта цифра была достигнута без использования кредита на цели экономического сотрудничества. Ожидается, что к началу 2000 г. объем торговли достигнет 10 млрд. долл.

В этом смысле особенно обнадеживает взаимодополняемость экономик России и Кореи. Россия достигла мирового уровня в областях фундаментальных научных технологий, тяжелой промышленности, разработки ресурсов, авиационных и космических технологий, металлургии и химии. Корея имеет хороший опыт в таких областях, как прикладные технологии, производство потребительских товаров, кораблестроение, автомобилестроение, строительство, приватизация, управление и маркетинг.

В силу географической близости двух стран Корея, российский Дальний Восток и Сибирь могут составить единую область экономического сотрудничества. Российскому Дальнему Востоку гораздо выгоднее импортировать потребительские товары из Кореи или организовать производство на смешанных предприятиях на месте, нежели завозить их из-за Урала. В Корее с удовлетворением отмечают тот факт, что предприниматели двух стран активно работают в налаживании сотрудничества в таких областях как производство потребительских товаров, рыболовство, лесоводство, разработка ресурсов, строительство, а также создание инфраструктуры для развития транспорта и коммуникаций.

Обмены в сфере культуры, образования и туризма вносят ценный вклад в дело укрепления взаимопонимания и установления длительных отношений дружбы и сотрудничества между народами России и Кореи. В 1993 г. в таких обменах приняли участие более 100 тыс. человек.

Быстрое развитие сотрудничества между Кореей и Россией за столь короткий промежуток времени обусловлено тем фактом, что две страны имеют общие ценности в сфере политики и экономики. Эти отношения будут и далее развиваться и углубляться, коль скоро Россия стремится к развитию демократии и рыночной экономики. Именно поэтому Корея надеется на успех российской реформы и будет оказывать помощь в этом направлении.

Несмотря на все переживаемые ныне трудности, Россия не перестала быть сверхдержавой. В начале 1994 г. в ходе встречи на высшем уровне президент Ельцин и президент Клинтон договорились о стратегическом российско-американском партнерстве, которое станет глобальным фактором поддержания мирового порядка. Сообщение о возможном политическом присоединении России к "большой семерке" означает, что Россия будет использовать свой потенциал в сотрудничестве с Западом.

В настоящее время корейско-российские отношения развиваются достаточно гладко. Прошел первый этап чрезмерных надежд и энтузиазма, и

если говорить о дальнейших желательных направлениях в развитии двусторонних отношений, то они, с точки зрения Кореи, могли бы состоять в следующем.

Во-первых, желательно, чтобы Россия играла конструктивную роль в отношении стабилизации на Корейском полуострове и мирного объединения Кореи. Еще со времен Советского Союза Россия стремится к стабильности на Корейском полуострове. Но в то время главный акцент делался на сохранении раздела полуострова. Однако, как мы надеемся, демократическая Россия сможет оказать благотворное воздействие на мирное развитие ситуации в направлении объединения Кореи. Многие корейцы помнят о том, какую роль сыграл Советский Союз в процессе объединения Германии, и надеются, что Россия сыграет аналогичную роль в деле объединения на Корейском полуострове.

Иногда высказывается мнение, что поддерживая хорошие отношения с Северной Кореей, Россия, сохраняя таким образом рычаги воздействия на Пхеньян, будет иметь больше возможностей для реализации своей позитивной роли в решении корейской проблемы. Возможно, при этом учитывается недавняя ситуация в Сербии, когда России удалось воздействовать на сербов, в результате чего состоялся окончательный вывод сил боснийских сербов из зоны Сараево. Однако позволю себе не согласиться с таким суждением.

Помимо всего остального, Россию и Сербию связывает общность истории и религии. С Северной Кореей у России нет почти ничего общего. Социалистический интернационализм и социалистическая солидарность остались в прошлом. Поэтому, ввиду отсутствия какой-либо общности, России будет довольно трудно развивать настолько глубокие отношения с Северной Кореей, чтобы они позволили ей давать Пхеньяну дружеские советы.

В этой связи следует отметить, что Китай, сохраняя достаточную сдержанность в вопросах демократизации и политической реформы, имеет гораздо больше общих черт с Северной Кореей и потому обладает более существенными средствами убеждения Пхеньяна.

Что касается России, то, на наш взгляд, она могла бы сперва побудить Северную Корею к реформе и открытости, а затем, когда Северная Корея твердо встанет на путь реформы, развивать с ней нормальные отношения.

Во-вторых, Россия, как представляется, могла бы и дальше играть свою достойную роль крупной державы в целях поддержания региональной стабильности, особенно при нынешнем изменении в балансе сил в регионе. Учитывая ранее упомянутые подвижки Америки, Японии и Китая, роль России в этом регионе по-прежнему имеет большое значение. При отсутствии России образуется вакуум силы, который может привести к дестабилизации положения в регионе. Поэтому, несмотря на внутренние трудности и сложности в отношениях с Западом, России следует сохранить роль крупной региональной державы.

В-третьих, России и Корее следует досконально изучить области взаимовыгодного экономического сотрудничества. В ходе такого сотрудничества Корея окажет помощь в продвижении российской реформы к рыночной экономике и в выработке взаимовыгодных форм сотрудничества в Сибири и на российском Дальнем Востоке, что поставит отношения между двумя странами на еще более прочную основу.

В-четвертых, еще далеко не исчерпан богатый потенциал российско-корейского сотрудничества на международной арене. Двустороннее сотрудничество по линии МАГАТЭ уже дало весьма неплохие результаты. Как все еще новичок в ООН, Корея в своей деятельности в этой организации надеется на помощь России - постоянного члена Совета Безопасности. Сотрудничество в других международных организациях, ведающих вопросами

разоружения, прав человека и охраны окружающей среды, также будет взаимно полезным.

В-пятых, России и Корее было бы полезно изучить возможности регионального сотрудничества в рамках АТР. В июле 1994 г. в Бангкоке состоится региональный форум АСЕАН с участием министров иностранных дел стран АСЕАН, а также других крупных стран Азии, в том числе России и Кореи. В этой связи было бы желательно, чтобы Россия и Корея обсудили вопросы многостороннего сотрудничества в таких областях как экономическое взаимодействие, борьба с загрязнением морской и воздушной среды, безопасность морских путей, развитие транспорта и коммуникаций, а также предотвращение конфликтов в АТР.

В этом году ожидается визит президента Ким Ен Сама в Россию. Такой визит явился бы ответом на визит президента Ельцина в Корею в ноябре 1992 г. Как известно, еще в 1989 г., будучи в то время лидером оппозиции, президент Ким Ен Сам заложил краеугольный камень корейско-российских отношений.

В заключение разрешите выразить искреннюю надежду, что визит президента придаст мощный импульс активизации корейско-российских отношений по тем направлениям, о которых говорилось в моем выступлении.

Перевод с английского

Т.Каргановой

О проекте свободной экономической зоны "Тумэньцзян" на территории России, Китая и КНДР

© 1994

И. Коркунов

В настоящее время в Восточной Азии идет активный процесс формирования нового мирового центра экономического развития. К новым индустриальным странам (Южная Корея, Тайвань, Сингапур и Гонконг) вплотную примыкает второй блок стран, включающий Таиланд, Индонезию, Малайзию, а также Китай, темпы роста экономики которого одни из самых высоких в мире - 13% (1993 г.). Азиатско-тихоокеанский регион располагает огромными людскими и материальными ресурсами, развитой промышленностью, что позволяет рассматривать его в качестве нового района наиболее интенсивного развития в следующем столетии.

Отражением этих тенденций является одобренный ООН план создания в устье реки Тумэньцзян (ее длина 516 км) на стыке территорий трех стран - России, Китая и КНДР - зоны свободного предпринимательства и торговли. Основной замысел данного проекта - соединить интересы России, Китая, КНДР, а также Южной Кореи, Японии, США и транснациональных корпораций в деле расширения их рынков. По оценкам экспертов, новый международный центр, обеспеченный современными системами транспорта и связи, сможет привлечь по меньшей мере 500 тыс. резидентов и использовать богатые природные ресурсы и рабочую силу из Китая, России и КНДР, с использованием капитала и технологии из Японии и Южной Кореи. Планируется, что годовой грузооборот будущего нового порта свободной зоны может достичь 300 млн. тонн. Экспорт и импорт будут здесь беспошлинными, а пребывание в зоне не потребует виз.

Принятый ООН план предусматривает, что вся территория свободной зоны будет делиться на три части. Во-первых, собственно "экономическая зона" в устье реки, площадью 1 тыс. кв. км, где намечено создание делового центра - ядра зоны. Во-вторых, на значительном удалении от центра зоны будет находиться район экономического развития, представляющий собой обширную равнину площадью 10 тыс. кв. км. В-третьих, весь район, прилегающий к долине реки, куда входят приграничные территории трех стран. Намечается строительство нового порта в Зарубино, а также телекоммуникационной сети по линии Владивосток - Находка - Южная Корея.

Масштабность проекта предполагает соответствующие размеры

необходимых инвестиций - порядка 30 млрд.долл. в течение 15-20 лет. В этих целях будущая корпорация по строительству зоны намерена привлекать кредиты международных компаний, банков, продавать акции. Устав Корпорации предусматривает передачу в ее фонд (на условиях арснды при сохранении национального суверенитета) участков территории трех стран (России, Китая и КНДР), а также международное, совместное управление зоной.

Рассмотрение проекта создания зоны происходило на совещаниях в 1992-1993 гг., а в конце второго квартала 1994 г. представители стран - участниц проекта оценят окончательный развернутый экономический план нового международного центра и наметят этапы его осуществления.

Реализация этого грандиозного проекта, предусматривающего создание крупного современного города, инфраструктуры, транспортного узла и промышленных предприятий, потребует значительной технологической, финансовой поддержки промышленно развитых стран. Именно развитые страны - Япония, США, Канада, Южная Корея - явятся главными вкладчиками в проект и в будущем не только смогут получать основную часть отдачи от непосредственной деятельности нового экономического центра, но в определенной мере и определять стратегию его развития. Многосторонность проекта и прежде всего тот факт, что он будет осуществляться на территории трех государств, в целом не будет подконтролен ни одному из этих государств, станет как бы "общим", что приблизит его к "модели Гонконга".

Проект идет в русле наблюдаемых в последнее время тенденций к интенсификации хозяйственных связей, углублению экономического сотрудничества между странами этого региона. В основе этого явления лежат процессы сравнительно быстрого развития производительных сил стран Дальнего Востока, прежде всего Японии, Южной Кореи, приморских и северо-восточных районов Китая, интернационализации их хозяйственной жизни в сочетании с регионализацией внешнеэкономических связей.

Вместе с тем экономические и политические интересы участников этого масштабного проекта далеко не во всем совпадают и совершенно очевидно, что каждая сторона стремится использовать свое участие с наибольшей для себя выгодой.

В наибольшей мере в реализации данного проекта заинтересована китайская сторона: он получает порт и право выхода в незамерзающее Японское море. Это ускорит поставки китайского сырья и товаров в Японию; возникнет новая система прямых связей между провинциями северо-востока Китая и префектурами западной части Японии. С завершением строительства нового аэропорта Титос (к югу от Саппоро) закладывается авиамост кратчайшей связи между северо-восточными провинциями Китая и западным побережьем США. Наконец, создание экспортно-производственной зоны в устье р.Тумэньцзян будет содействовать ускорению промышленного развития соседней провинции Хэйлунцзян. Китай заинтересован в освоении топливно-сырьевых ресурсов Дальнего Востока. Правительство КНР намерено инвестировать свыше 10 млрд.юаней (около 2 млрд.амер.долл.).

Японские эксперты, разрабатывая концепцию свободной зоны, стремятся ускорить экономическое, промышленное развитие относительно отсталых западных районов Японии, установить и расширить прямые каналы получения сравнительно дешевого сырья из северо-восточного района Китая и российского Дальнего Востока, получить преобладающие позиции в ходе создания вышеупомянутой экспортно-производственной базы. Поскольку расстояние между Ниигатой и устьем р.Тумэньцзян составляет всего 850 км, в Японии считают, что будущий порт может быть идеальным перевалочным пунктом для проникновения на китайский и европейский рынки.

Южная Корея планирует инвестировать 100 млн. амер. долл. в расположенный в зоне китайский город Янцзи, чтобы развивать животноводство в этом районе. Изолированная от моря Монголия также не хочет стоять особняком от "клуба Тумэнь". Она намерена экспортировать свое сырье и продукцию через будущий порт на реке Тумэньцзян и участвовать в развитии проекта.

России также предстоит разработать комплексную концепцию участия в этом международном проекте, предусматривающую конкретные меры, благодаря которым страна могла бы получить наибольшую отдачу от его реализации.

Россия крайне заинтересована в создании современной инфраструктурной и производственной базы Дальнего Востока. С точки зрения экономики Дальневосточного региона, международный проект мог бы смягчить такую острую для ДВЭР проблему, как развитие производственной (транспорт, связь, энергоснабжение, строительство) и социальной (жилищное строительство, медицина, образование) инфраструктур, неразвитость которых обуславливает низкую производительность труда, текучесть кадров. Развитие экономики и структурная перестройка ДВЭР могут быть наиболее успешными на основе активизации внешнеэкономического сотрудничества в АТР. Одному ДВЭР с населением в 7 млн. человек не решить свои проблемы, не освоить торговых и инвестиционных возможностей партнеров, не выстоять в конкурентной борьбе, хотя его ориентация на страны Тихого океана провозглашалась давно.

ДВЭР располагает богатым природно-ресурсным потенциалом и выгодным географическим положением. На этот регион приходится 30% общероссийских запасов древесины, 7,3% природного газа, 5,5% запасов железной руды и 5,2% запасов угля. Вместе с тем, являясь составной частью быстро развивающегося Азиатско-тихоокеанского региона, ДВЭР имеет весьма одностороннюю структуру экономики ресурсодобывающей направленности. На добывающие отрасли промышленности приходится 29% от общего объема товарной продукции региона (по России - 11%). Более 40% промышленной продукции дают три отрасли - горнодобывающая, лесная и рыбная. На долю ДВЭР приходится 58% улова рыбы и заготовки морепродуктов, 86% сбора соевых и 13% вывоза круглого леса. Такая сырьевая специализация обуславливает значительные потери в виде добавленной стоимости.

Прежние программы комплексного развития экономики ДВЭР не предусматривали глубоких качественных изменений производительных сил региона, недооценивали роль внешнего фактора. В 1992 г. была резко изменена схема централизованного обеспечения ДВЭР и принят курс на самообеспечение региона в пределах материальных и финансовых балансов предприятий, которые получили право на экспорт 30% местной продукции и на 40% валютной выручки, на создание СП с участием иностранного капитала.

Вместе с тем экономическая свобода ставит перед российским Дальним Востоком необходимость самостоятельного решения своих проблем, изолирования рыночных механизмов, а также внешних факторов, включая задачи структурных изменений экономики, стимулирование экспортноориентированных отраслей, ускоренное развитие инфраструктуры, транспорта, связи, создание новых рабочих мест, преодоление отставания по уровню жизни от остальных территорий.

Создание международного мегаполиса способствовало бы более активному участию ДВЭР в создании и развитии производственной зоны, работающей на экспорт, содействовало бы более углубленной переработке сырья, выходу наших товаров на рынок АТР и на мировой рынок при возможном использовании сбытовой структуры наших партнеров. Все это способствовало бы диверсификации экономического сотрудничества со странами АТР, отходу от

простых форм связей и переходу к более сложным и выгодным формам отношений: производственной и научно-технической кооперации, совместному предпринимательству, обмену услугами (прежде всего наукоемкими - консультированием, лизингом оборудования, услугами в сфере информатики и телекоммуникаций). Это, в свою очередь, обусловило бы рост заинтересованности стран АТР к сотрудничеству с Россией и постепенному преодолению той дискриминационной по сути экономической политики, которая проводится сейчас по отношению к России.

Наконец, участие в этом проекте дало бы нам значительный опыт создания и функционирования крупномасштабных совместных предприятий. В то же время участие России в проекте не должно замыкаться на простой "продаже географического положения", необходимо принять активные меры, которые позволили бы стране в перспективе получать максимальные дивиденды от реализации проекта, завоевать более твердые позиции среди стран - участниц.

Поэтому представляется важным углубленная проработка следующих вопросов:

- при разработке комплексной концепции участия России в международном проекте необходимо занять по отношению к нему активную, наступательную позицию. С учетом масштабов проекта и его важности для экономического развития ДВЭР и России потребуются принятие пакета законодательных актов и, возможно, специального положения правительства России;
- России придется участвовать в финансировании проекта, хотя и не на равных с промышленно развитыми странами. С этой целью возможно создание коммерческой (акционерной) компании, которая могла бы аккумулировать поступления ведомств, предприятий, банков, заинтересованных в прибылях от деятельности будущего международного центра и в выходе на рынки АТР. Некоторые страны СНГ могут проявить чисто коммерческий интерес к данному проекту. В этой связи полезно образование многостороннего консорциума, который позволит аккумулировать и координировать совместные вложения в проект;
- создание международного мегаполиса может явиться базой для иностранных инвестиций в ДВЭР с целью преодоления слабости его инфраструктуры, которая будет увязана с производственной базой нового регионального центра. Действенной мерой по использованию возможностей этого центра может явиться создание рядом с ним СЭЗ многоцелевого характера, которая будет развиваться в интересах России. Неслучайно в предложении КНР о проекте предусматривается строительство города-порта на территории КНР возле будущего международного центра;
- реализация проекта Тумэньцзян может способствовать расширению экономических связей с Китаем, а также с Южной Кореей и Японией, переходу к более активной стратегии сотрудничества с ними, включая осуществление совместных проектов в сфере высоких технологий с участием научных центров стран - участниц проекта. Возможна концентрация совместных усилий на коренной реконструкции транспортной системы в приграничных районах, строительство сети энергоснабжения (прокладка нефтепроводов и газопроводов), создание единой электроэнергетической сети, линий связи, а в дальнейшем - общих компьютерных сетей;
- заповедная зона Посьетского залива и озера Хасан - сложный район для поддержания экологического равновесия. Ряд специалистов считает, что этот район больше подходит для создания здесь санаторно-курортных и туристских комплексов. Видимо, следует предусмотреть возможность снятия негативных

последствий для экологической обстановки в этом районе в связи со строительством этой крупной СЭЗ.

Вместе с тем проект создания свободной экономической зоны Тумэньцзян наряду со многими его в целом положительными сторонами не лишен также и некоторых негативных аспектов, которые необходимо учитывать и искать пути их решения;

- необходимо противостоять попыткам партнеров рассматривать российский регион в качестве лишь источника поставок сырья и предоставления территории для создания зоны, что представляет угрозу промышленному развитию ДВЭР. Вследствие слабости инфраструктуры этого региона и более благоприятных условий нового торгово-промышленного мегаполиса наши порты и другие экономические центры могут остаться в стороне от торговых путей и оказаться "обескровленными". Необходимо предусмотреть их привязку к мегаполису;

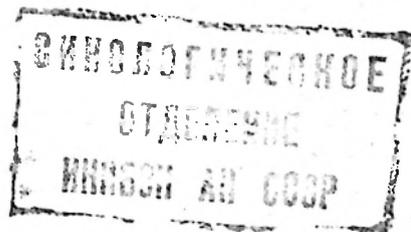
- новый трансконтинентальный железнодорожный "мост" из Азии в Европу, вступивший в эксплуатацию в конце 1992 г., может составить конкуренцию транзиту грузов через порты Приморья и Транссибирскую магистраль, по сравнению с которой новый путь короче на 2 тыс. км, а стоимость доставки грузов, по китайским оценкам, ниже на 20%;

- с созданием новой СЭЗ возможно обострение конкуренции России и Китая в АТР и на мировом рынке, в том числе на рынке капиталов, трудовых услуг, в сфере строительства, наукоемкой продукции. Следует предусмотреть сложные вопросы взаимных расчетов, связанные с неконвертируемостью рубля.

Депонированная рукопись

Марков А.П. Россия - Япония (В поисках согласия)
Институт Дальнего Востока Российской Академии Наук.
Москва, 1994. - 137 с. - Рус. Деп. в ИНИОН РАН

Автор книги поставил задачу вскрыть глубинные причины неблагоприятного положения в российско-японских отношениях. Большое внимание в работе уделено проблеме Южных Курил, передачи которых требует Япония, истории возникновения проблемы, сопоставлению аргументов сторон. Автор книги рассматривает проблему Южных Курил среди других проблем и не столько как причину, сколько как следствие напряженности отношений между Россией и Японией. Большая часть книги посвящена анализу ситуации, сложившейся в российско-японских отношениях после образования в 1991 г. Российской Федерации, рассмотрению возможностей достижения между двумя странами согласия, расширения экономических, иных форм сотрудничества, роли в этом Курильских островов, Сахалина, российского Дальнего Востока, Сибири.



Россия и Китай: сравнительный анализ региональных процессов

© 1994

Л. Вардомский, Е. Самбурова

При переходе от централизованной экономики к рыночной неизбежно происходят изменения в характере регионального развития страны. Это обусловлено ограничением вмешательства государства в экономическую жизнь, ориентацией экономической деятельности на получение прибыли, переносом центра тяжести в принятии хозяйственных решений на микроуровень. В инвестиционных процессах, играющих важную роль в изменении территориальных пропорций экономики, возрастает значение предпринимательских, в том числе зарубежных, структур.

Наиболее сильно режим регионального развития изменяется в России и Китае, имевших высокую степень централизации управления экономикой и одновременно большое внутреннее разнообразие условий ее функционирования. В обеих странах происходит децентрализация экономики, постепенное формирование рыночной среды, возрастает действие внешних факторов на национальное хозяйство. В связи с этим в современных региональных процессах обеих стран имеются некоторые сходные черты. В то же время из-за принципиальных различий в методологии проводимых рыночных преобразований и специфики территориальных структур хозяйства, унаследованных от периода централизованного развития, региональные процессы в России и Китае характеризуются большим своеобразием. Успех реформ в Китае, на наш взгляд, во многом объясняется тем, что по своему содержанию они не противоречат сложившимся региональным пропорциям и отношениям.

1. Наследие регионального развития России и Китая

Для проведения сравнения необходимо, хотя бы в самом общем виде, оценить состояние экономического пространства рассматриваемых стран на момент начала системных трансформаций. Рыночные преобразования (либерализация цен, экономическая жизнь в целом, разгосударствление хозяйства, переход к открытой экономике, изменения в налоговой и бюджетной политике) реализуются на национальной территории с вполне конкретными экономическими особенностями. Среди них для нашего рассмотрения особое значение имеет общий порядок размещения хозяйства, соотношение городского

и сельского населения, характер межрегиональной специализации хозяйства, размещение экспортного производства.

Региональное развитие в обеих странах в условиях централизованного развития шло в целом в русле исторических тенденций экономического освоения их территории. Процесс хозяйственного освоения в России (СССР) шел с запада на восток и север, а в Китае - в противоположном направлении: - от морского побережья в глубь страны. При этом полюсами экономической экспансии в обеих странах выступали столичные области. Но в России этот процесс с конца прошлого века шел более динамично. В годы социалистического строительства его естественный ход был ускорен военно-политической обстановкой, обособленностью от мирового хозяйства, сверхцентрализацией управления хозяйством, а в последние десятилетия ресурсоемким характером экономики. Освоение территории осуществлялось в основном посредством ее индустриализации.

Крупный сдвиг производительных сил на восток произошел в 30-е годы в связи с формированием Урало-Кузнецкого комбината. Последующий дрейф на восток был связан с перебазированием промышленности в годы Великой Отечественной войны. Этот дрейф продолжился в 50-е годы, как ответ на развернувшуюся гонку вооружений. В 60-80-е годы движение экономики в восточные районы было связано с освоением крупных энергетических ресурсов: нефти, природного газа, угля, сибирских рек. В 70-80-е годы к освоению природных ресурсов России привлекались крупные иностранные кредиты на компенсационной основе.

Можно предположить, что при сохранении тенденций экономического развития России, преобладавших на переломе XIX-XX вв., пропорции размещения населения и хозяйства были бы иными. Более высокую долю занимали бы европейские и дальневосточные регионы. В то же время доля Сибири была бы ниже.

В Китае исторический процесс освоения территории в отличие от России был связан с сельскохозяйственным производством. Индустриализация образовала новую волну освоения. Ее эпицентром стали наиболее развитые приморские районы. Их исторически сложившийся отрыв от остальной части страны еще более вырос в результате насильственного экономического проникновения во второй половине XIX в. в страну западных держав, которые добивались открытия для торговли главных морских портов, торговых льгот, концессий на сооружение железных дорог, вечной аренды городских участков для создания поселений иностранцев. Иными словами, развитие приморских районов с середины прошлого века все сильнее увязывалось с международным разделением труда. В глубинных районах сохранялось преобладание натурального хозяйства, экономически слабо связанного с приморскими провинциями.

В годы социалистической индустриализации разрыв между восточными районами страны, с одной стороны, и центральными и западными - с другой, увеличился еще больше. Этот разрыв не удалось существенно сократить в результате создания в 60-е годы в юго-западных провинциях "третьей линии обороны" в виде резервных промышленных мощностей на случай "агрессии с Севера".

Таким образом, в России исторически сложился внутриматериковый тип размещения хозяйства, когда большая часть экономического потенциала размещена на расстоянии более 1000 км от ближайших морских портов и пограничных переходов. В Китае же ярко выражен приокеанический тип размещения. Это принципиальное различие в территориальном наследии сравниваемых стран.

Общей их чертой является наличие обширных малоосвоенных пространств. На них приходится около 2/3 территории России и Китая. Это пространства с неблагоприятными для проживания населения условиями. Для слабоосвоенных территорий характерна низкая плотность населения, простая структура хозяйства с резким преобладанием ведущего производства, слаборазвитая инфраструктура, высокая капиталоемкость и энергоемкость развития.

Хозяйственное освоение новых территорий происходит в интересах наиболее обжитых районов, в которых концентрируется финансовый и интеллектуальный потенциал. Следствием этого общего положения являются межрегиональные различия в уровнях социально-экономического развития. В расчете на душу населения объемы производства между субъектами РФ различаются в 3-4 раза, в объемы потребления - в 1,5-2 раза. Такого же порядка контрасты в Китае. Но в конце 70-х годов ВВП на душу населения в КНР был многократно ниже, чем в России¹.

Важным отличием России от Китая является то, что процесс освоения ее территории сопровождался довольно узкой экономической специализацией регионов. Этому способствовала небольшая численность населения у большинства республик, краев и областей. Кроме того, влиял примат в 50-80-х годах крупного производства с большой единичной мощностью основных технологических агрегатов. При этом малоосвоенным районам отводилась роль поставщиков сырья, на среднеосвоенных территориях сосредоточивалось производство промежуточных продуктов, а старопромышленные регионы специализировались на выпуске финальных изделий. Таким образом, при движении с востока на запад в структуре экономики России увеличивается доля производств, представляющих заключительные стадии технологического периода.

Развитию такой специализации регионов способствовало установление для целей форсированной индустриализации заниженных цен на топливо, сырье и материалы и завышенных - на готовые изделия, а так же весьма низких транспортных тарифов. Ее важным следствием является интеграция российских регионов через центр. Экономические связи Сибири и Дальнего Востока замыкаются преимущественно на европейскую часть.

Следует подчеркнуть, что процесс освоения российской территории длительный период опирался на внутренние источники накопления, прежде всего на дешевый труд и природные ресурсы. Но в условиях неэффективной экономики, громадных расходов, связанных с гонкой вооружений и щедрой помощью идеологическим союзникам, страна испытывала хронический дефицит инвестиций. С этим связаны структурные диспропорции хозяйства многих российских регионов, находящихся на разных стадиях освоения. Структурные диспропорции проявляются в неэффективной специализации хозяйства большинства республик, краев и областей, которая формировалась в составе общесоюзного народно-хозяйственного комплекса, слаборазвитой социальной инфраструктуре, перекосе в сторону отраслей, производящих средства производства.

Освоение новых территорий происходило в условиях сохранения европоцентрической ориентации внешних связей и военноопасных азиатских границ России, что препятствовало созданию нового центра освоения российской территории на Дальнем Востоке и мешало начать переход к комбинированному материково-приокеаническому типу размещения хозяйства.

В 60-70-е годы процесс освоения в России в значительной мере финансировался экспортом топлива, сырья и материалов. В этот период основные экспортные производства страны стали смещаться в сибирские районы.

В результате сегодня экспортное производство имеет более глубинный характер размещения, чем экономика страны в целом². В сибирских, в основном слабоосвоенных районах, производится более половины экспортной продукции страны. Рост капиталоемкости экспортного производства и ухудшение условий торговли для основных товаров в 80-е годы существенно ограничили инвестиционную деятельность на новых территориях и резко затормозили структурную перестройку старопромышленных районов.

Территориальное развитие в Китае происходило в условиях схожей модели индустриализации, что и в СССР. Решить проблемы индустриализации в стране пытались в рамках концепции "опоры на собственные силы" и "питания от общего котла". В рамках жесткой централизации воспроизводственных ресурсов создавались крупные промышленные предприятия. Однако это не привело к принципиальным изменениям в производственной структуре промышленности, в которой сохранялось преобладание мелких предприятий. Инвестиционный потенциал страны был существенно ниже, чем в России, из-за отсталости хозяйства и бедности населения, отсутствия ярко выраженного экспортного сектора экономики, дефицита многих видов топлива и сырья.

Обостряющееся противоречие между дефицитом средств развития и нарастающим демографическим давлением в условиях враждебного окружения руководство страны пыталось решить в рамках политики "большого скачка" и "культурной революции". Это не решило фундаментальных проблем для Китая - занятости и обеспечения продовольствием, но повлияло на ход региональных процессов. Следует подчеркнуть, что индустриализация в России сопровождалась быстрым ростом городского населения, доля которого в 1950-1980-е годы увеличилась с 45 до 70%, в то время как в КНР она осталась на уровне 20%.

За годы дореформенного территориального развития произошло усиление региональных различий в уровнях развития промышленности. Экспортный потенциал Китая наращивался прежде всего в приморских районах. Межрайонная специализация в условиях курса "опоры на собственные силы" развивалась весьма ограниченно. В каждой провинции формировался автономный экономический комплекс, удовлетворяющий большую часть местных потребностей. Выделение в 1985 г. на территории страны Восточной, Центральной и Западной зон отражает не столько сложившуюся между ними специализацию, сколько имеющийся разрыв в уровнях развития, а также интерес центра иметь в них те или иные сферы экономики.

Таким образом, в отличие от России в Китае не сложилось глубокое межрайонное разделение труда во всех его технико-экономических проявлениях. Это уберегло страну от регионального производственного монополизма, характерного для России, и обеспечило устойчивость экономики в наиболее острой стадии кризиса³.

Важным отличием регионального развития в сравниваемых странах был тот факт, что Россия до 1992 г. не представляла собой самостоятельной государственной единицы. Она была включена в региональные процессы, которые охватывали все общесоюзное пространство. В связи с этим распад СССР для России обернулся усилением регионального монополизма, прежде всего в энергоснабжении, производстве продовольствия, международном транспорте, сфере отдыха.

Следует также подчеркнуть, что Россия унаследовала от дореформенного времени значительно более сложное государственное устройство, что связано с ее пестрым национальным составом. Национальный состав Китая более однородный. При этом его национальные районы занимают малоосвоенную периферию на Западе страны. В России национально-государственные

образования размещены мозаично и располагаются на территориях, имеющих стратегическое значение с точки зрения либо находящихся там ресурсов, либо положения на транспортных коммуникациях. В ходе радикальных преобразований этот фактор приобретает немаловажное значение.

Общей чертой России и Китая является то, что реформы начались "сверху", по инициативе политического центра. Следует подчеркнуть, что преобразовательный импульс исходил и исходит от наиболее развитых частей национального экономического пространства. Это накладывает отпечаток на ход региональных процессов. Однако наиболее существенное воздействие на них оказывают цели и механизмы осуществляемых реформ. И в том числе то, как в них учитывается исторический опыт экономического развития и унаследованный территориальный уклад.

2. Особенности современных региональных процессов Китая

Реформы в Китае начались в 1978 г. и преследовали цель глубокой модернизации китайского общества и прежде всего экономики. Для модернизации необходимо было резко активизировать инвестиционные процессы, поэтому акцент делался на более эффективное использование главных производственных ресурсов страны: земельных и трудовых. Для этой цели были либерализованы экономические отношения в аграрном секторе. Потенциал этого фактора определялся громадным сельским населением. Развитие рыночных отношений на селе позволило не только решить продовольственную проблему, но и существенно расширить потребительский спрос сельского населения, что в свою очередь оживило экономику городов. В ходе реформы была расширена самостоятельность государственных и коллективных предприятий, разрешено индивидуальное предпринимательство. В сумме эти мероприятия способствовали устойчивому расширению внутреннего инвестиционного потенциала.

Другим важным направлением реформ, существенным для регионального развития, стало открытие страны для внешнеэкономического сотрудничества. Открытая экономическая политика и создание благоприятного инвестиционного климата для иностранных инвесторов позволили обеспечить с конца 70-х годов устойчивый приток в страну зарубежных инвестиций. Следует подчеркнуть, что для выхода из политики изоляционизма Китай использовал опыт прошлого развития, правда, теперь на добровольной основе.

В целом китайские реформы осуществляются сильным центром, который сочетанием рыночных и административных инструментов направляет развитие экономики в желаемое русло. При этом широко используется метод "разных скоростей" включения в рыночные отношения отдельных сегментов экономики, в том числе и регионов.

Руководство страны осознанно идет на поддержку в разных формах экономически наиболее сильных регионов, руководствуясь тезисом, что "одни регионы становятся зажиточными раньше, чем другие". При этом в 80-е годы речь шла прежде всего о наиболее развитых приморских провинциях. Ярче всего это проявляется в использовании механизма многоступенчатой открытости территории⁴. Главным инструментом открытости выступают налоговые льготы и дополнительные экономические полномочия для избранных территорий. Вместе с крупными государственными инвестициями для инфраструктурного обустройства это создаст благоприятный инвестиционный климат. Благодаря притоку иностранных инвестиций на открытых территориях реализуется экспортноориентированная модель экономического развития.

Для расширения поддержки реформ на местном уровне в 1980 г. Китай перешел к системе "питания по отдельным котлам", что означало передачу на

провинциальный и местный уровень экономических полномочий и расширяло их долю в консолидированном бюджете. Благодаря этому получили дополнительный импульс развития мелкие предприятия. Особенно следует отметить развитие поселковой промышленности, которая поглотила более 100 млн. человек, высвободившихся в результате реформ на селе. В свою очередь это ускорило процесс сельской урбанизации, который развивается в первую очередь вблизи крупных городов, роль которых, как центров рыночных нововведений, возрастает. С этим связан также и тот факт, что территория многих городов была расширена за счет прилегающих сельских земель. В связи с этим доля городов в населении страны сегодня приближается к половине. Важным инструментом структурной перестройки городов являются зоны экономического и технологического развития и зоны свободной торговли.

Однако среди современных региональных процессов наиболее важны по своим последствиям большие территориальные различия по темпам экономического развития. Они существенно выше на "открытых территориях" приморских провинций и ниже в глубинных районах. Например, темпы развития южнокитайской провинции Гуандун за годы реформы были на 30-40% выше среднекитайских. Доля провинций в промышленной продукции страны увеличилась с 4,5 до 9%. В приморские провинции направляется основная часть прямых иностранных инвестиций, что сильно способствует ускоренной структурной перестройке их хозяйства, наращиванию экспортного потенциала и росту благосостояния населения.

В результате в стране усиливаются контрасты по уровням социально-экономического развития. В наибольшей степени от реформ выиграли наиболее развитые приморские провинции; прежде всего южные, и столичный регион. Внутренние провинции страны, не включенные в систему территориальной открытости, прямо или косвенно финансируют ускоренные рыночные преобразования в приморских районах. С этим связано появление конфликтов между отдельными провинциями и между провинциями и центром. Западные и центральные регионы требуют от центра выравнивания условий экономического развития либо путем ограничения льгот и прав для открытых территорий, либо путем предоставления их всем остальным регионам⁵.

Для начала 90-х годов было характерно усиление провинциального протекционизма, что выражалось в ограничении доступа на местные рынки товаров из других провинций и вывоза за пределы провинции своего сырья и материалов. Протекционизм более характерен для отстающих глубинных провинций, которые испытывают экономический натиск преуспевающих восточных провинций. Одновременно последние все большую часть своих экономических связей реализуют на внешних рынках. Это затрудняет формирование общенационального разделения труда и создает определенную угрозу для экономической целостности страны. Экономическое единство страны ослабляет также обострение конкуренции между регионами страны на внешних рынках и за иностранные инвестиции.

Следует подчеркнуть, что Китай начал новую стадию освоения своей территории на основе новых информационных технологий. Эта волна охватила пока только небольшую часть востока страны. Однако ее проникновение в центр и тем более на запад будет затруднено громадной инвестиционной емкостью востока, поскольку здесь проживает более половины населения. Наиболее развитая часть Китая, по-видимому, в течение многих лет будет в состоянии поглощать импульс модернизации экономики, препятствуя его распространению на запад.

Для смягчения возникающих противоречий и конфликтов китайское руководство вносит определенные коррективы в избранный курс, в том числе

формирует новые инвестиционные приоритеты. Весьма важна постепенная "диффузия" открытости. Пояса открытости сегодня формируются на большей части периметра границ страны. Приграничные провинции получают дополнительные права и льготы на ведение внешнеэкономической деятельности с соседними странами. Важным направлением политики центра является расширение экономических полномочий провинций и повышение их доли в общем бюджете.

Для создания противовеса южному Китаю, который с возвращением Гонконга превратится в мощную экономическую силу, на государственном уровне принят ряд решений по ускоренному развитию Шанхайского региона. Для этой цели в восточной части города учреждена зона Пудун. Для усиления экономической спаянности страны начато формирование зоны открытости в долине крупнейшей реки Китая - Янцзы. Ускоренное развитие этой центральной экономической оси, как полагают, позволит создать механизм интеграции востока, центра и запада, Китая.

Россия

Реформы в России как в части СССР начались в 1987 г. Они преследовали цель затормозить быстро нарастающее технологическое отставание от стран Запада посредством расширения участия в международном экономическом сотрудничестве. Важным направлением реформы на первом этапе стала либерализация деятельности государственных предприятий и создание альтернативной экономики. Однако при неизменной ценовой и финансовой политике и росте бюджетного дефицита это привело к расстройству финансовой системы страны. Следствием этого стали быстро растущий товарный дефицит, нарушение межреспубликанских и межрегиональных связей, быстрый рост внешней задолженности. В этом отличие России от Китая, в котором центр строго контролировал финансы, цены, кредитную политику, валютную сферу.

В условиях либерализации политической жизни усилились сепаратистские тенденции, региональный протекционизм. Экономические отношения в стране в условиях избытка денег все шире строились на бартерной основе. Этому способствовали узкая специализация и региональный монополизм. В 1990-1991 гг. среди региональных процессов преобладала дезинтеграция сформировавшегося союзного экономического пространства, изменение соотношения в структуре экономической и политической власти в пользу союзных республик.

Особую роль в разобщении республик сыграла непродуманная либерализация внешнеэкономической деятельности. Россия, производившая 80% экспортной продукции СССР, столкнулась с проблемой реэкспорта своей продукции другими республиками. Кроме того, союзные республики, находящиеся на разных уровнях развития, не могли прийти к единой модели реформирования: для одних она была слишком, а для других - недостаточно радикальной. Республики неодинаково оценивали свои доли в создании и потреблении союзного национального дохода. В результате каждый чувствовал себя ущемленным. Недоверие к союзному центру при резком усилении на фоне нарастающего экономического кризиса республиканских политических элит вызвало распад СССР.

Приобретая независимость, Россия решительно перешла к рыночным преобразованиям. Правительство исходило из необходимости и возможности одновременного включения в рыночные процессы всего пространства страны. В качестве первоочередной цели начавшихся реформ рассматривалось устранение крупного инфляционного навеса и недопущение развития гиперинфляционных

процессов⁶. В качестве инструментов ее достижения использовались либерализация цен, жесткая кредитно-финансовая и налоговая политика, ограничение определенными лимитами роста денежной массы и величины бюджетного дефицита. Однако поставленные задачи в 1992-1993 гг. удалось решить далеко не полностью. Среднемесячный уровень инфляции в 1993 г. превысил 20%. В определенной мере это объясняется тем, что значительный инфляционный потенциал заложен в унаследованной территориальной структуре хозяйства. Региональная разорванность многих технологических циклов, большие расстояния, разделяющие производителей и потребителей, сезонность деятельности многих российских производств объективно замедляют экономический кругооборот и обуславливают повышенные потребности хозяйства в кредитных ресурсах. Размещение большей части базовых производств на территориях с тяжелыми природно-климатическими условиями в свою очередь вызывает повышенную ресурсоемкость и капиталоемкость российской экономики.

Борьба с инфляцией с помощью исключительно денежных инструментов сопровождается неизбежным спадом производства и инвестиционной деятельности. Однако его существенно увеличивают особенности территориальной структуры российской экономики. Продолжающиеся сегодня процессы дезинтеграции экономического пространства связаны уже не с товарным дефицитом, а с денежным, который проявляется в больших объемах взаимных неплатежей.

Следует подчеркнуть, что размеры спада весьма сильно колеблются по регионам, отражая специфику их хозяйства. Так, например, уровень производства промышленной продукции за январь-сентябрь 1993 г. к аналогичному периоду 1990 г. колебался от 93,6% в Ульяновской области и 89,2% в Нижегородской области до 46,2% в Республике Дагестан и 47,2% в Карачаево-Черкесии.

Вследствии того что экономический спад неравномерно охватывает территорию страны, происходят изменения в территориальных пропорциях экономики. Повышается доля регионов, производящих топливо, сырье и полуфабрикаты, которые в меньшей степени сталкиваются с проблемой сжатия спроса внутри страны и имеют возможность реализации продукции на внешних рынках. В то же время относительно снижается доля регионов с преобладанием обрабатывающей промышленности, которые в наибольшей степени сталкиваются с проблемой реализации своей продукции. В результате "утяжеления" структуры экономики центр тяжести текущего производства смещается на восток.

Еще одно новое явление связано с разной скоростью освоения регионами рыночных нововведений. Рыночные инновации охватывают в первую очередь крупные города и прежде всего города-миллионеры. В них концентрируются финальные стадии производства, аккумулируются финансовые средства, формируются рынки труда, товаров, капиталов. Крупнейшие города России являются фокусами экономического кругооборота страны, что обуславливает быстрое развитие в них торговли, посреднических и банковских услуг, других высокодоходных, но некапиталоемких видов деятельности. Среди крупных городов наиболее быстро рыночные функции развиваются в Москве, которая в условиях маркетизации хозяйства наиболее эффективно использует сильные стороны своего экономического и политического положения, промышленного и интеллектуального потенциала.

На фоне городов-миллионеров менее заметны рыночные преобразования в центрах средней величины. И практически рыночные реформы не начались в экономических закоулках России, составляющих своего рода периферию

периферии. Население этих, как правило, сельских территорий от реформ испытывает в основном лишения.

На развитие региональных процессов в сегодняшней России большое влияние оказывает сильное вздорожание транспорта. Сложившееся межрегиональное разделение труда в условиях сильно возросшего "трения расстояния" во многих случаях становится неэффективным. По этой же причине серьезно понизилась доходность экспорта многих сырьевых товаров (угля, леса, металлов) из сибирских регионов.

Дальние экономические связи по мере возможности заменяются на менее протяженные. В частности, в структуре связей приграничных регионов сильно увеличилась доля внешнеторговых связей с соседними странами. В новой интеграции российских регионов транспортный фактор будет играть весьма значительную роль. В структуре экономических связей регионов неизбежно будет увеличиваться доля внутрирегиональных связей и связей с соседними территориями. В этих условиях интеграция российского пространства будет иметь не моноцентрический (столичный), а полицентрический характер. Этот процесс уже начался. Он проявляется в деятельности региональных ассоциаций. Однако полное развитие он приобретет с началом структурной перестройки экономики России и станет ее важной составной частью. Следует подчеркнуть, что в процессах интеграции российского пространства неизбежно будет возрастать значение срединных регионов Урала и Сибири. Они призваны сыграть важную роль в экономическом "собрании" российских территорий.

Новые региональные процессы, по сути дела, обусловлены унаследованной территориальной организацией экономики. В изменившихся экономических и политических условиях региональные диспропорции оборачиваются противоречиями и конфликтами, охватывающими территории всех уровней. Но пока наиболее остро они проявляются в отношениях "центр - субъекты федерации". Эти противоречия связаны с требованиями регионов:

- расширить их экономические полномочия, в том числе в вопросах приватизации, использования ресурсов, проведения реформ;
- увеличить часть дохода, создаваемого на данной территории, которая остается в ее собственном распоряжении; налоговых, таможенных и внешнеэкономических льгот, льготных кредитов;
- расширения бюджетных дотаций и субсидий;
- усиления мер государственного протекционизма;
- равных прав всех субъектов РФ;
- сохранения экономических преимуществ для республик в составе РФ.

Многие из требований противоречат друг другу, что отражает особенности хозяйства отдельных территорий, общий уровень развития, втянутость во внешнеэкономические связи и т.д. Это несколько облегчает положение центра, поскольку позволяет откликаться прежде всего на те требования, которые носят общий характер. В 1991-1993 гг. федеральный центр для решения наиболее острых региональных проблем широко использовал инструмент предоставления отдельным территориям тех или иных экономических льгот. Однако эти меры носили скорее политический характер, поскольку не могли в принципе улучшить экономическое положение.

В августе 1993 г. была принята Программа Совета Министров на 1993-1995 гг., в которой возникающие противоречия предлагается решать в рамках "гармоничной системы экономического федерализма". Правовую базу такой системы составляет новая Конституция РФ. Экономический федерализм составляет сердцевину экономической политики правительства. Однако она вряд ли осуществима в ближайшие годы, поскольку ее инструменты (региональные программы, фонда регионального развития, фонд субсидий) рассчитаны на

использование в условиях стабильной экономики при наличии ограниченной инфляции и малодофицитного бюджета. Кроме того, в предлагаемой политике не учитывается природа противоречий региональных отношений, изменения в геоэкономическом положении России и ее отдельных регионов, новые тенденции в межрегиональных отношениях.

Правительственная программа не дает ответ на вопрос, каким образом будет разрешаться наиболее серьезное противоречие в интересах между сильными регионами, регионами-донорами и экономически слабыми регионами, которые выступают в качестве реципиентов российского бюджета. В программе приоритет отдается сильным регионам, что в настоящих условиях вполне оправдано. Но проблема поддержки слабых регионов будет постоянно обостряться. Ситуация осложняется тем, что к слабым регионам относится большинство российских республик. При сохранении неблагоприятных тенденций в российской экономике концепция "гармоничного экономического федерализма" вряд ли сможет быть реализована. Взаимоисключающие требования сильных и слабых регионов будут удерживать федеральный центр на позициях экономического унитаризма.

В результате проведенного сравнения можно утверждать, что для осуществления рыночных преобразований Китай унаследовал от периода централизованной экономики более благоприятные региональные условия, чем Россия. Это, в частности, связано со значительно меньшей материализацией идей централизованного, обособленного развития в сложившемся рисунке производительных сил и в сформировавшихся межрегиональных связях, поэтому у России значительно сильнее инерция прошлого развития, чем в Китае. Внесение в территориальную структуру ее экономики адекватных изменений потребует громадных инвестиций в течение продолжительного периода. Ограниченная экономическая связанность провинций Китая позволила ему без особых экономических и политических последствий целенаправленно проводить политику разных скоростей вхождения регионов в рыночные отношения. Концентрация производительных сил в приморской зоне облегчает Китаю проведение открытой экономической политики и привлечение внешних инвестиций.

В отличие от Китая в России при избрании стратегии и тактики реформы недостаточно учитывались особенности территориальной структуры экономики, громадные социально-экономические различия в пределах российского экономического пространства.

В современных региональных процессах России и Китая присутствует ряд общих черт: усиление межрегиональных контрастов в уровнях социально-экономического развития, различия в темпах рыночных преобразований и неравномерное распределение по территории стран выгод от проводимых реформ, региональный протекционизм, противоречия с центром и регионов друг с другом. Но, если в Китае эти процессы развиваются на фоне высоких темпов роста производства, то в России - на фоне глубокого экономического спада. В силу этого территориальное развитие в России характеризуется большей конфликтностью и неопределенностью. Региональные противоречия при продолжении спада могут приобрести критическую остроту.

Независимо от современного состояния Китая и Россия в условиях рыночных отношений обречены на постоянную борьбу с противоречиями регионального развития. В частности, вполне вероятна такая ситуация, что через некоторое время в обеих странах одновременно будут присутствовать допромышленный, промышленный и постпромышленный типы экономики

регионов. Это будет неизбежно воспроизводить трения между отдельными частями стран, ослаблять их экономическую спаянность.

Исходя из приоритетов экономической реформы в Китае главным инструментом региональной политики стали свободные зоны. Благодаря использованию зон разного типа, возникает возможность учета специфики той или иной территории. Однако в перспективе этого может оказаться недостаточным.

В России основным средством политики центра относительно субъектов Федерации является расширение и выравнивание экономических полномочий последних. Российский центр сегодня не в состоянии проводить целенаправленную региональную политику, учитывающую растущее разнообразие российского экономического пространства. Осуществляемые сегодня меры в значительной мере носят характер "латания дыр" и не могут дать долговременного эффекта. Создание инструментов региональной политики адекватных усиливающемуся разнообразию территорий - центральная и одновременно наиболее сложная задача в контексте меняющихся отношений между центром и субъектами Федерации.

1. Шабалин.В, Портяков.В. О сопоставлении динамики роста экономического потенциала России и Китая // Проблемы Дальнего Востока. - 1993. - N 3. - С. 42-50.
2. Вардомский.Л. Россия в международном региональном сотрудничестве // Проблемы теории и практики управления. - 1992. - N 2. - С. 22-26.
3. Вардомский.Л, Самбурова.Е. Китай - Россия: Свободные экономические зоны // Реформа. - 1993. - N 12. - С. 13-15.
4. Манежев.С. Свободные экономические зоны в переходной экономике КНР и России // Российск. экон. журн. - 1993 - N 7. - С. 80-87; Мозиас.П. Эволюция политики территориальной открытости в КНР // Проблемы Дальнего Востока. - 1993. - N 3. - С. 64-73.
5. Delfis.R. Saying NO to Peking // Far Eastern Economic Review. - 1991. - N 144. - P. 21-24.
6. Гайдар.Е. Логика реформ // Вопросы экономики. - 1993. - N 2. - С. 12-16.

Проблема предотвращения опасной военной деятельности

© 1994

А.Болятко

Позитивные изменения в международной обстановке, начавшиеся в середине 80-х годов, ознаменовались отказом двух противоборствующих сверхдержав от ядерной конфронтации, практическими шагами на пути к сокращению и ограничению ядерных и обычных вооружений. В ходе переговорного разоруженческого процесса основное внимание было сосредоточено на обуздании количественного роста и сокращении ядерных и обычных вооружений, которые угрожали стабильности в глобальном масштабе и в Европе - ключевой зоне человечества в двадцатом веке.

Однако, по мере достижения соглашений о многократном сокращении ядерных боезарядов и их носителей, все более высвечивается проблема регламентации оперативной деятельности остающихся ядерных и других стратегических вооружений. Главная цель при этом - сохранить и приумножить тенденцию предотвращения ядерной угрозы для человечества, продолжать снижение взаимной подозрительности, укреплять доверие, не допустить восстановления под разными флагами сокращенного ядерного потенциала. Особенно важно предупредить попытки определенных кругов сторон в ходе неизбежного научно-технического прогресса, различных военно-технических прорывов сдвинуть в свою пользу военный баланс, добиться повышения военной угрозы противной стороне и усиления собственных позиций в стратегической области. В условиях жестких количественных ограничений стратегических наступательных вооружений наиболее вероятное направление для этого - создание нового качества систем наступательных и оборонительных стратегических вооружений и поиски более эффективных способов их применения, т.е. в области оперативной деятельности стратегических вооружений.

Снижение ядерной конфронтации двух сверхдержав позволило поставить задачу снятия взаимной военной угрозы не только на уровне государства, т.е. на стратегическом уровне, но и на более низких уровнях - в оперативно-тактических звеньях, вплоть до отдельной личности личного состава вооруженных сил. Эта задача оказалась выполнимой даже для неумышленных опасных действий военного персонала, а также для различных форс-мажорных ситуаций мирного времени, в которые могут быть вовлечены вооруженные силы обеих стран. Решающим здесь является добрая воля и готовность к

сотрудничеству как на уровне политических, так и военных руководителей. Неуклонное снижение количества значительных инцидентов между вооруженными силами России и США, постоянная работа по предотвращению предпосылок к опасной деятельности подразделений показывает хороший пример для других стран, хотя имеются потребности и возможности для улучшения и российско-американского сотрудничества в этой области.

В плане предотвращения человеческих потерь и материального ущерба от военной деятельности особое беспокойство вызывает развитие условий для применения обычных вооруженных сил и вооружений в различных регионах мира, создания в них взрывоопасной ситуации. В условиях снятия ядерной конфронтации и резкого снижения вероятности всемирной ядерной катастрофы увеличилось влияние региональных и локальных сил в мире, делающих ставку на решение военным путем многочисленных национальных, этнических, религиозных, территориальных и других проблем.

Значительный размах военных действий даже в локальных конфликтах и повышающееся могущество современных обычных вооружений требуют на всемирной основе в договорно-правовом порядке решать вопрос об ограничении применения отдельных видов вооружений и безусловном запрещении наиболее смертоносных из них.

Опасная военная деятельность может быть определена как действия в мирное время вооруженных сил, их подразделений и отдельных военнослужащих, которые могут нанести или наносят вред военному персоналу, гражданскому населению, ущерб военной или гражданской технике, имуществу и сооружениям, существенный ущерб экологии и стратегической стабильности государств и мира в целом.

Опасная военная деятельность во время локальных и ограниченных конфликтов и в других случаях применения военной силы связана с чрезмерными и бессмысленными потерями личного состава вооруженных сил и гражданского населения, а также с разрушениями и другими видами материального ущерба, явно не вызванными военной необходимостью.

В первые 15-20 лет после Второй мировой войны задача предотвращения опасной военной деятельности практически не стояла. Более того, на фоне безудержного наращивания ядерных арсеналов и арсеналов других видов вооружений крупнейших держав мира вплоть до начала 60-х годов не было никаких попыток ограничить хотя бы внешние проявления военной активности. Характерными были демонстрация военной силы, а иногда и прямые военные провокации и попытки решить крупные международные проблемы военным путем. Применительно к региону Дальнего Востока и Северо-Восточной Азии достаточно вспомнить периоды обострения отношений вплоть до вооруженных столкновений отдельных подразделений между СССР и США во время войны в Корее, между СССР и Китаем на острове Даманский, другие акции великих держав с угрозой применения или применением военной силы. Можно указать и на случаи сбития самолетов, повреждения других видов военной техники, ранения и даже гибели отдельных военнослужащих. Словом, конфронтация, в том числе и военная, наращивалась во всех своих проявлениях.

После кризисов 60-х годов у руководителей СССР и США появилась озабоченность в отношении последствий возможного применения накопленного ядерного оружия. В связи с его широким распространением в войсках Советского Союза и США, дислоцированных не только в пределах своей страны, создалась реальная возможность случайного или несанкционированного его применения. Этому способствовали, с одной стороны, - количественный рост арсеналов, переваливший за десятки тысяч ядерных боеприпасов и требовавший привлечения для обслуживания все большей численности персонала, и, с другой

стороны, интенсивное внедрение автоматизированных и автоматических систем слежения за обстановкой, обработки информации, а иногда даже выработки исполнительных команд на применение оружия.

В конце 1960-х - начале 1970-х годов широкое развитие получили исследования в различных странах и различными научными, общественными и государственными организациями и отдельными учеными последствий применения ядерного оружия и ядерной войны различного размаха и продолжительности. Диапазон заключений по результатам этих исследований был весьма широк, вплоть до полной гибели человечества. Указанные обстоятельства заставили задуматься и государственных деятелей. Было принято решение о прекращении испытаний ядерного оружия в трех средах (Договор СССР и США 1963 года), подписан Договор о нераспространении ядерного оружия 1968 года, заключены советско-американские соглашения 1972 года о предотвращении ядерной войны и ограничении систем противоракетной обороны.

По-существу, таким образом было положено начало ограничению и предотвращению наиболее опасных видов военной деятельности, способных нанести даже при неумышленном и случайном применении непоправимый ущерб не только отдельной стране, но и человечеству в целом. Были предприняты конкретные шаги по предотвращению инцидентов и недопониманий на самом высоком государственном уровне - установлена линия прямой связи между руководителями СССР и США ("hot line"). В то же время, несмотря на растущее понимание опасности на высоком государственном, стратегическом уровне и предпринимаемые указанные выше меры, продолжался рост ядерных арсеналов, повышалась боевая мощь и боеготовность группировок вооруженных сил СССР и США в Европе и других районах земного шара. Войска и силы, решая задачи боевой и оперативной подготовки, осваивали все более обширные районы мирового океана. Все чаще и чаще стали происходить случайные, а иногда и умышленные столкновения подразделений вооруженных сил. Особенно крупные инциденты происходили на море между кораблями СССР и США, в Японском море имел место даже случай столкновения советской атомной подводной лодки с американским авианосцем. Ежегодное количество инцидентов на море исчислялось десятками.

Это побудило военных руководителей СССР и США сесть за стол переговоров и разработать соглашение о предотвращении инцидентов на море и в воздушном пространстве над ним. Оно было подписано на уровне главных военно-морских командующих сторон в 1972 году. Соглашение регламентирует поведение в открытом море кораблей и самолетов при действиях их в непосредственной близости друг к другу. Оно определяет набор правил по неприменению силы или ее угрозы, предотвращению столкновений кораблей и самолетов. По-существу, это был первый опыт договоренностей, непосредственно направленных на предотвращение опасной военной деятельности и инцидентов на оперативно-тактическом уровне, на недопущение потерь и вреда персоналу, ущерба боевой технике и оборудованию вооруженных сил сторон. В 1986 году подобное соглашение было заключено между СССР и Великобританией, а после 1988 года и с другими странами, в том числе в 1993 году - с Японией. Регулярные встречи сторон с обзором этих соглашений показали положительный опыт их применения на практике. Однако эти соглашения охватывают в основном действия только военно-морских сил сторон и только в открытом море и к тому же не мешали американским ВМС проводить демонстративные акции несогласия с принятым в СССР порядком прохода иностранных боевых кораблей через его территориальные воды. Такие демонстрации имели место близ Петропавловска-Камчатского, а также на Черном море у берегов Крыма.

Таким образом, оставалась очень важная в международно-правовом отношении зона территориальных вод, приграничного воздушного и сухопутного пространства, что связано с действиями не только флота, но и ВВС и сухопутных сил. Для двух стран (СССР и США) это было актуально практически для всех регионов к северу, востоку и западу от их территорий. Особую актуальность проблеме предотвращения опасной военной деятельности придавало противостояние сухопутных и авиационных группировок вооруженных сил сторон на территории Германии, боевая мощь и боеспособность которых были чреваты внезапными взрывами инцидентов, что иногда и происходило. Кроме того, внедрение в войска радиоэлектронных и других современных технических средств, таких как лазерные, создавало опасность воздействия ими на жизненно важные элементы систем управления вооруженных сил, другую военную технику, да и непосредственно на персонал с серьезными последствиями.

Еще одна проблема, возникшая к концу 80-х годов - возможные одновременные действия вооруженных сил сторон в каком-либо районе мирового океана, а, в перспективе, - и их совместные действия, вплоть до взаимодействия. Организация указанных действий и их проведение значительно усложняются в случае, когда в районе ведутся боевые действия, как это имело место в Персидском заливе во время ирано-иракского конфликта.

Все вышеизложенное привело к заключению в 1989 году между правительствами СССР и США соглашения о предотвращении опасной военной деятельности. Переговоры были инициированы начальником Генерального штаба ВС СССР маршалом С.Ахромеевым и председателем Комитета начальников штабов ВС США адмиралом У.Крау, и соглашение было подписано на этом же уровне от имени правительств двух стран 12 июня 1989 года. Ход выполнения соглашения анализировался на заседаниях вновь учрежденной совместной военной комиссии и показал, что стороны внимательно относятся к выполнению своих обязательств по соглашению, а само соглашение, являясь универсальным, охватывающим воздух, море и сушу, играет позитивную стабилизирующую роль.

Сила и значение советско-американского соглашения о предотвращении опасной военной деятельности заключается в том, что оно не только декларирует обязательства воздерживаться от опасных действий подразделений вооруженных сил, но и предусматривает конкретный технический регламент установления связи на различных уровнях командования вооруженных сил и четкий порядок действий персонала вооруженных сил при возникновении критических и других чрезвычайных ситуаций, особенно вблизи государственной границы.

Советско-американское соглашение послужило примером. В 1991 году были заключены подобные советско-канадское и советско-греческое соглашения, хотя уже наступил принципиально новый этап международной военно-политической ситуации, определяющий также роль и значение усилий в области предотвращения опасной военной деятельности.

Период 1990-1991 годов характерен подписанием крупнейших и принципиально новых договоров и соглашений, определяющих пределы вооруженных сил и вооружений, а также принципы их повседневной деятельности. Это, прежде всего, договор об обычных вооруженных силах в Европе, документы совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (ноябрь 1990 года) и советско-американский договор об ограничении и сокращении стратегических наступательных вооружений (июль 1991 года). Эти документы поставили принципиально новые задачи в решении проблемы опасной военной деятельности. В частности, многие из направлений

деятельности вооруженных сил по предотвращению опасных инцидентов могли быть решены наряду с соглашениями о предотвращении инцидентов на море и опасной военной деятельности также и в контексте мер доверия, разрабатываемых институтами СБСЕ.

После подписания в 1990-1991 годах международных договоров по сокращению и ограничению ядерных и обычных вооружений предполагалось, что глобальная ядерная конфронтация СССР и США сохранится в течение определенного периода, но ее уровень уменьшится до 6 тыс. стратегических боеприпасов с каждой стороны. Кроме того, снизится противостояние обычных вооруженных сил в Европе стран НАТО и Организации Варшавского Договора. По мере наращивания мер доверия в Европе намечалось уменьшить риск и ущерб от случайных военных инцидентов, которые могли вызвать политические осложнения и человеческие жертвы.

Указанная программа предполагала постепенную трансформацию военно-политической обстановки в мире и Европе, уничтожение значительного количества ядерных и обычных вооружений и регламентацию активности вооруженных сил в условиях мирного времени.

Регламентация активности стратегических ядерных сил СССР (России) и США осуществляется в рамках двусторонних договоренностей об ограничении масштабов стратегических учений с реальным использованием тяжелых бомбардировщиков, уведомлении об испытательных пусках межконтинентальных баллистических ракет, снижении уровня боеготовности стратегических наступательных вооружений, установлении дополнительных каналов связи через Национальные центры по уменьшению ядерной опасности и др.

Регламентация военной активности в Европе проводится по линии уменьшения размаха учений и передвижений войск, взаимной информации о дислокации войск (сил) и планах военного строительства, о военных доктринах и стратегиях. Особые задачи по ликвидации возможных опасных ситуаций возлагаются на Центр по предотвращению конфликтов в Европе. Ничего похожего ни в Северо-Восточной Азии, ни в целом в азиатско-тихоокеанском регионе еще не создано.

События второй половины 1991 года в Советском Союзе, его последующая дезинтеграция, соответствующие перемены в других частях Европы и в мире в целом привели к лавинообразному завершению ядерной и обычной конфронтации между США и СССР, НАТО и ОВД, Востоком и Западом, прекращению холодной войны. Но эти события вызвали к жизни и проявлениям новые силы в мире, о существовании которых люди или забыли, или думали, что они не играют существенной роли. Действительно, эти силы, опирающиеся на национальные, религиозные, региональные и другие проблемы, усиленные амбициями оппозиционных или сдерживаемых до поры и времени группировок и кланов, в условиях освобождения от бремени глобальной конфронтации и влияния сверхдержав заявили о своих претензиях и готовности вести борьбу за власть и влияние в ряде стран и регионов не только политическими, но и другими, в том числе и военными, средствами. Радикализм и амбиции некоторых группировок, в том числе в Европе и Азии, чреваты опасностью применения любых военных средств, которые окажутся в их распоряжении. На Дальнем Востоке в этом отношении особую опасность представляет взрывоопасная ситуация противостояния, сложившаяся на Корейском полуострове.

Во время Второй мировой войны, к сожалению, обычным явлением стало поражение своих или дружественных войск. Эта традиция продолжается - во время локальных войн и конфликтов, учений и маневров, при повседневной деятельности вооруженных сил на территории своей или дружественной страны,

в Мировом океане и т.д. По опыту войны в Персидском заливе сочетание дальнобойных систем оружия высокой поражающей способности в неадекватной системой связи на поле боя приводят к потерям своих войск. Был случай, когда английские бронетранспортеры были приняты за иракские танки и обстреляны ракетами класса "воздух-земля" с двух самолетов-штурмовиков А-10. Девять английских солдат погибло. В соответствии с докладом Пентагона из 148 человек боевых потерь США 35 человек погибли от огня своих войск, 467 чел. ранено, включая 72 чел. от огня своих войск. Потери США, не связанные с боевыми действиями, - 202 чел., в т.ч. 105 убитых до начала войны.

В мирное время в вооруженных силах США, СССР (России), других стран мира постоянно происходит большое количество инцидентов различного размаха и с последствиями различной тяжести. Приведем описания наиболее характерных.

1 октября 1992 года во время учений ВМС НАТО в Эгейском море с американского авианосца "Saratoga" случайно были выпущены две противосамолетные ракеты "Sea Sparrow", одна из которых поразила турецкий эсминец "Muavenet", убив пятерых моряков и ранив 18. Был убит командир корабля, тяжело ранены вахтенный офицер и старший механик. Причина - ошибка оператора спаренной ракетной установки, неправильно манипулировавшего приборами и допустившего несанкционированный пуск ракет. Расследование показало, что расчет пусковой установки был разбужен ночью для тренировки, но принял учебную задачу за боевую по отражению реальной атаки. Виновными признаны командир корабля и офицеры-руководители тренировки, не доведшие должным образом задачу до подчиненных.

3 июля 1988 г. крейсер "Vincennes" противосамолетной ракетой "Aegis" сбил иранский воздушный лайнер. Погибло 290 человек на борту лайнера. В 1989 г. при взрыве на линкоре "Iowa" было убито 47 чел. 29 июля 1967 г. - случайный запуск ракеты "Zuni" на палубе авианосца "Forrestal" близ берегов Вьетнама вызвал пожар и взрывы. 134 человека убито, 63 самолета повреждены или уничтожены. 6 февраля 1968 г. ракетой "Bullpup", запущенной с борта американского реактивного штурмовика А-4 потоплено малое спасательное судно ВМС США. 14 января 1969 г. на авианосце "Enterprise" близ Гавайских островов взорвалась ракета "Zuni", подвешенная под крылом самолета F-4 "Phantom", вызвав детонацию других боеприпасов самолета. 28 человек убито, 343 ранено. 16 апреля 1972 две противорадиолокационные ракеты, выпущенные самолетом ВМС США взорвались вблизи американского эсминца "Worden" близ берегов Вьетнама. Один человек убит, девять ранено.

В качестве причин многих инцидентов считается неадекватные действия операторов боевых систем в условиях стресса возникшей боевой обстановки. Командование ВМС США даже пытается моделировать такие условия путем выдерживания обучаемых в течение часа на холодной воздухе (40 градусов по Фаренгейту). Ученые медицинской лаборатории ВМС в Нью-Йорке (штат Коннектикут) считают, что 60-ти минутное пребывание на холодной воздухе не приведет к замерзанию поверхностных покровов или к изменению температуры внутренних органов тела человека, но будет стимулировать выделение адреналина.

Опубликованные статистические данные впечатляют. Так, в период с 1988 по 1993 год вооруженные силы США потеряли в военных действиях 170 человек, а в результате различного рода несчастных случаев в мирных условиях - 4666 человек. Таким образом, потери от несчастных случаев - самый жестокий враг вооруженных сил. За 40 лет холодной войны только во время учений и маневров ВС США погибло около 13 тыс. человек.

Не меньший размах приобрели опасные инциденты в вооруженных силах СССР. Достаточно вспомнить гибель нескольких подводных лодок, в том числе и атомных ракетосцев, несчастный случай 24 сентября 1960 года при подготовке к старту новой межконтинентальной баллистической ракеты, унесший 92 жизни, включая первого главнокомандующего ракетных войск стратегического назначения М.И.Неделина, гибель ракетного корабля "Муссон" 17 апреля 1987 г. и другие. За первые 3 месяца 1992 г. в вооруженных силах СНГ погибло 480 военнослужащих. За первую половину 1993 года в армии Российской Федерации погибло около трехсот человек.

На международном уровне инциденты с участием вооруженных сил и подразделений двух и более вооруженных сил наиболее опасны тем, что возникает угроза ошибки или недопонимания намерений, что может вызвать неадекватную вооруженную реакцию. Крайне опасны инциденты с потенциальным недопониманием в отношении стратегических наступательных сил, которые в условиях резкого сокращения по-прежнему выполняют задачи сдерживания и стабилизации как глобальной, так и региональной обстановки. В печати освещены опасные сбои в американской и советской системах предупреждения о ракетном нападении, аварии с ядерным оружием в составе стратегических ядерных сил обеих стран.

В политическом и дипломатическом плане проблема предотвращения опасной военной деятельности сводится к декларированию на договорно-правовом уровне и реализации в практической деятельности государства принципов недопущения нарушения согласованных принципов вооруженной обороны, вреда личности и ущерба имуществу другой стороны путем неперехода в действия вооруженных сил через определенные границы допустимых действий, а также выполнения других согласованных мер доверия.

Конец холодной войны и завершение глобальной ядерной конфронтации заставили большинство стран пересмотреть проблему обеспечения национальной безопасности, принципы строительства вооруженных сил и их структуры.

Применительно к условиям Российской Федерации задачами вооруженных сил страны могут являться:

1. ядерное сдерживание;
2. пресечение возможной агрессии в кратковременном конфликте;
3. готовность к военным действиям с агрессором в длительном конфликте, требующим развертывания мобилизационных ресурсов;
4. способность участвовать в урегулировании вооруженных конфликтов, ущемляющих интересы международного права.

Для решения этих задач нужны достаточно многочисленные, хорошо оснащенные вооруженные силы, включающие следующие компоненты: ядерные силы, мобильные силы, центральный резерв, мобилизационные ресурсы.

Практическая реализация предотвращения опасных военных инцидентов и соответствующая регламентация военной деятельности определяется в стратегической области - необходимостью дополнительной проработки и согласования качественных критериев опасности и выходом на количественную проработку военно-технических критериев опасной военной деятельности, в оперативно-тактической области - необходимостью выявления качественно новых источников опасности в военной деятельности и проработкой военно-технических критериев выявленных источников опасности.

Опыт экономических реформ

Китай: к вопросу о роли внешнего фактора в развитии экономики

© 1994

М.Потапов

Опыт наиболее развитых стран мира говорит о том, что по мере усиления интернационализации хозяйственной жизни и взаимозависимости государств внешнеэкономическая деятельность из второстепенного, дополнительного элемента в настоящее время все более превращается в один из основных факторов развития их экономики. Отсюда неизбежно изменение отношения к роли и месту внешнего фактора во внутреннем экономическом развитии.

Конец 1970-х годов ознаменовался началом нового этапа социально-экономического и общественно-политического развития КНР. Внешний фактор был признан исключительно важным для модернизации экономики, постепенного перевода ее на рыночные рельсы. В области внешнеэкономических связей была провозглашена открытая политика, ставшая неотъемлемой частью и условием успешного функционирования народного хозяйства на новых принципах.

Современная открытая внешнеэкономическая политика Китая характеризуется большим разнообразием ее форм. Помимо традиционной внешней торговли она включает привлечение иностранных кредитов, прямых инвестиций, техники и технологии из-за рубежа, производственную кооперацию, научно-техническое сотрудничество, другие формы. Реализация открытой политики шла параллельно с созданием долгосрочной правовой базы сотрудничества с зарубежными странами, образованием отдельных открытых экономических районов с льготным инвестиционным режимом для иностранных контрагентов.

В целом можно сказать, что основная линия во внешнеэкономической политике Китая заключается в освоении общепринятых в международной практике форм и методов межгосударственных экономических отношений с целью ускорения развития национальной экономики.

В этом смысле, учитывая сходность социально-экономических систем в недавнем прошлом у России и Китая, задач перестройки хозяйственных механизмов, их перевода на рыночные принципы функционирования для выхода на передовые рубежи на международном рынке, успешный опыт проведения внешнеэкономической политики КНР в 1980-90-х годах представляется нам весьма актуальным с точки зрения нынешнего кризисного экономического положения в России.

Анализируя роль внешнего фактора во внутреннем экономическом развитии КНР, рассмотрим китайскую политику в отношении основных видов ее внешнеэкономических связей: внешней торговли и главных форм привлекаемого зарубежного ссудного и предпринимательского капитала.

О политике в области внешней торговли

Основным элементом внешнеэкономических связей КНР остается внешняя торговля. За период экономических реформ (1980-е - начало 1990-х годов) она развивалась высокими темпами: в среднем около 16% ежегодно. Объем внешней торговли вырос за эти годы в 8 раз: с 20,6 млрд.долл. в 1978 г. до 165,6 млрд.долл. в 1992 г., в том числе экспорт - в 8,7 раза, а импорт - в 7,4 раза. В 1992 г. Китай вышел на 11 место по товарообороту в мире. В 1993 г. объем внешней торговли возрос на 18,2% и составил 195,72 млрд. амер.долл. Экспорт достиг 91,77, импорт - 103,95 млрд.амер.долл. Импорт возрос на 29, а экспорт - на 8%. Быстрый рост импорта явился следствием "перегрева" экономики в первой половине 1993 г. Резкое увеличение инвестиций в основные фонды создало дефицит средств производства на внутреннем рынке, что стимулировало рост их ввоза в страну и истощение экспортных ресурсов. Известную роль сыграла и либерализация импорта с 1 января 1993 г., подстегнувшая спрос на потребительские товары зарубежного производства.

По мере роста внешней торговли наблюдалось постепенное усиление роли внешнего фактора в развитии народного хозяйства страны, придание национальной экономике более открытого характера. Доля китайского экспорта в ВВП в течение многих лет до начала реформ колебалась в пределах 4-5%, что в несколько раз меньше аналогичного показателя развитых стран¹. За годы реформ доля экспорта возросла до 20%, достаточно высокого показателя для такой крупной страны, как Китай, при этом к концу 1980-х годов товарный экспорт КНР давал 80% всех валютных поступлений².

Зависимость национальной экономики от импорта, по китайским оценкам, возросла с 6,1 в 1979 г. до 19,6% в 1992 г., что свидетельствует о весьма глубокой вовлеченности Китая в мирохозяйственные связи. Доля общего объема внешней торговли в ВВП в 1991 г. составила 36,7%³, а в произведенном национальном доходе увеличилась с 10-14 % (в конце 1970-х годов) до почти половины (47,1%) от его общего стоимостного объема (см. табл.1).

При этом доля КНР в мировой торговле остается достаточно низкой - около 2%. Следует отметить, однако, что еще в 1978 г. она составляла лишь 0,75, а в 1987 г. - 1,6%⁴.

Анализ нынешнего положения дел в области внешней торговли КНР позволяет констатировать явный прогресс в ее развитии как в абсолютном, так и в относительном отношении. Хотя ее значение в мировой торговле пока что относительно невелико, однако место и роль внешней торговли Китая в его национальной экономике, напротив, уже значительны и неуклонно повышаются.

Таблица 1

Показатели роли внешней торговли в экономике Китая, %

	Доля экспорта в ВВП	Доля импорта в ВВП	Доля внешней торговли в национальном доходе КНР
1978	4,7	5,2	11,8
1979	5,3	6,1	13,6
1980	6,1	6,7	15,5
1981	7,7	7,7	18,7
1982	8,0	6,9	18,1
1983	7,6	7,3	18,2
1984	8,3	8,9	21,2
1985	9,5	14,7	29,4
1986	11,2	15,5	32,8
1987	13,0	14,3	33,2
1988	12,6	14,7	32,6
1989	12,6	14,2	29,8
1990	17,1	14,7	38,6
1991	19,1	16,9	47,1
1992	20,5	19,5	...

Подсчитано по:

1. Краткий статистический справочник Китая. - 1990. - Пекин. - 1990. - С. 2, 5, 7, 97, 101 (на кит.яз.).
2. Жэньминь жибао. - 1992. - 20 января, 29 февраля.
3. Цзинцзи жибао. - 1993. - 2 апреля.

В рамках внешнеэкономической политики в КНР в целом сохранилась преимущественная ориентация на поддержание и усиление коммерческих связей с промышленноразвитыми странами и территориями⁵. На их долю в 1980-х годах приходилось около 55% внешнеторгового оборота КНР. В дальнейшем, правда, этот показатель неуклонно снижался: 50 (1987), 45,6% (1990).

С 1987 г. первую строку в списке торговых партнеров Китая долго занимал Гонконг (37% оборота, в том числе 45% экспорта в 1991 г.). Его важность объясняется тем, что он является основной реэкспортной базой КНР, прежде всего на Тайвань, а также на американский и европейский рынки: около 60% китайского экспорта в Гонконг сбывается в другие страны, примерно 75% китайского импорта из Гонконга производится в третьих странах⁶. Важно отметить, что свыше половины как экспорта, так и импорта в китайско-гонконгской торговле приходится на кооперационные поставки (поручительскую переработку и сборку). Учитывая немалую долю в экспорте, приходящуюся на предприятия с участием гонконгского капитала на территории КНР, можно констатировать очевидную экономическую интеграцию Гонконга и прилегающей китайской территории. В 1993 г. на первое место вышел Япония (взаимный оборот - 39,04 млрд.долл.), оттеснив Гонконг на второе место (32,54 млрд.долл.), США сохранили третью позицию (27,65 млрд.долл.), объем непрямой торговли с Тайванем достиг 14,39 млрд.долл. (четвертое место). Наряду с традиционными товарами ширится торговля Китая с Тайванем новой технологией, научными

разработками, развивается сотрудничество в области трудовых услуг, транспорта. Китайские эксперты считают, что Тайбэй сейчас уже не в состоянии в полной мере контролировать торговлю с материком. На повестке дня стоят задачи полной легализации прямых торгово-экономических контактов. Словом, экономические интересы побеждают политико-идеологические.

Прогнозируя возможные перемены в географической структуре внешней торговли Китая в ближайшее десятилетие, можно с большой степенью уверенности утверждать, что ведущую роль в ней будут продолжать играть Гонконг и Тайвань, причем доля последнего по мере постепенной нормализации экономических и политических взаимоотношений будет неуклонно возрастать. Среди промышленно развитых стран ведущими торговыми партнерами КНР останутся Япония и США, а в развивающемся мире - государства, входящие в группу новых индустриальных стран и примыкающие к ней (Республика Корея, Сингапур, страны АСЕАН и др.). Особое место в торговле Китая, несомненно, будет занимать Россия - его ближайший сосед, имеющий с ним самую протяженную сухопутную границу и богатый взаимный опыт многолетнего экономического сотрудничества.

Ведущее место в экспорте занимали в 1993 г. текстильные изделия и одежда (27,13 млрд.долл., 29,6% общей стоимости), а также машинно-техническая продукция (22,7 млрд.долл., 24,7% стоимости экспорта). Доля готовой продукции в экспорте составила 81,8% (в 1992 г. - 79,6%).

При этом приращение экспорта во многом достигается не за счет его диверсификации, а в результате концентрации вывоза немногочисленных вышеприведенных товарных групп. Дальнейшие перспективы такого, достаточно "однородного", экспорта, учитывая острую конкуренцию по этим товарам со стороны Тайваня, Гонкога, Республики Кореи, а также неизбежное усиление тарифных ограничений и протекционизма со стороны Запада, представляются нам более чем скромными. В этой связи устойчивое расширение внешней торговли КНР видится китайскими специалистами прежде всего в свете диверсификации экспортных поставок.

В нынешнем десятилетии основу китайского экспорта, видимо, будут по-прежнему составлять продукция легкой и текстильной промышленности, а также энергоносители (нефть и уголь). В дальнейшем можно ожидать, во многом в зависимости от привлечения иностранных инвестиций в машиностроительный комплекс, значительного повышения удельного веса машин и оборудования.

Весьма благоприятные изменения в 1980-90-х годах претерпевала и товарная структура *импорта* КНР. Стабильно рос ввоз готовой промышленной продукции (с 63,5 в начале 1980-х годов до 80% к концу десятилетия)⁷. Основное место в этой группе товаров занимают машины, оборудование и транспортные средства, а также изделия легкой, текстильной, металлургической промышленности. Увеличение удельного веса промышленных изделий в китайском импорте выражает, на наш взгляд, долгосрочную тенденцию в развитии внешней торговли страны, поскольку их рост неразрывно связан с курсом экономических реформ и модернизации промышленности. Главная проблема - уравновесить рост объемов ввоза промышленных изделий соответствующими поставками китайских товаров на мировые рынки. Поэтому, например, вполне объяснимо "сдерживание" импортных закупок в период общего урегулирования экономики (1989-91 гг.), наличия значительного отрицательного внешнеторгового сальдо.

По мере роста удельного веса импорта готовой продукции снижалась доля закупок сырья и полуфабрикатов (как продовольственных, так и непродовольственных), ныне она составляет около четверти объема импорта.

Сокращение закупок за границей продовольствия и сельскохозяйственного сырья в 1980-х годах стало возможным благодаря внедрению семейного подряда в деревне, что позволило в этот период существенно увеличить сборы зерновых и технологических культур.

В обозримой перспективе (до конца нынешнего века) по мере роста экспортного потенциала, необходимых валютных накоплений, при сбалансированной экономической политике следует ожидать сохранения преобладающего удельного веса готовых промышленных изделий в импорте, прежде всего машин и оборудования, транспортных средств, а также промышленного сырья.

Большое внимание в Китае уделяется импорту новых технологий и "ноу-хау", что, по мнению китайских экономистов, создает условия для технического перевооружения экспортной промышленности, повышения качества экспортных товаров и увеличения объема экспорта. С этой целью были снижены ставки по внутренним кредитам на проведение технической реконструкции предприятий, особенно в отраслях энергетического, топливно-сырьевого комплексов, транспорта и связи, уменьшены пошлины на промышленные материалы и оборудование с целью облегчения их импорта.

Результаты не замедлили сказаться. В результате проводимой политики за 1980-е годы Китай импортировал около 27 тысяч единиц техники и технологии на сумму около 30 млрд.долл. 40% импортной техники направлялось в приоритетные отрасли: в энергетику, транспорт, металлургию, химию. По китайским оценкам, за счет импорта было обеспечено 60% прироста промышленного производства, на рынок поступило свыше 6 тысяч новых видов продукции⁸.

Тем не менее в деле привлечения передовой технологии сохраняются и проблемы. Помимо "внешнего фактора" (ограничений со стороны ведущих стран Запада), это низкая квалификация рабочей силы и затрудненная "адаптация" импортной технологии, неразвитость инфраструктуры, дефицит природных ресурсов. Впрочем, достигнутые результаты говорят о том, что проблемы эти решаются небезуспешно.

В 1980-90-х годах активно шел процесс развития *реформы внешнеторгового сектора* экономики КНР. Ее стратегической линией на начальном этапе стала децентрализация системы управления внешнеэкономическим комплексом, которая шла в Китае по двум направлениям: отраслевому и региональному. В отраслевом направлении это выражалось в создании торгово-промышленных объединений, а в рамках регионального направления, начиная с 1979 г., все провинции, города центрального подчинения и автономные районы, а также ряд открытых экономических районов получили в разной степени автономию в осуществлении внешней торговли.

Большое влияние на подъем эффективности внешней торговли оказали мероприятия финансового характера. В 1980-е годы в целях поощрения экспорта, ликвидации его убыточности китайским руководством проводилась политика девальвации юаня по отношению к доллару, приближение его курса к реальной покупательной способности.

Основным содержанием этапа реформы внешней торговли с 1988 г. стало внедрение системы подрядной ответственности провинций, в соответствии с которой сроком на полгода устанавливались неизменные показатели валютных отчислений центру.

С 1991 г. в рамках нового этапа реформы системы внешней торговли была поставлена задача перевода отрасли на рыночный режим функционирования и перестройки ее в соответствии с международной практикой. Учитывая собственные интересы и идя навстречу рекомендациям

МВФ, Всемирного Банка, ГАТТ, в 1991-93 гг. Китай провел ряд мероприятий по либерализации внешней торговли. В частности, с начала 1991 г. ликвидировал экспортные субсидии, а с 1 апреля 1992 г. отменил так называемый регулирующий налог на импорт, введенный в 1985 г. для защиты внутреннего рынка от внешней конкуренции. Частично, правда, была проведена "маскировка" данного налога в общем таможенном тарифе, однако в целом на 16 видов товаров удешевление составило от 28 до 61% импортного таможенного тарифа.

Импортные таможенные тарифы были также снижены: на 40 позиций в 1991 г. и на 241 позицию в первой половине 1992 г. главным образом на сырье, машины, оборудование, запасные части, химические и пищевкусовые товары⁹.

В 1993 г. КНР снижены ставки импортных таможенных пошлин на 2898 наименований, что составило примерно половину их общего количества. Ограничивается импорт автомобилей, телевизоров, спиртных напитков, сигарет и т.п.

С 1992 г. Китай перешел на использование широко применяемой в мире гармонизированной системы описания и кодирования товаров. Внесены изменения в систему выдачи экспортных лицензий: на большинство товаров она отменена. Государственная монополия сохраняется на 16 наименований "стратегических" товаров (около пятой части импорта): чай, хлопок, шелк, рис, соя-бобы, кукуруза, нефть и нефтепродукты, каменный уголь и др. Из 138 лицензируемых товаров лишь 38 директивно распределяются государством. В течение ближайших 2 лет планируется сократить количество лицензируемых товаров еще на две трети¹⁰.

Внедряется конкурсное распределение экспортных лицензий, расширяются права провинциальных внешнеторговых органов на лицензирование сделок по ряду товаров, включая цемент и зерно, которые ранее регулировались центром. Совершенствуется система стимулирования экспорта, включая возврат налогов на экспортные товары.

С мая 1992 г. введены новые правила "происхождения экспортных товаров" с целью пресечения нелегального экспорта китайской продукции (прежде всего текстиля) через третьи страны. Китай подтвердил, что будет соблюдать экспортные квоты текстиля в США, добиваясь приемлемого для обеих сторон внешнеторгового сальдо.

* * *

1 января 1994 г. вступили в силу новые "Правила по контролю над импортом машинно-технической продукции и электроники". Импорт 18 категорий товаров (автомобили, мотоциклы, видеоманитофоны, компьютеры, кондиционеры) ограничивается квотами с тем, чтобы защитить внутренний рынок этой продукции. В течение 3-5 лет квоты будут снижаться. Аналогичный документ по импорту "прочих товаров" был принят в конце 1993 г. Одновременно на 283 наименования товаров отменен импортный контроль, включая материалы для производства лекарств национальной медицины, кинескопы, кобальт и изделия из него и т.д.

Анализ политики КНР в области внешней торговли показывает, что эта отрасль в целом играет все большую роль в национальном хозяйстве, вносит значительный материальный вклад в дело осуществления экономических реформ, поиска места страны в мировом сообществе, реализации курса на переход к рыночным отношениям, повышения народного благосостояния.

Дальнейшее проведение реформы внешней торговли, ее поступательное развитие позволяют прогнозировать в ближайшее десятилетие постепенный переход от экспорта трудоемких промышленных товаров к капиталоемким,

реализацию комплексной стратегии развития отрасли, сочетающей экспортную ориентацию в приморских районах с опорой на легкую и текстильную промышленность, а также импортозамещение во внутренних районах с опорой на отрасли тяжелой промышленности. В этом случае Китай вполне может превратиться в значительного конкурента "новым индустриальным странам" региона и отчасти даже промышленно развитым государствам Запада.

Однако даже известное увеличение его доли в международных экономических связях не приведет к серьезным структурным изменениям в мировом экономическом хозяйстве. Дело в том, что обширные внутренние районы страны станут объективным ограничителем экспортного потенциала КНР, потребляя все возрастающую долю его продукции.

О политике привлечения иностранного капитала

Правовое обеспечение внешнеэкономической политики и привлечения иностранного капитала в КНР в немалой степени было реализовано за счет того, что помимо ВСНП как высшего законодательного органа в этот процесс были вовлечены центральные органы исполнительной власти, а также местные органы управления.

Во многих случаях законопроекты парламента не поспевали за экономической практикой. В целях продвижения реформ китайское правительство через свои постановления уточняло, развивало и совершенствовало исходную законодательную базу. Имело место, таким образом, сочетание базовых законов, определяющих исходные принципиальные положения политики привлечения иностранного капитала, и дополняющих нормативных актов, положений, правил, разного рода инструкций.

Особенностью Китая является то, что большое значение в выборе партнеров в отраслевой политике имеют различного рода "закрытые" для иностранных партнеров инструкции, ведомственные положения, бюрократические формальности. Несмотря на это в целом, с учетом определенной национальной специфики, основные правовые условия привлечения зарубежных инвестиций в Китае соответствуют среднему уровню, принятому в международной практике, а по оценке экспертов Всемирного Банка, условия налогового обложения в КНР в ряде случаев даже более льготные, чем в большинстве развивающихся стран".

Законодательство КНР определяет весьма широкую сферу приложения иностранного капитала. Перечень "предпочтительных," с точки зрения китайского руководства, отраслей для инвестирования в стране носит открытый характер и определяет наиболее общие приоритеты в политике инвестиционного регулирования. Опираясь на принятые документы в этой области, на наш взгляд, можно выделить шесть крупных отраслевых блоков.

Первый блок - отрасли топливно-энергетического комплекса и инфраструктуры (энергетика, особенно электроэнергетика, транспорт, связь, портовое хозяйство, железные и автодороги, освоение нефти).

Второй блок - ряд современных отраслей машиностроения (электроника, инструментальная промышленность, приборостроение, производство ЭВМ, средств связи, оборудования для освоения морских нефтяных ресурсов на континентальном шельфе).

Третий - промышленность стройматериалов, химическая промышленность, металлургия.

Четвертый блок - легкая, текстильная, пищевая, фармацевтическая промышленность, производство упаковочных материалов, медицинского оборудования.

В пятый блок следует включить отрасли сельского хозяйства (животноводство, растениеводство, лесное хозяйство, рыбное хозяйство, водные промыслы).

И, наконец, шестой - туризм и сфера услуг.

Положение Госсовета КНР о стимулировании привлечения иностранных инвестиций (1986 г.), поощряет СП льготной платой за услуги, аренду земли, снижением или освобождением от налогов, таможенных льгот при условии использования ими передовой технологии (как минимум на мировом уровне 1980-х годов), а также экспортной ориентации (вывоз за рубеж не менее 70% продукции) и реинвестиции большей части прибыли в Китае.

Скромнее представлены в законодательстве нормы, ограничивающие или запрещающие доступ иностранного капитала в какие-либо отрасли экономики. Сейчас это производство товаров и услуг, рынок которых в Китае насыщен, а экспорт затруднен или невозможен (гостиницы, торговые операции, обработка фотоматериалов, ксерокопирование, пассажирские автоперевозки и т.д.), однако не возбраняется делать инвестиции с использованием уже имеющихся предприятий или производственных условий, ориентированных на приобретение сырья и сбыт продукции на внешнем рынке и не противоречащих существующему экспорту. Ограничиваются также сборка изделий для внутреннего рынка из импортных деталей; производство товаров, экспорт которых из КНР в страну, представляемую зарубежным партнером, ограничен квотами (например, текстиль); объекты, не имеющие возможности привлечь передовую технологию, с высокими ресурсо- и энергозатратами, не обеспечивающие валютной самоокупаемости, с низкой экономической эффективностью, серьезно конкурирующие с китайскими экспортерами.

В 1989 г. в русле процесса определенной централизации внешнеэкономического сектора экономики были ограничены капиталовложения в объекты с высокой нормой прибыли и быстрой окупаемостью и не связанные с высокой технологией, а также в ряд отраслей, связанных с ремонтом и сборкой автомобилей и мотоциклов, сборочными линиями бытовой электротехники, по производству лифтов, с производством спиртных и других напитков и сигарет для внутреннего рынка КНР, розничной торговлей, проявлением цветной фотопленки.

По мере расширения внешнеэкономической открытости в 1991-1992 гг. в ряде мест было разрешено сотрудничество с иностранным капиталом в таких отраслях "третьей сферы", как розничная торговля, аренда, транспортные, страховые, консультационные услуги (это относится, в частности, к Пекину, Тяньцзиню, Гуанчжоу, Шэньчжэню, Пудуну, Хайнаню)¹².

По китайскому законодательству запрещается создание СП, производящих оружие, загрязняющих окружающую среду, по обработке драгоценных металлов, традиционным художественным промыслам Китая, связанных с использованием секретных сведений, со специализированными коммуникациями, средствами массовой информации.

За годы реформ Китай активно использовал *зарубежный ссудный капитал*. Так, с 1979 по 1991 г. Китай заключил кредитных соглашений на сумму около 64 млрд.долл. и использовал из них 52,7 млрд.долл. Наибольшая "использованная" кредитная масса приходилась на коммерческие банковские кредиты (41,9%). Далее идут государственные кредиты (24,1%) и кредиты международных финансовых организаций (16,1%), где основным кредитор Китая - учреждения Мирового Банка¹³.

Приоритетное направление внешнего заимствования - производственная сфера: промышленность (туда направляется свыше половины кредитов), а также транспорт, связь, аграрный сектор, что в целом соответствует государственной отраслевой политике. Географическое "распределение" ссудного капитала ограничивается в основном наиболее развитыми приморскими районами Южного и Восточного Китая.

Значительно возросла во второй половине 1980-х годов роль иностранного кредитования в формировании государственных капиталовложений (учитывая их возвратный характер, они включаются, по китайской статистике, в состав государственных инвестиций). Если в 1981-85 гг. удельный вес иностранного кредита в составе государственных капиталовложений составлял 4,5%, то в следующем пятилетии - уже 9,4% (см. табл. 2).

Таблица 2

Участие иностранного ссудного и предпринимательского капитала в формировании государственных капиталовложений в экономику КНР

	1983	1985	1987	1989	1991	1992
Удельный вес ссудного капитала в составе государственных капиталовложений, %.	2,2	4,7	9,4	9,4	10,5	8,7
Удельный вес предпринимательского капитала в составе государственных капиталовложений, %	1,9	3,4	4,3	5,7	6,4	12,7

Подсчитано по:

1. Краткий статистический справочник Китая. 1990. - Пекин. - С. 19, 102.
2. Жэньминь жибао. - 1992. - 29 февраля; 1992. - 21 апреля; 1993. - 19 февраля.
3. China Daily. Business Weekly. - 1991. - 24 марта.
4. Чжунго тунцзи синьсибао. - 1992. - 13 апреля.

1980-е годы характеризовались неуклонным ростом внешней задолженности Китая. Особенно резкие ее скачки, главным образом за счет активного привлечения Китаем коммерческих кредитов, наблюдались в 1985-88 гг. (более чем в 2 раза ежегодно - с 7,2 млрд.долл. по состоянию на 1984 г. до 40,0 млрд.долл. на 1988 г.) (см. табл. 3).

Политика урегулирования в валютной сфере (мероприятия по учету и контролю за валютной задолженностью, включая регистрацию займов в местных управлениях валютного контроля, обязательное наличие особого валютного счета в Банке Китая, периодическая отчетность компаний, совместных предприятий об использовании кредитов и т.п.) и отчасти западные санкции (поистине "нет худа без добра") позволили притормозить рост внешнего долга: в

1989 г. он остался практически на уровне предыдущего года. В конце 1980-х - начале 1990-х годов задолженность продолжала расти и достигла к началу 1993 г. 69,32 млрд.долл.

Возникает вопрос: насколько велик объем задолженности? На наш взгляд, достаточно высок, если учесть, что он составил в 1992 г. 81,6% годового экспорта. Объем платежей по обслуживанию внешнего долга составил около 8 млрд.долл.¹⁴.

Однако следует учесть, что около 83% долга приходится на долго- и среднесрочные займы, а коэффициент его обслуживания (отношение годовой выплаты по долгу, включая проценты, к экспортным и прочим неторговым валютным поступлениям) составляет 8,5%, что почти в 3 раза ниже "опасной" границы (25%). Благоприятна также структура долга по видам заключенных кредитных соглашений: 24% приходится на государственные займы, 52% - на займы международных финансовых организаций, 15% - на кредиты отечественных предприятий и 9% - на задолженность совместных предприятий¹⁵.

Что касается показателей, характеризующих долговое положение КНР, то они не вызывают опасений. Коэффициент долговой ответственности (отношение внешнего долга к ВВП) колеблется последние годы около отметки 15% (16,8% в 1992 г.) при "опасной" границе 20%. Коэффициент задолженности (отношение внешнего долга к годовому экспорту) составляет около 80% (81,6% в 1992 г.) при "опасной" отметке 100%.

Таблица 3

Долговое положение КНР в 1980-90-е гг. (по состоянию на конец года)

	1982	1983	1984	1985	1986	1987	1988	1989	1990	1991	1992
Общая сумма внешней задолженности, млрд.долл.	6,06	6,40	7,23	15,83	21,50	30,20	40,00	41,30	52,55	60,56	69,32
- средне- и долгосрочная	6,06	6,40	5,86	9,41	16,70	24,50	32,68	37,05	45,78	50,26	...
- краткосрочная	-	-	1,37	6,42	4,80	5,70	7,32	4,25	6,77	10,30	...
Коэффициент долговой ответственности, %*	2,2	2,2	2,4	5,4	7,6	9,9	10,6	9,9	14,4	16,1	16,8
Коэффициент задолженности, %**	27,2	28,8	27,7	57,9	69,5	76,6	84,1	78,7	84,7	84,2	81,6
Валютные резервы, млрд.долл.	11,13	14,34	14,42	11,91	10,51	15,24	17,55	17,02	25,90	42,6	...

* отношение внешнего долга к ВВП.

** отношение внешнего долга к годовому экспорту.

Источники:

1. Статистический ежегодник Китая. 1990. - Пекин. - 1990. - С. 668.
2. Краткий статистический справочник Китая. 1990. - Пекин. - 1990. - С. 5, 97.
3. China Daily. - 22 августа.
4. Российская газета. - 1993. - 9 июля.

Если добавить к вышесказанному, что за годы "урегулирования" (1989-1991 гг.) объем валютных резервов КНР значительно возрос: с 17,0 млрд.долл. в 1989 г. до 45,1 млрд.долл. к середине 1992 г., (из них 25,2 млрд.долл. приходится на государственные запасы), то можно с большой степенью уверенности утверждать, что в целом положение с внешним долгом у Китая, несмотря на значительный объем задолженности, не должно вызывать опасений¹⁶.

Достаточно взвешенная и осторожная политика, проводимая китайским руководством в отношении регулирования внешней задолженности, обеспечивается во многом за счет четкого разграничения компетенции ведомств по использованию кредитов конкретных организаций. Так, Госплан КНР определяет (совместно с Народным банком Китая и Министерством финансов) общий объем и структуру привлечения займов. Народный Банк Китая получает и распоряжается кредитами МВФ и АЗБР. Министерству финансов КНР поручено управление кредитами МБРР, которые передаются для конкретного использования Инвестиционному банку. МВТЭС¹⁷ занимается получением и использованием межправительственных кредитов.

Право самостоятельного привлечения зарубежных займов, но в рамках установленных в плане лимитов, имеют также специализированные и коммерческие банки, а также ряд приморских провинций и специальных экономических зон при условии погашения за счет собственных ресурсов в рамках общего плана. Все зарубежные кредиты должны быть зарегистрированы в Государственном управлении валютного контроля, следящим за выполнением государственной политики использования иностранных займов.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что курс на активное привлечение ссудного капитала безусловно таит в себе внутреннюю противоречивость: с одной стороны, пополняет национальный фонд инвестиционных средств, укрепляет материально-техническую базу экономики, стимулирует производство, повышает качество, а с другой стороны, зачастую не отвечает потребностям национальной экономики, закрепляет одностороннюю "специализацию" страны (как правило, традиционную роль рынка сбыта и источника сырья), нерациональную, несбалансированную географическую и отраслевую структуры кредитования.

Разрешение этого противоречия, реализация "положительной стороны" привлечения иностранного капитала определяется тем, как проводится государством внешнеэкономическая политика. Сбалансированная, прагматическая, в хорошем смысле протекционистская политика вызовет следствием активного внешнего заимствования достижение высоких и устойчивых темпов экономического роста и национального дохода страны.

Углубление рыночных преобразований китайской экономики характеризуется стабильным ростом привлекаемых *иностраных предпринимательских инвестиций*.

В 1992 г. процесс привлечения предпринимательского капитала в Китай приобрел поистине лавинообразный характер. Только за этот год создано свыше 40 тыс. предприятий с участием иностранного капитала с общей стоимостью инвестиций около 58 млрд.долл., из них освоено около 11 млрд.¹⁸. Достигнутые показатели превышают аналогичные за предыдущий год, практически равны общим итогам за все предыдущие годы реформ (1979-1991). Вследствие этого в 1992 г. общее количество соглашений по предпринимательским инвестициям увеличилось с 42 тыс. (1979-1991) до более чем 80 тыс. (1979-1992), а их стоимостной объем - соответственно с 57 млрд.долл. до более, чем 115 млрд., из них фактически использованная сумма - с 25 млрд.долл. до более 30 млрд.¹⁹.

В 1993 г. было зарегистрировано 83265 предприятий с участием иностранного капитала. Объем инвестиций по соглашениям составил 110,85 млрд.долл., из них реально вложено 25,76 млрд.долл.

Главная форма привлечения предпринимательских инвестиций в КНР - так называемые предприятия "трех капиталов", под которыми понимаются совместные, кооперационные предприятия с участием иностранного капитала и предприятия, полностью основанные на иностранном капитале. По количеству созданных предприятий и по объему привлеченного иностранного капитала первенство держат совместные предприятия (около 59 и 45% соответственно от общего объема всех предприятий "трех капиталов"). На долю кооперационных предприятий приходится соответственно 26 и 36%, а на иностранные предприятия - 15 и 19%.

Главным источником зарубежного предпринимательского капитала в Китае неизменно является Гонконг, играющий роль главного посредника (до 60% всех зарубежных капиталовложений в КНР и около 80% в южные приморские районы поступает через гонконгских посредников), а также Тайвань, Япония, США, Сингапур, Республика Корея.

В результате целенаправленной политики по стимулированию льготами в налогообложении, кредите, снабжении совместных и кооперационных предприятий при применении передовой техники и технологии и экспортной ориентированности доля зарубежных инвестиций, направляющихся в промышленность, в общем объеме иностранных капиталовложений за 1980-90-е годы в среднем составила 70%, причем в последние годы достигает 90%. На первоначальном этапе освоения новых "открытых" районов китайские власти уделяли особое внимание привлечению иностранных инвестиций в объекты инфраструктуры (строительство мостов, шоссе, портов).

В настоящее время более 70% действующих СП рентабельны, около трети имеют низкую экономическую эффективность, лишь около 10% убыточны²⁰. Экспорт совместных предприятий в 1992 г. достиг 20,4% общего объема по Китаю²¹. Доля предприятий с иностранным капиталом в общем объеме промышленного производства пока невелика и достигает лишь 2%²².

На пути дальнейшего развития сотрудничества КНР с иностранным капиталом существует немало трудностей. Китайские экономисты акцентируют внимание на разнице в политическом и экономическом строе, большом разрыве в уровнях экономического развития, острой торговой конкуренции, глубоких различиях в культурных и исторических традициях.

Большой проблемой остается несбалансированность отраслевой структуры иностранных инвестиций. Основная их часть в 1980-е годы вкладывалась в непромышленную сферу (туризм, торговля, обслуживание, коммунальное и гостиничное хозяйство, офисы и т.п.). Эти отрасли давали максимальную прибыль в краткосрочный период, не требовали больших затрат на сырье, транспортировку и т.д. Такое положение неизбежно на первоначальном этапе привлечения иностранного капитала. Постепенно ситуация была выправлена: к началу 1990-х годов промышленная сфера стала доминирующей в деле привлечения зарубежных капиталовложений. Это позволило китайскому руководству в последние годы для дальнейшего поощрения инвестиций дать "зеленый свет" широкомасштабному вложению иностранных капиталов в "третью сферу" экономики (транспорт, связь, торговля, строительство жилья, финансы, страхование, консультационные услуги и т.п.), а также в аренду земли и недвижимости. При этом далеко не идеальным остается положение дел в отраслях черной и цветной металлургии, химии, стройматериалов, распыленность инвестиций имеет место по отраслям обрабатывающей промышленности.

Отмечается нежелание крупнейших промышленно развитых стран передавать КНР современную технику и технологию, использование ими в своей деятельности в отношении Китая тактики "выпавшего технологического звена". В этом, очевидно, проявляется стремление иностранных компаний соблюдать свои стратегические выгоды, нежелание создавать себе сильного конкурента на мировом рынке. Роль китайской стороны зачастую ограничивается простой сборкой, подключением к производственному процессу на его последних стадиях.

Одно из главных препятствий на пути расширения притока инвестиций состоит в противодействии китайских организаций стремлению зарубежных предпринимателей к расширению рынков сбыта, максимальным поставкам продукции на внутренний рынок, увеличившихся из-за валютных проблем Китая.

Проблемой остается и невысокое качество многих китайских товаров, низкий технологический уровень промышленности в целом, несоответствие продукции международным стандартам, что существенно затрудняет снабжение СП необходимыми компонентами, которые приходится закупать на мировом рынке, что ведет к росту импорта, снижению валютных доходов.

Важным резервом увеличения притока иностранных инвестиций может стать расширение круга инвесторов. Пока же около двух третей вложений приходится на долю Гонконга и Макао. Не сбалансирована и территориальная структура размещения иностранного капитала: более 80% приходится на приморские районы.

Определенные трудности испытываются Китаем в повышении квалификации рабочих, инженерно-технических и коммерческих работников. Их труд в трудоемких отраслях на конвейере и сборке имеет узкую специализацию, не дает широких технологических навыков.

Влияют и объективные причины: неразвитость структуры экономики, транспортной и энергетической сети, неполное законодательство, бюрократизм управления внешнеэкономическими связями, наличие многих "закрытых" подзаконных актов и инструкций, затрудняющих свободное предпринимательство в стране.

* * *

Анализируя политику Китая в области привлечения иностранных инвестиций, следует отметить, что если в первой половине 1980-х годов зарубежные капиталовложения, совместное предпринимательство рассматривались как вспомогательное звено внешнеэкономической стратегии на ее важнейших направлениях - расширении товарного экспорта и валютных поступлений по неторговым статьям, ввозе передовой технологии, - то в начале 1990-х годов иностранный капитал, во многом адаптировавшись к условиям Китая, стал важным долговременным фактором экономического развития страны.

Начиная со второй половины 1980-х годов в КНР намечился переход от количественного наращивания внешних ресурсов вследствие всесторонней либерализации инвестиционного климата к сложной системе поощрения иностранных инвестиций на основе учета качественных характеристик. Активно регулируется территориальная структура инвестиций путем приоритетного развития приморских районов, стимулирования горизонтальных связей с внутренними районами. Успешно идет процесс "приспособления" национального законодательства к общепринятой мировой практике в области регулирования совместного предпринимательства.

Методы административного контроля в Китае дополняются все более активным использованием экономических рычагов, затрагивающих функционирование предприятий с участием иностранного капитала в области налогообложения, передачи технологии, трудовых отношений, аренды земли, валютного и таможенного режима.

Механизм привлечения иностранного капитала в КНР охватывает практически весь спектр современного правового инвестиционного производственного сотрудничества. Как общую тенденцию можно рассматривать повышение роли высших форм совместного предпринимательства при соответствующем сокращении относительно простых и краткосрочных типов кооперации.

Что касается проблем и трудностей на пути его привлечения, то их наличие не показатель неэффективности данной формы внешнеэкономических связей для Китая, а неизбежное следствие первоначального экспериментального этапа.

Основные выводы

Вступление Китая в конце 70-х годов на путь политики реформ и открытости во внешнеэкономической сфере показало историческую неизбежность нормального функционирования экономики на основе рыночных принципов, широкомасштабного сотрудничества со странами и регионами, подтвердило мировую тенденцию интернационализации хозяйственной жизни, усиления взаимозависимости стран, больших и малых, развитых и развивающихся.

В современных условиях взаимозависимость государств в экономической области не обязательно ведет к ущемлению политической независимости и экономической самостоятельности. Напротив, лишь на основе активного участия в международном разделении труда, которое стимулирует быстрое развитие производительных сил общества, возможно укрепление политического и экономического суверенитета.

Исходя из этих предпосылок, Китай в своей внешнеэкономической стратегии ориентируется на снижение уровня зависимости от отдельных партнеров, всемерно расширяя сотрудничество на многосторонней основе, участвуя в международных экономических и финансовых организациях. Приоритетным мотивом вступления Китая в 80-90-х годах во Всемирный банк, МВФ, АзБР, ГАТТ, на наш взгляд, является не столько само по себе "вхождение в свободный мир", сколько более широкий доступ к зарубежным рынкам, долгосрочным займам через эти организации. Последовательное проведение Китаем данной линии в его внешнеэкономической политике позволяет говорить о возможности дальнейшего расширения открытости во внешнеэкономических связях без попадания в финансовую зависимость от промышленно развитых стран Запада.

Анализируя в целом пятнадцатилетний опыт открытой политики в Китае, можно выявить ряд тенденций:

- с территориальной точки зрения, "открытость" распространяется постепенно с юга по восточному приморью на север, а в последнее время и в глубь страны. Китай применяет общий подход к внедрению нововведений: сначала их опытная проверка на ограниченной территории, и лишь затем, в случае успеха опыта, его повсеместное распространение;

- по мере углубления рыночных преобразований в Китае увеличиваются масштабы открытой политики: все больше преобладают крупные, долгосрочные

объекты сотрудничества, достижения открытой политики в 1990-х годах позволяют "окупать" затраты в течение предыдущего десятилетия;

- "открытость" как неотъемлемая часть экономических реформ вызывает обратную связь, сама становится их генератором, вызывает необходимость совершенствования хозяйственного механизма, системы управления, внедрения новых форм хозяйствования, формирования правовой базы экономики. Несомненно, также, что подход к масштабам, формам и методам открытой политики будет во многом меняться, требуя от китайского руководства гибкости и готовности к компромиссам, подталкивая внутренние экономические и в перспективе - политические реформы;

- позитивный опыт открытой политики Китая было бы непростительно игнорировать в процессе строительства социальной рыночной экономики в России. Заслуживает, в частности, особого внимания роль государства в формировании внешнеэкономической политики страны, в создании благоприятных условий для привлечения иностранного капитала, регулировании внешнеторговой политики, в проведении "разумного" протекционизма в отношении к отечественным отраслям и предприятиям.

1. Цаймао цзинцзи. - 1982. - N 5. - С. 36.
2. Жэньминь жибао. - 1988. - 19 сентября.
3. Чжунго тунцзи синьсибао. - 1992. - 31 августа.
4. Гоцзи маои. - 1987. - N 8. - С. 7.
5. По китайской терминологии под "территориями" имеется в виду прежде всего Тайвань, который рассматривается властями КНР как неотъемлемая часть Китая, а также Гонконг и Макао, переходящие под юрисдикцию КНР соответственно в 1997 и в 1999 гг.
6. Алексеев И.А., Нагорный А.А., Парканский А.Б. Американские китаеведы об экономике и политике Китая сегодня и завтра. - М., 1989. - С. 196; Российская газета. - 1993. - 12 января.
7. Подсчитано по: Краткий статистический справочник Китая. - 1986. - Пеккин. - С. 96; - 1987. - С. 89; - 1988. - С. 85; - 1990. - С. 98.
8. China Daily. Business Weekly. - 1992. - 9-15 марта.
9. Цзинцзи данькаобао. - 1992. - 16 марта; China Daily. - 1992. - 16 марта.
10. Жэньминь жибао. - 1992. - 31 декабря; Финансовые известия. - 1993. - N 11.
11. Манежев С.А. Иностраный капитал в экономике КНР. - М., 1990. - С. 119-120.
12. Жэньминь жибао. - 1992. - 25 апреля.
13. Там же. - 1992. - 25 апреля.
14. China Daily. - 21 апреля.
15. Ibid. - 1992. - 21 апреля; - 1992. - 22 августа.
16. China Daily. Business Weekly. - 1992. - 8-14 ноября.
17. Министерство внешней торговли и экономического сотрудничества КНР (данное название Министерства принято на 1-й сессии ВСНП 8-го созыва в марте 1993 г.).
18. Жэньминь жибао. - 1993. - 19 февраля.
19. Подсчитано по: Чжунго тунцзи синьсибао. - 1992. - 13 апреля; - 1992. - 10 декабря; Жэньминь жибао. - 1992. - 21 апреля; China Daily. Business Weekly. - 1993. - 3-9 января.
20. China Daily. - 1991. - 24 ноября.
21. Beijing Review. - 1993. - N 10. - P. 41.
22. Чжунго тунцзи синьсибао. - 1992. - 27 августа.

Маленькие проблемы провинциального банка в зеркале большой экономики

© 1994

Г.Шаламов

В Хабаровске - одном из живописнейших городов Дальнего Востока - вот уже на протяжении трех с половиной лет напряженно работает достаточно известный в регионе Акционерный коммерческий дочерний банк регионального развития и внешней торговли Внешторгбанка России ("Регионвнешторгбанк"). В прошедшем 1993 г. этот банк увеличил сумму своих активов с 6,1 млрд. рублей до 51,5 млрд. рублей, прибыль возросла в 17,5 раз и достигла 6,7 млрд. рублей. Однако показанные результаты работы вовсе не говорят о том, что жизнь этого провинциального банка в минувшем году была совершенно безоблачной. О проблемах "Регионвнешторгбанка", в большинстве случаев обусловленных общеэкономическими причинами, на страницах нашего журнала рассказывает начальник отдела прогнозирования банковского развития этого банка Шаламов Георгий Александрович.

Характерной особенностью 1993 г. явилось то, что Центральный банк Российской Федерации на протяжении всего года энергично использовал такой рычаг регулирования деятельности коммерческих банков, как изменение учетной ставки. Она на протяжении всего года изменялась следующим образом:

- 30 марта - 100%; 2 июня - 101%; 22 июня - 120%; 29 июня - 140%; 15 июля - 170%; 23 сентября - 180%; 15 октября - 210%.

Таким образом, на протяжении 1993 г. ставка рефинансирования Центрального банка России изменялась в сторону повышения 7 раз и увеличилась с 80 до 210%, или в 2,6 раза. Правда, справедливости ради следует отметить, что всякий раз, повышая ставку процента за централизованные ресурсы, Центральный банк лишь приближал ее к уровню рыночной. И только 15 октября, впервые в 1993 г., установил ставку рефинансирования, превышающую рыночную. Однако уже в конце ноября, по нашим оценкам, последняя снова восстановила свое превосходство над первой.

На 1 января 1994 г. "Регионвнешторгбанк" располагал централизованными кредитными ресурсами на сумму 2651,5 млн. рублей, что составило 12,8% от общей суммы кредитных вложений. Столь высокая доля централизованных ресурсов в общей сумме кредитных вложений (на 1 января 1993 г. она составляла только 4%) продиктована, на наш взгляд, общим состоянием экономики. Процентная ставка по кредитам достигла столь большой величины, что многим предприятиям стало гораздо выгоднее добиться получения льготных централизованных кредитов, чем получить их в коммерческих банках.

Получая у Центрального банка кредиты под 210%, "Регионвнешторгбанк" выдает их предприятиям под 213%, при этом половина этих процентов компенсируется предприятиям государством, т. е. реальная стоимость такого кредита чуть больше 100%. Между тем средняя процентная ставка по кредитам коммерческих банков на Дальнем Востоке, по данным Информационного центра "Рейтинг," составила 215%. Данное обстоятельство свидетельствует о несомненной выгодности получения льготных централизованных кредитов клиентами нашего банка. Именно поэтому весь объем централизованных кредитов, полученных банком, использовался для кредитования агропромышленного комплекса и досрочного завоза товаров на Север.

В 1993 г. "Регионвнешторгбанк" в связи с этим неоднократно оказывался в достаточно сложной ситуации. Располагая собственными свободными кредитными ресурсами, он не мог их выдать своим клиентам, так как те не проявляли желания их брать. Последним было выгоднее получить льготный централизованный кредит вместо кредита банка. Естественно, "Регионвнешторгбанк" шел навстречу своим клиентам и добивался для них централизованных кредитов. Однако весь парадокс ситуации заключался в том, что банк тем самым попадал в еще более сложную ситуацию.

Во-первых, при наличии свободных ресурсов он не мог их отдать в межбанковский кредит, так как имел централизованный кредит, а в этом случае, согласно установленным правилам, банк не располагает правом предоставления ссуд другим банкам.

Во-вторых, на протяжении длительного периода "Регионвнешторгбанк" не мог получить возмещения за централизованные кредиты из Госбюджета. Так, по состоянию на 1 января 1994 г. банку еще так и не было возмещено 371,8 млн. рублей. Эта достаточно большая сумма, находясь в невозмещенных расходах банка, существенно снижает его прибыль и не дает возможности использовать эти средства для дальнейшего кредитования. Таким образом, банк в обоих случаях попадал в положение, когда заметно снижалась его доходность.

Вышеупомянутая выгода получения централизованных кредитов вовсе не ставит под сомнение необходимость их использования нашими клиентами. Проведенные "Регионвнешторгбанком" проверки за целевым использованием хозорганами централизованных кредитных ресурсов с выездом на место не выявили нарушений. В условиях полной заброшенности Крайнего Севера льготное кредитование осталось одним из немногих преимуществ, которым могут реально пользоваться его жители, поэтому, несмотря на неприятности, испытанные "Регионвнешторгбанком", данная форма кредитования, на наш взгляд, вполне обоснованна и не подлежит сомнению.

Однако опубликованный баланс Центрального банка Российской Федерации отчетливо показывает, что сумма активов главного банка страны практически равна сумме активов всех коммерческих банков. Это наталкивает на мысль о том, что коммерческие банки России фактически являются посредниками не между населением и коммерческими фирмами, как во всем мире, а между Центральным банком и предприятиями и организациями. Если доля централизованных кредитов в сумме активов "Регионвнешторгбанка" на 1 января 1994 г. составляет 5,1%, то, судя по публикациям балансов некоторых коммерческих банков, кредиты Центрального банка России в их активах иногда занимают от 50 до 80%. Таким образом, централизованные кредиты имеют и свою, чисто негативную, сторону. Многие банки, обладая ими, практически устраняются от по-настоящему коммерческой работы по изысканию кредитных ресурсов, которой они должны заниматься в первую очередь.

Повышение учетной процентной ставки Центрального банка России до 210% не привело, как ожидалось, к снижению спроса на кредиты. Обычно

повышение процентной ставки резко снижает возможность получения банковского кредита и заставляет предприятия изыскивать способы увеличения собственных средств для своего развития. В этом случае они должны идти, в первую очередь, на снижение своих затрат, освобождение от излишних товарно-материальных ценностей, повышение качества продукции. Одним словом, своим повышением учетной процентной ставки Центральный банк России преследовал цель определенного оживления экономики страны. Судя по результатам деятельности "Регионвнешторгбанка" в прошлом году, нельзя сказать, что Центральный банк добился решения поставленной цели. Если в середине 1993 г. банк стоял перед реальной проблемой размещения избытка своих средств, то уже в конце года он испытывал их недостаток, будучи не в состоянии удовлетворить своих клиентов в кредитах.

Фактор снятия Банком России ограничений в установлении процентных ставок коммерческим банкам сыграл, по нашему мнению, положительную роль в обеспечении успешности их борьбы с инфляцией. Инфляция в прошедшем году составила, по нашим оценкам, около 900%. чтобы ее преодолеть и добиться реального роста своих показателей к уровню прошлого года, коммерческие банки должны были повысить их обязательно более чем в 9 раз. Следует заметить, что "Регионвнешторгбанк" сумел преодолеть эту планку практически по всем показателям, кроме роста суммы активов, увеличение которой было ниже 9 и составило 8,4 раза. Умело регулируя уровни процентных ставок как по пассивным, так и по активным операциям, банк сохранил свою доходность на уровне, позволяющем преодолеть темпы роста инфляции.

Что касается конкретных фактов снижения производства нужной народному хозяйству продукции, то здесь наиболее ярким представителем из всех клиентов банка, испытывающих свои не лучшие времена, является Хабаровское производственное швейное объединение "Восток". Объемы производства объединения снизились с 9096,8 млн. рублей в 1992 г. до 6059, 8 млн. рублей в 1993 г. в сопоставимых ценах, т. е. падение составило 33,4%. Между тем качество продукции этого одного из старейших предприятий города Хабаровска не только не уступает качеству наводнивших Дальний Восток швейных изделий из Китая, но даже во многом превосходит их. Другое дело, что хабаровские швейники не могут выдержать ценовой конкуренции со стороны своих соседей. Более дешевые китайские изделия разбираются куда охотнее, несмотря на их низкое качество. Снизить цену на свою продукцию хабаровчане не могут, так как для этого необходимо перестроить всю устаревшую технологию, на что швейники просто не имеют достаточных средств.

Учитывая катастрофическое положение некоторых своих старейших клиентов, "Регионвнешторгбанк" приоритеты при проведении своих активных операций в 1993 г., вопреки общеэкономической обстановке, постепенно смещал в сторону долгосрочных кредитов, доля которых в общей сумме активов возросла с 1,69% на 1 января 1993 г. до 2,49% на 1 января 1994 г. В абсолютных цифрах долгосрочные вложения увеличились в 12,5 раз.

Столь значительный рост явился результатом создания в банке инвестиционного отдела. Последний, в свою очередь, осуществил весьма удачные вложения в 1993 г. Однако увеличение доли долгосрочных кредитов в общей сумме активов совсем не отразилось на изменении структуры доходов. Доля доходов от долгосрочных кредитов уменьшилась с 1,19% в 1992 г. до 0,63% в 1993 г. Причина в том, что возврат по долгосрочным ссудам пойдет главным образом во второй половине 1994 г.

Если долгосрочные кредитные вложения отнести к общей сумме кредитных вложений по состоянию на 1 января 1994 г., то они составят 5,7% в отличие от 1,7% в предыдущем году. "Регионвнешторгбанк" направил свои

долгосрочные кредиты в развитие следующих производств экономики Хабаровского края:

- производство товаров народного потребления;
- производство строительных материалов;
- переработка отходов лесной промышленности;
- производство лекарственных препаратов.

До 4% на 1 января 1994 г. повысилась в сумме активов доля основных средств, что связано со значительными затратами банка на реконструкцию головного офиса и помещений филиалов в Хабаровске и Комсомольске-на-Амуре. Будучи в свое время созданным на базе Хабаровского Жилсоцбанка, "Регионвнешторгбанк" долгое время арендовал помещение у Хабаровского Главного управления Центрального банка Российской Федерации по Хабаровскому краю. Однако бурный рост обоих банков в последнее время вынудил последнего поставить вопрос о выселении "Регионвнешторгбанка". В подобной ситуации оказались многие коммерческие банки России, поэтому банк вынужден был форсировать свои работы по реконструкции своего нового помещения, что позволило коллективу перебраться в новое здание уже в январе 1994 г. В любом случае это свидетельствует о значительном укреплении банком его материально-технической базы.

Большое внимание "Регионвнешторгбанком" уделялось улучшению безналичных расчетов. Специального анализа платежных инструментов, используемых клиентами банка, не проводилось. Однако имеющиеся практические результаты работы позволяют нам сделать определенные выводы. Основным платежным инструментом, применявшимся в прошлом году в "Регионвнешторгбанке", были платежные поручения.

Чеки во взаимных расчетах между клиентами использовались не так интенсивно, как в 1992 г. Одной из причин было ограничение использования чеков при расчетах только внутри города или района. Во-вторых, недоверие к этим платежным инструментам со стороны клиентов обусловлено имевшими место в 1992 г. случаями их подделки.

Практически к нулю была сведена такая форма расчетов, как аккредитивы. Причина, по нашему мнению, заключается в том, что ранее, в соответствии с существовавшими правилами, выделенные для аккредитива средства депонировались в банке плательщика, что давало возможность использовать их в своей ресурсной базе. В настоящее время эти средства депонируются в банке поставщика. А это значит, что они не могут быть использованы в обороте банка плательщика. Поскольку поставка товара нередко может затянуться на несколько месяцев, ровно такое же время банк поставщика совершенно бесплатно пользуется чужими ресурсами.

Существующая экономическая обстановка в стране привела к тому, что в практике работы государственных и коммерческих структур получила широкое распространение такая форма расчетов, как предварительная оплата. Это само по себе свидетельствует о недоверии субъектов рынка друг к другу.

В 1993 г. "Регионвнешторгбанку", как и многим другим коммерческим банкам Хабаровского края, не удалось избежать такого явления, как взаимные неплатежи. По состоянию на 1 января 1994 г. картина взаимных неплатежей по клиентам "Регионвнешторгбанка" такова:

- | | |
|---|------------------|
| 1. Общая сумма долга нашим предприятиям от покупателей за товары и услуги | - 11929 млн.руб. |
| 2. В том числе от покупателей края | - 10049 млн.руб. |
| 3. Общая сумма долга нашими предприятиями поставщикам за товары и услуги | - 14081 млн.руб. |
| 4. В том числе по поставщикам края | - 8845 млн.руб. |

Показанные суммы взаимной задолженности наших клиентов друг другу показывают, что необходимость проведения взаимозачета давно назрела. Однако весь парадокс ситуации заключается в том, что основным должником, по нашим оценкам, является государство, которое не может расплатиться с государственными предприятиями, а те в свою очередь со своими поставщиками и банками. Таким образом, самая главная роль в предстоящем взаимозачете должна быть отведена государству в лице правительства России при самой непосредственной заинтересованности коммерческих банков, которые в этой ситуации испытывают большие трудности из-за невозвратов по кредитам.

Неоднозначной оценки заслуживают законодательные акты по первоочередному, бесспорному и безакцептному списанию средств на динамику дебиторской задолженности предприятий. С одной стороны, государство провозглашает право юридических лиц самостоятельно распоряжаться собственными средствами, а с другой - вводит безакцептное списание. Часто предприятие, находящееся в критическом положении, изыскивает возможность как-то поправить свое положение, но в момент, когда с таким трудом заработанные средства появляются на его счете, они списываются. Хорошо, если эти суммы перечисляются в бюджет, но зачастую они перечисляются нашим городским коммунальным службам, которые уже успели на суммы задолженности насчитать солидные штрафы, но совсем не улучшили при этом показатели своей работы. В результате Хабаровск все более напоминает город, в котором невозможно жить.

Нельзя отрицать, что законодательные акты по первоочередному, бесспорному и безакцептному списанию средств в определенной степени улучшили положение предприятий, в пользу которых такие списания осуществляются. Однако именно эти же акты в значительной мере повлекли за собой такую повсеместно распространенную форму расчетов, как расчеты с помощью наличных денег, дающую возможность укрывать свои доходы от налогообложения.

Налогообложение заслуживает отдельного разговора. Здесь же мы отметим только то, что на всем протяжении последних лет эта тема является предметом головной боли для всех коммерческих банков России. Все дело, видимо, в том, что без конца изменять и корректировать ставки налогообложения для банков предельно просто, так как банки составляют свои балансы ежедневно и что-либо скрыть в этом случае от налоговой инспекции практически невозможно. Зато на каждое первое число месяца можно отследить соотношение доходов и расходов, а следовательно, возможность увеличения налогов. И все бы ничего, если бы эти изменения проводились не задним числом. Судя по всему, основополагающее правило юриспруденции "закон обратной силы не имеет" перестает действовать, когда речь идет о налоговом законодательстве. В результате финансовая служба "Регновнешторгбанка" в прошлом году была вынуждена несколько раз пересчитывать все уплаченные налоги.

Один из широко известных классиков как-то написал, что жить в обществе и быть свободным от него нельзя. Так и в банковской сфере. Как бы хорошо ни работал коммерческий банк, как бы ни повышал качество обслуживания своих клиентов и где бы он ни находился, он всегда будет испытывать на себе последствия политических и экономических решений, в той или иной мере влияющих на жизнь общества.

Формы и методы реализации государственной энергетической политики в КНР

© 1994

З.Муромцева

(Окончание. Начало в No 2, 1994г.)

Государственное регулирование отраслей ТЭК и структуры энергопотребления на различных уровнях управления и при различных формах собственности

Энергетика стоит на первом месте среди 14 отраслей народного хозяйства, нуждающихся в первоочередном развитии на основе научно-технического прогресса. По результатам анализа достижений и возможностей Китая в области новой техники и высокой технологии были выбраны семь приоритетных направлений, в числе которых наряду с биотехнологией, космической и лазерной техникой, автоматикой, информатикой, новыми материалами находится энергетика. Управление разработанными для этих направлений 15 государственными научно-техническими программами, в том числе и по энергетике, осуществляется комиссией, созданной при Государственном комитете по науке и технике КНР.

В 80-е годы на государственном уровне была укреплена статистическая и информационная работа в области энергетики и энергосбережения, выработаны правила и критерии экономии энергии, подчеркнута важность персонального обучения как определяющего фактора в улучшении управления энергоресурсами.

При составлении прогнозов производства и потребления энергии учитывались данные об экономическом строительстве в Китае, структуре производства и потребления, технологии, техническом оборудовании и возможных методах энергосбережения как внутри страны, так и за рубежом.

Планы развития энергетики входят как часть в комплексные планы развития науки и техники, а также в планы экономического и социального развития народного хозяйства КНР на долгосрочную перспективу, на ближайшие 5 лет и годовые планы.

Плановый механизм развития энергетики включает систему финансирования и налогообложения, материального поощрения, развития организационно-обеспечивающей системы (в том числе научно-техническую и научно-информационную), систему льгот для привлечения иностранных капиталов и персонала, а также ряд других элементов.

Разработка развития энергетики на государственном уровне - это прежде всего единая научно-техническая политика, которая проявляется в составлении системы планов, программ и прогнозов, а также меры по их реализации с помощью воздействия на экономические интересы исполнителей.

В 80-е годы начала выработываться методика формирования программ, основанная на программно-целевом управлении с выбором приоритетных направлений развития. Приоритетные направления выбираются на основе обследований.

Стратегическими моментами энергетической политики КНР являются ее долгосрочный характер, стремление использовать внутренние и внешние факторы в интересах национального развития, ориентация на прочные позиции в международном разделении труда. Привлечение иностранного капитала, осуществляемое со времени начала экономической реформы, является составной частью современной стратегии экономического развития, предполагающей выход Китая к середине XXI века в число развитых стран мира.

В настоящее время сформирован двузвенный механизм разработки, принятия и реализации решений - центральный и местный. В функции центральных государственных органов входит контроль и регулирование на макроуровне разработки стратегии, курса, политики и планов, стимулирование развития путем комплексного применения экономических, административных, политических и правовых методов. Центральными государственными органами являются Госсовет КНР, Государственный плановый комитет, Министерство электроэнергетической промышленности, Министерство угольной промышленности, Китайская национальная нефтяная корпорация и др. Разрабатываемые ими в соответствии с партийными решениями программы и планы утверждаются Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) и выносятся на обсуждение и принятие очередной сессии ВСНП.

На местах органы планирования представлены управлениями планирования энергоресурсов провинций, городов и отдельных групп предприятий, выделенных в качестве самостоятельных единиц планирования. По мере разделения прав между центром и местами устанавливается двузвенная структура хозяйственного управления и контроля за выполнением планов.

Народные правительства разных уровней (провинциальные, уездные, волостные) получили в 1987 г. определенные права в инвестиционной деятельности с акцентом на мероприятия по технической реконструкции и обновлению основных фондов.

В экономике КНР идет постепенное ослабление командно-административного вмешательства государства в хозяйственный процесс, сужается сфера директивного планирования и централизованного материально-технического снабжения, расширяются возможности использования экономических рычагов макрорегулирования.

Вместе с тем уровень прямого государственного регулирования отраслей ТЭК и структуры энергопотребления на всех уровнях управления и при различных формах собственности (государственной, коллективной, кооперативной и смешанной) остается высоким. Государство составляет планы, управляет предприятиями госсектора, определяет цены, доходы, основные направления региональной политики.

С началом нового этапа углубления реформ в 1992 г. за государством по-прежнему остаются важные контрольно-распорядительные функции.

Влияние экологического законодательства на реализацию энергетических проектов

В 1979-1993 гг. в Китае было разработано более 200 стандартов для контроля за окружающей средой и учреждена правовая база для защиты окружающей среды с помощью четырех законов и 20 регулирующих правил¹.

С 1983 г. охрана окружающей среды рассматривается как важная часть государственной политики. К 2000 г. в Китае предполагается израсходовать на нужды экологии примерно 1% ВВП. В эти расходы будут включены затраты на природосберегающие и экологически чистые технологии.

В 1984 г. Госсовет учредил Комитет по охране окружающей среды и Государственное управление по охране окружающей среды. Все провинции и автономные районы создали соответствующие отделения, проводящие мероприятия в рамках общенациональных компаний по охране окружающей среды.

После опубликования Комитетом по охране окружающей среды в 1985 г. "Мер по осуществлению охраны окружающей среды промышленными предприятиями с помощью системы оценок (опытный проект)" в ряде мест на провинциальном, городском, уездном и волостном уровне с промышленными предприятиями, включая энергетические объекты, были заключены соглашения об ответственности за охрану окружающей среды. Новая модель управления охраной окружающей среды основывалась на комплексном контроле и системе ответственности. Для усиления мер по охране окружающей среды использовались экономические методы, было введено платное использование субсидий на борьбу с загрязнением окружающей среды.

В начале 1986 г. были опубликованы Временные положения Госсовета КНР об экономии топливно-энергетических ресурсов, поощряющие создание новой техники и технологий, экономящих ресурсы и не загрязняющих окружающую среду.

В сентябре 1987 г. был введен в действие "Закон о предотвращении загрязнения атмосферного воздуха". Ведомства охраны окружающей среды на основе этого закона организуют пункты контроля, разрабатывают способы проверки данных. Особое внимание отводится проблеме задымления городов, а также загазованности их воздушных бассейнов, заражению территории радиоактивными отходами. Установлены меры юридической ответственности за нарушение данного закона. В 1988 г. в КНР принят Водный кодекс, который ставит задачи рационального освоения, пользования водными ресурсами и их охраны. В том же году опубликовано положение Госсовета КНР о создании специальных фондов для предупреждения и устранения источников загрязнения. Цель этих фондов - концентрировать денежные средства для устранения крупных источников загрязнения в регионах и на предприятиях. Пользование этими фондами платное.

Охрана окружающей среды на рубеже 90-х годов включала следующие меры: 1) режим ответственности за показатели охраны окружающей среды, в который входило подписание документа руководителями провинций, городов и уездов (в документе определяются цели и задачи на оговоренный период и в соответствии с результатами применяются поощрения и санкции); 2) режим гласной комплексной оценки упорядочения окружающей среды (оценка производится по 20 показателям в пяти направлениях - воздушный бассейн,

водная среда, контроль за шумами, комплексное использование твердых отходов, озеленение); 3) режим разрешений на выброс для источников загрязнения, соблюдающих государственные и местные нормы выброса; 4) меры по централизации устранения загрязнений; 5) меры по ликвидации загрязнений в определенный срок².

В начале 1994 г. были опубликованы "Основные положения о работе по охране окружающей среды на территории всей страны", которые предусматривают продолжение и углубление борьбы с промышленным загрязнением в предстоящие 5 лет. Так как состояние окружающей среды в Китае стало одним из основных факторов, говорится в сообщении агентства "Синьхуа", "сдерживающих экономическое развитие и дестабилизирующих общество", вышеуказанные "Основные положения" предусматривают комплексные работы по улучшению окружающей среды в городах и сохранению экологического баланса. К 1998 г. предполагается обеспечить обработку 80% сточных вод и 88% отработанных выбросов газа, обеспечить утилизацию 45% промышленных отходов и др.³. Для осуществления этих целей предлагаются такие меры, как неукоснительное выполнение обязательств, взятых по международным конвенциям, ускорение разработки законодательных актов, адекватных международным соглашениям об охране окружающей среды, привлечение зарубежного капитала для борьбы с загрязнением, развитие регионального сотрудничества с сопредельными странами и т.д.

Энергетическая политика КНР до 2000 г. включает (наряду с положениями об удовлетворении потребностей в энергии на базе повышения экономической эффективности и созданием энергетической системы с рациональной структурой и размещением) решение проблем загрязнения окружающей среды вследствие сжигания угля в городах и устранение экологически вредного чрезмерного потребления биомассы.

Согласно программе до 2000 г., главная цель ведомств охраны окружающей среды - сдерживание загрязнения. Ведомства, отвечающие за развитие энергетики, должны сами заниматься охраной окружающей среды и предотвращать распространение загрязнения.

В настоящее время примерно 2% капиталовложений в техническую реконструкцию расходуется на природоохранные мероприятия. В КНР в 80-е годы производилось более 2 тыс. видов оборудования для очистки промышленных стоков, поглощения пыли, сжигания твердых промышленных отходов и т.д., часть которых соответствовала международным стандартам.

Регулирование внешнеэкономических связей в энергетике

Существующие в КНР государственные организации по контролю за внешнеэкономическими связями подразделяются на две взаимосвязанные группы центрального и местного уровня.

Центральный уровень - Министерство внешнеэкономических связей и внешней торговли КНР (МВЭС и ВТ), Министерство электроэнергетики, Министерство угольной промышленности, Китайская национальная нефтяная корпорация и ведомства, находящиеся в непосредственном подчинении Госсовета КНР.

Местный уровень формируют действующие при народных правительствах провинций, автономных районов и городов центрального подчинения Комитета по внешнеэкономическим связям и внешней торговле.

С одобрения МВЭС и ВТ отраслевым министерствам и местным органам власти также разрешено утверждать отдельные инвестиционные проекты и

внешнеторговые операции при условии соблюдения рамок экономного расходования ресурсов, выделенных правительством КНР для развития соответствующих отраслей и территорий.

Текущий надзор за деятельностью объектов с участием иностранного капитала возложен на государственное управление промышленности и торговли. Важная роль в осуществлении государственного регулирования иностранных инвестиций отводится Международной инвестиционно-посреднической компании Китая, имеющей статус Министерства (МИПКК). Организацией привлечения иностранного капитала на местах ведают местные международные инвестиционно-посреднические компании, находящиеся в подчинении провинциальных и городских комитетов по внешнеэкономическим связям и внешней торговле. В 1986 г. было 30 таких региональных организаций, созданных по образцу МИПКК в провинциях, автономных районах и городах центрального подчинения. Регулирующие функции центральной и местных МИПКК проявляются в периодическом проведении симпозиумов по международному экономическому и технологическому сотрудничеству, в ходе которых предлагаются списки и подробное описание потенциальных проектов сотрудничества.

В целях регулирования внешнеэкономических связей в КНР разработана серия нормативных актов, предусматривающих применение административных, юридических и экономических мер для гарантии законных прав как зарубежных партнеров, так и китайской стороны.

Законодательство КНР разрешает создание предприятий смешанного капитала в энергетических отраслях народного хозяйства, в производстве оборудования для добычи нефти на континентальном шельфе, для угольной промышленности и некоторых других.

На территории Китая иностранные предприниматели, создающие смешанные предприятия, должны обеспечить не менее 25% зарегистрированного капитала. Они могут вкладывать средства путем предоставления лицензий, ноу-хау и т.д. и даже учреждать компании полного владения. Сроки соглашений о смешанных предприятиях могут достигать 50 лет, а в некоторых случаях - больший срок с одобрения Госсовета КНР.

На период действия инвестиционного соглашения объекты с участием иностранного капитала арендуют необходимые земельные участки, собственником которых остается КНР. Арендная плата включает расходы на снабжение предприятий водой, электроэнергией, топливом, возмещение издержек по ликвидации имеющихся на арендуемой территории сооружений и переселению с нее жителей.

МВЭС и ВТ уполномочено не только рассматривать и утверждать крупные проекты, имеющие общекитайское значение, но и контролировать деятельность других объектов, связанных с привлечением иностранных инвестиций и заключением торговых сделок с иностранными партнерами.

Законодательством КНР установлены строгие правила централизованного контроля за валютными операциями совместных предприятий. Они должны проходить по специальным счетам этих предприятий в Банке Китая или, по согласованию с ним, в каком-либо другом банке, причем при переводе прибылей за границу обязательно требуется одобрение Банка Китая.

Участие государства в финансировании НИОКР по энергетике

В условиях КНР успешное развитие энергетики и энергоснабжения - главное условие стабилизации экономического роста. Надежность энергообеспечения поддерживают прежде всего государственные предприятия, институты и учреждения.

Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) по энергетике в основном продолжает финансировать государство. В 80-е годы и в начале 90-х годов перестраивался механизм планирования, методы управления и стимулирования, структура организационного механизма управления НИОКР.

На первом этапе (1980-1984) главной задачей было преодоление жесткого централизованного планирования научных исследований и одновременной оторванности планов от насущных задач энергетики, неэффективного использования научных кадров, сконцентрированных в научно-исследовательских институтах.

Чтобы активизировать НИОКР и материально заинтересовать научные коллективы в скорейшем осуществлении своих разработок, потребителю предлагалось оплачивать научно-технические решения. Задание на разработку крупных проектов, реализация которых позволяла получить большой народнохозяйственный эффект, предлагалось вносить в пятилетние планы социально-экономического развития и инвестировать за счет государственных средств. Кроме того, было предложено разрешить предприятиям расходовать на внедрение научно-технических достижений часть средств, предназначенных для технической реконструкции, обновления предприятий и выявления скрытых резервов.

Всеитайское рабочее совещание по науке и технике 1980 г. предложило все исследования, эксперименты по освоению новых видов техники, за исключением крупных, финансировать самим предприятиям без привлечения государственных ассигнований. В связи с этим научно-исследовательским организациям академий, вузов и ведомств было разрешено заключать контракты с предприятиями на проведении НИОКР при условии выполнения ими государственного плана и планов вышестоящих инстанций.

С 1981 г. средства на освоение производства новых видов продукции предполагалось преобразовать в фонд развития науки и техники. Фонд подразделяется на три части - фонд Государственного комитета науки и техники КНР (ГКНТ КНР), фонды различных центральных ведомств и фонды провинций, автономных районов и городов центрального подчинения. Для получения средств из фонда требуется подать обоснованную заявку и подписать контракт. В контракте указывается, на какие конкретные нужды дается сумма, подлежит она возврату или выдается безвозмездно.

На втором этапе (1985-1987) было принято постановление ЦК КПК (март 1985 г.) о реформе системы управления развитием науки и техники. В соответствии с этим постановлением ставился вопрос о перестройке системы финансирования. Реорганизация направлена на создание многоукладной системы мобилизации финансовых средств, управление которыми осуществлялось бы в зависимости от типа научно-технической деятельности и учитывало бы специфику и результаты этой деятельности.

Временное постановление Госсовета КНР о финансировании развития науки и техники от 23 января 1986 г. предусматривало, что государственное бюджетное финансирование осуществляется по трем статьям: 1) крупные

научно-технические проекты; 2) опытное производство новой продукции; 3) дополнительные ассигнования на промежуточные испытания.

Министерства и ведомства Госсовета КНР, ведомства провинций, автономных районов, городов центрального подчинения, ответственные за осуществление крупных проектов, включенных в пятилетний план, объявляют всекитайский конкурс на их выполнение. Организация, выигравшая конкурс, подписывает контракт и получает ссуду на выполнение проекта. В контракте указаны условия предоставления ссуды - возвратная, невозвратная или частично возвратная после внедрения разработанного проекта в производство и получения за счет этого прибыли.

Для того чтобы у организаций, ответственных за осуществление проекта, были собственные средства, им оставляют 50% от суммы возвращаемых центральным финансовым органам денежных средств. Эти средства предназначаются для выполнения этими организациями крупных государственных научно-технических проектов.

Финансирование фундаментальных и части прикладных исследований осуществляется по линии научных фондов.

В структуре поступлений совокупного бюджета государственных научно-исследовательских учреждений госбюджетные ассигнования в 1986 г. составляли примерно 65%⁴, а в 1989 г. - менее 50%⁵.

Уменьшение доли государства в финансировании НИОК отчасти компенсируется косвенным субсидированием, в котором прежде всего надо отметить предоставление различных налоговых льгот.

С 1988 г. начался третий этап реформы КНР в области научных исследований. В процессе углубления и ускорения преобразований в области НИОКР уточняется и конкретизируется механизм участия государства в их финансировании.

Мониторинг и контроль реализации государственных энергетических программ

В начале 1991 г. по инициативе Государственного планового комитета и Института энергоресурсов Академии наук Китая было завершено создание первого в стране государственного банка данных об энергоресурсах, которые включают экологические показатели и показатели научно-технического прогресса в энергетике. Эти данные, отражающие развитие энергетики за 40 лет со времени образования КНР, должны послужить отправным пунктом для принятия научно обоснованных решений в мониторинге разработки и освоения энергоресурсов.

Особую озабоченность в КНР при контроле реализации государственных энергетических программ вызывает состояние окружающей среды. В конце 80-х годов были укреплены всекитайская сеть мониторинга окружающей среды, а также мониторинг окружающей среды, осуществляемый соответствующими ведомствами. Ежегодно в КНР выдается почти 10 млн. числовых данных, характеризующих в основном качество окружающей среды в городах, качество воды в главных реках, озерах, водохранилищах и морских акваториях⁶.

Контроль за реализацией государственных планов по энергетике осуществляется как центральными, так и местными органами власти.

Выводы

1. Сформированная в 80-е годы энергетическая политика Китая предусматривает развитие и использование всех видов энергоресурсов и энергосбережения. В Государственной программе средне- и долгосрочного научно-технического развития Китая записано: "В области энергоресурсов осуществлять курс на одновременное развитие и экономию, значительно повысить коэффициент использования энергоресурсов, оптимизировать структуру потребления энергии и снизить загрязнение окружающей среды"⁷.

С 1985 г. осуществляется также курс на первоочередное развитие электроэнергетики. Ввод производственных мощностей во второй половине 80-х годов в электроэнергетике ежегодно в 2-3 раза превышал соответствующие показатели 1981-1984 гг. В период 1988-1993 гг. ввод мощностей в электроэнергетике составил почти 70 млн.кВт.

2. Модернизация производства энергоресурсов на современной технической базе составляет одну из основ энергетической политики Китая. Уже в 80-е годы началась активная работа по замене устаревших конструкций энергетических котлов, промышленных трансформаторов, автодвигателей и т.д. В программе развития науки и техники до 2000 и 2020 г. важнейшими направлениями в области энергоресурсов названы разработка и внедрение энергосберегающей техники; разработка и внедрение поискового нефте- и газодобывающего оборудования для пустынных районов и материкового шельфа, техники для повышения коэффициента извлекаемости нефти из старых месторождений; разработка угледобывающего оборудования, техники по использованию и обогащению углей, обеспечение безопасности их добычи; разработка оборудования для производства агрегатов большой мощности для ТЭС, техники для строительства крупных ТЭС в сложных условиях, а также техники для передачи электроэнергии высокого напряжения; исследования и разработка передовой техники для АЭС и техники для обеспечения безопасности их работы. Большое значение в указанной программе придается производству высокоэффективной техники и оборудованию для контроля за загрязнением окружающей среды, особенно от сжигания угля.

3. С 1978 по 1993 гг. объем производства в топливно-энергетических отраслях Китая в переводе на условное топливо увеличился более чем вдвое, но в структуре энергобаланса уголь продолжает лидировать с еще большим удельным весом. Наметилась тенденция увеличения удельного веса гидроэнергетики. Несмотря на наличие богатых залежей каменного угля, перспективных нефтяных месторождений и громадных гидроресурсов, атомные электростанции в энергетической политике Китая рассматриваются как важный потенциальный источник получения энергии.

4. Правовое обеспечение реализации государственной политики в области энергетики сосредоточено на разграничении прав собственности и хозяйствования, так как подавляющее число предприятий энергетики находится в государственном секторе. В 90-е годы активизировалась работа по выработке нормативного законодательства по акционированию. В энергетике эксперимент по акционированию разрешен лишь при условии, что контрольный пакет акций остается у лица, представляющего интересы государства.

Важное значение приобрело наиболее разработанное в КНР законодательство о внешнеэкономическом сотрудничестве, таможенных и валютных правилах. Ставится вопрос о разработке закона, обеспечивающего экономию энергии в быту и на производстве.

5. Организационная перестройка структуры управления энергетикой в 80-х - 90-х годах была направлена на усиление специальных структур, несущих

целевую нагрузку управления энергоресурсами, ликвидацию лишних управленческих звеньев, омоложение кадров. Мотивацией преобразования структуры управления энергетическими отраслями был также процесс установления баланса интересов между лидерами китайского руководства.

6. Налогово-кредитная и ценовая политика Китая в области энергоносителей направлена на сбалансирование интересов производителей, распределителей и потребителей энергии. Острота противоречий между новой и старой хозяйственными системами требует компромиссных решений. В области реформы цен в Китае проводился принцип "сначала упорядочение, потом высвобождение, сочетание регулируемых и свободных цен с постепенным высвобождением первых". Это должно свести к минимуму социальные потрясения в китайском обществе, вызываемые реформой. В Китае считают, что необходим учет посильных тягот тех или иных мероприятий для населения и экономики в целом.

Хотя, по мнению китайских специалистов, реформы в энергетике являются главным звеном в создании современной рыночной экономики, цены на энергоносители оставались заниженными, и это оказывало влияние на неудовлетворительные результаты реформы в энергоснабжении. В 90-е годы начался процесс повышения цен на энергоносители. В 1993 г. предполагалось продать по свободным ценам половину добытой в стране сырой нефти. Однако жидкое топливо занимает менее 20% всего энергопотребления и не затрагивает интересов большинства населения. Более сложным является повышение цен на уголь. К середине 90-х годов в КНР планируют продавать уголь по рыночным ценам.

Особый налог на сжигание нефти, введенный в 80-е годы, входит в закрепленные налоги государственного бюджета. Ставка налога на неочищенную нефть была повышена с 5 до 12%.

В 80-е годы 70% налогов на продукцию, добавленную стоимость и промысловый налог с предприятий, подведомственных Министерству электроэнергетики и водного хозяйства и Министерству нефтяной промышленности, поступало в бюджет страны, а остальные 30% - в местные бюджеты. Освобождены от налогов строящиеся из внебюджетных средств объекты энергетики и охраны окружающей среды.

С 1986 г. в числе других отраслей установлены льготные ставки инвестиционных кредитов для угольной, нефтяной и электроэнергетической промышленности. Они периодически уточняются в соответствии с государственной структурной политикой.

7. Инвестиционная политика в области энергетики занимает в КНР особое место. Дефицит топливно-энергетических ресурсов, принявший в последнее время хронический характер, обусловил приоритет в развитии отраслей энергетики. Для осуществления приоритетности инвестирования топливно-энергетического комплекса была проведена реорганизация системы финансирования и системы управления капитальным строительством в энергетике. Так, был создан специальный государственный фонд строительства важнейших объектов энергетики и транспорта, формируемый за счет внебюджетных средств районов, ведомств и организаций, а также прибыли крупных городских и поселковых коллективных и кооперативных предприятий. Для сооружения объектов энергетики в 80-е годы проводилась эмиссия целевых государственных облигационных займов. В 1988 г. была создана Государственная инвестиционная энергетическая компания, которая контролирует до 80% средств, направляемых в отрасли ТЭК. На период до 2005 г. разработаны основные направления развития энергетики, характеризующие отдачу капиталовложений в эту отрасль.

Одна из задач инвестиционной политики КНР - ограничение монополизма центрального аппарата, создание системы регулирования капитального строительства в соответствии с приоритетностью объектов, развитие конкуренции между строительными организациями на основе коммерциализации и внедрения рыночных отношений.

8. Представляет определенный интерес разработанный в Китае так называемый типовой контракт сотрудничества с зарубежными партнерами, в котором предпринята попытка совместить простоту и гибкость организационной структуры совместного проекта со стабильностью взаимоотношений сторон, основанной на относительно пропорциональном распределении между ними возможной прибыли и риска.

9. Уровень прямого государственного регулирования отраслей ТЭК и структуры энергопотребления на различных уровнях управления и при различных формах собственности остается высоким - составление долгосрочных, среднесрочных, краткосрочных планов, определение цен, доходов, региональной политики, управления предприятиями госсектора. С началом нового этапа углубления реформ в 1992 г. за государством по-прежнему оставлены важные контрольно-распорядительные функции.

Наряду с этим идет процесс последовательного ослабления командно-административного вмешательства государства, сужается сфера директивного планирования и централизованного материально-технического снабжения, расширяются возможности использования экономических рычагов макрорегулирования.

Со второй половины 80-х годов усиливается процесс перехода от традиционных методов управления региональной экономикой на основе административно-территориального деления к новым более прогрессивным методам, предусматривающим формирование сотрудничества на основе создания межрегиональных хозяйственных объединений. Большое значение придается отработке механизма кооперации регионов для строительства объектов энергетики.

10. Экологическое законодательство в КНР проходит стадию становления и пока не оказывает прямого влияния на реализацию энергетических проектов. Согласно программе до 2000 г. главной целью ведомств охраны окружающей среды является сдерживание загрязнения. Ведомства, отвечающие за развитие энергетики, должны сами заниматься охраной окружающей среды и предотвращать распространение загрязнения.

1. China Daily. - 1993. - Октябрь, 7.
2. Цюй Гэпин. Открыть путь охраны окружающей среды, имеющий китайскую специфику. - Пекин. - 1989. - N 7. - С. 15.
3. ИБАС. - N 11890. - 1994. - 9 февраля. - С. 8-9.
4. Чжунго тунцзи няньцзянь. 1987. - Пекин. - 1987. - С. 786.
5. Чжунго тунцзи няньцзянь. 1990. - Пекин. - 1990. - С. 744.
6. Хуаньцзин баоху. - Пекин. - 1989. - N 7. - С. 9.
7. Кэцзи жибао. - 1992. - 10 апреля.

Прямые зарубежные капиталовложения японских фирм: структура и динамика

© 1994

Н. Ноздрев

В середине 80-х годов из-за резкого повышения курса японской иены и, как следствия, ухудшения финансовых результатов экспортной деятельности, японские корпорации заметно увеличили вывоз капитала с целью переноса ряда производств за границу. Материальной основой превращения Японии в одного из крупнейших мировых инвесторов стало огромное положительное сальдо по текущим статьям платежного баланса. В 1987-89 гг. прямые зарубежные инвестиции японских фирм увеличивались в среднем на 45% ежегодно, и в 1989 фин.г. их объем составил 67,5 млрд.долл.¹

Однако с начала 90-х годов в развитии японской экономики наблюдается экономический спад, резко изменились и внешние факторы формирования воспроизводственного процесса в Японии. Глубокие сдвиги в макроэкономической среде не могли не оказать серьезного воздействия на весь комплекс производственной, сбытовой, финансовой, маркетинговой и, конечно, инвестиционной деятельности корпораций. В новых условиях инвестиционная политика, роль которой в определении и реализации долгосрочных перспектив развития определяющая, подверглась качественному пересмотру. Особенно это относится к прямым зарубежным капиталовложениям, эффективность которых зависит не только от воздействия внутренних факторов, но и целого комплекса факторов внешних, таких как движение валютного курса, макроэкономическая ситуация и политико-инвестиционный климат в принимающей стране, уровень квалификации местной рабочей силы и пр.

Практика осуществления прямых зарубежных капиталовложений в Японии ведет отсчет от 1951 г., и в данную категорию наряду с прямыми производственными инвестициями включаются инвестиции в ценные бумаги иностранных юридических лиц, дающие право японскому капиталу на участие в управлении компанией, а также ссуды дочерним компаниям - иностранным юридическим лицам. После пересмотра в декабре 1980 г. ряда положений Закона о валютных операциях в категорию прямых зарубежных капиталовложений не включаются инвестиции в недвижимость за рубежом.

Для анализа особенностей динамики и структуры прямых зарубежных капиталовложений японских фирм в начале 90-х годов необходимо хронологически рассмотреть воздействие на них внутренних и внешних

факторов. В 1990 г. японская экономика находилась на подъеме, о чем свидетельствовал прирост ВВП в реальном выражении на 4,8%². Однако ряд экономических показателей ясно указывал на возможность ухудшения внутренней конъюнктуры. Так, в частности, Никкэй Хэйкин - композитный индекс курсов акций 225 японских крупнейших корпораций в течение 1990 г. снизился с 37404,7 иен в январе³ до 23740,5 иен в декабре⁴.

В 1990 фин.г. объем прямых зарубежных капиталовложений японских фирм сократился в сравнении с предыдущим годом на 15,7% и составил 56,9 млрд.долл.⁵, что объясняется целым рядом факторов. В частности, основной причиной, определившей снижение прямых зарубежных капиталовложений японских фирм в 1990 г., стало резкое сокращение финансовой базы инвестиционной деятельности японских компаний, а именно: положительного сальдо платежного баланса Японии по текущим операциям до 35,8 млрд. долл. по сравнению с 57,2 млрд.долл. в 1989 г.⁶ Далее, пришедшееся на 1990 г. незначительное ослабление японской иены на крупнейших мировых валютных рынках (средневзвешенный курс иены на токийском межбанковском валютном рынке снизился со 137,98 иен за доллар в 1989 г., до 144,81 иены за доллар в 1990 г.)⁷ ухудшило общие условия осуществления японскими компаниями зарубежной инвестиционной деятельности. И, наконец, японские фирмы не видели необходимости в форсировании переноса производств за рубеж, так как исходили из малой вероятности сколько-нибудь значительного повышения курса иены в ближайшем будущем.

Некоторое замедление темпов экономического развития Японии происходит в 1991 г., когда прирост ВВП в реальном выражении составил 4,1% против 4,8% в предыдущем году⁸. Вследствие этого наблюдается относительное снижение прибылей многих корпораций от основной сферы деятельности. Продолжается тенденция к понижению показателей, отражающих состояние фондового рынка страны, и, как следствие, растут убытки японских компаний, активно осуществлявших размещение свободных финансовых ресурсов на национальном рынке ценных бумаг в период тенденции к усилению развития внутрихозяйственной конъюнктуры.

Вышеуказанные факторы привели к относительному сокращению финансовых ресурсов корпораций, которые могли быть направлены на осуществление прямых зарубежных инвестиций. При этом необходимо отметить крайне неблагоприятное состояние экономики США в 1991 г., когда прирост ВВП в реальном выражении составил лишь 1,0%. На США приходилось около 40% прямых зарубежных инвестиций японских фирм в рассматриваемый период. В результате объем прямых зарубежных капиталовложений японских фирм в 1991 г. сократился на 26,9% и составил 41,6 млрд.долл.⁹ Более того, в 1991 г. произошло значительное повышение рыночных процентных ставок в Японии относительно соответствующих показателей в США, и впервые с 1980 г. имел место чистый приток долгосрочного капитала в Японию¹⁰.

В 1992 г. японская экономика вступает в период экономического спада, темпы роста ВВП в реальном исчислении составили всего лишь 1,5%. Деятельность многих фирм на внутреннем рынке несла лишь убытки. Следствием комплекса мероприятий, направленных на форсирование экспорта, стало огромное положительное сальдо по текущим статьям платежного баланса Японии в размере 117,5 млрд.долл., но и экспорт не спасал. Прирост долларовой выручки от экспорта практически полностью поглощался соответствующим повышением курса иены по отношению к доллару. В подобных условиях компенсировать отрицательное сальдо от деятельности на внутреннем рынке доходами от внешнеэкономической деятельности было практически невозможно,

и большое число фирм было вынуждено обозначить убытки в своих финансовых отчетах.

Необходимо добавить, что к вышеуказанным убыткам добавились и колоссальные потери, связанные с резким снижением в 1992 г. курсов ценных бумаг крупнейших корпораций страны. Кроме того, впервые за десятки лет тенденция к снижению спроса была отмечена и на рынке недвижимости страны. Вследствие этого компании, особо преуспевавшие в инвестиционной деятельности на фондовом рынке и рынке недвижимости во время благоприятного развития конъюнктуры, оказались в весьма тяжелом положении. Резкое ухудшение финансового состояния большинства японских фирм заставило их не только отказаться от реализации инвестиционных проектов за рубежом, но и пойти на такие чрезвычайные меры, как продажа недвижимости и других активов. В этих условиях многие зарубежные инвестиционные проекты были фактически свернуты и тенденция к уменьшению прямых зарубежных капиталовложений продолжалась: в 1992 фин.г. их общий объем по сравнению с предыдущим годом сократился на 17,9% и составил 34,1 млрд.долл.¹¹

В течение рассматриваемого периода в структуре прямых зарубежных капиталовложений японских фирм наметились некоторые новые тенденции. На протяжении 3 лет в общем объеме прямых инвестиций сокращалась доля инвестиций в ценные бумаги (1990 г. - 67,7%, 1992 г. - 63,5%), и соответственно возрастала доля ссуд, предоставленных зарубежным филиалам и дочерним компаниям (1990 г. - 30,8%, 1992 г. - 35,5%), при этом доля инвестиций на создание новых и расширение уже созданных зарубежных филиалов оставалась незначительной - чуть более 1%¹². Согласно опубликованному в начале 1993 г. докладу НИИ зарубежных инвестиций (Кайгай тоси кэнкюдзе), посвященному анализу современных особенностей осуществления японскими фирмами прямых зарубежных инвестиций, во второй половине 80-х годов многие японские фирмы уже решили задачу создания зарубежных производственных и сбытовых подразделений и в настоящее время заинтересованы исключительно в расширении их деятельности¹³. Кроме того, создание фирмами новых зарубежных филиалов и дочерних компаний сопряжено с большими затратами, чем расширение уже имеющихся филиалов, и, учитывая сложное финансовое положение большинства японских компаний в течение последних 2 лет, можно предположить, что наиболее капиталоемкие зарубежные инвестиционные проекты будут просто свернуты.

Определенные изменения были отмечены и в географической структуре прямых зарубежных капиталовложений японских фирм. В 1990-92 гг. вследствие затяжного экономического спада доля США в суммарном объеме прямых зарубежных инвестиций японских компаний сократилась с 45,9 до 40,5%.

Особого упоминания заслуживает тот факт, что в 1992 г. 12% инвестиций японских фирм в США приходилось на создание новых и расширение уже созданных научно-исследовательских центров¹⁴. Правительство Японии и японские фирмы с середины 80-х годов особое внимание обращают на форсированное развитие не только прикладной научно-технической мысли, но и фундаментальных исследований. В частности, большие успехи были достигнуты в таких высокотехнологических областях, как волоконно-оптические системы связи, интеллектуальные роботы, конторская автоматика, специальная керамика, углеродное волокно. Однако в то же время японская экономика по ряду ключевых направлений научно-технического прогресса отстает от научно-технического уровня США. Так, например, в настоящее время практически все выпускаемые в Японии компьютеры и другие средства вычислительной техники используют либо американские микропроцессоры, либо их аналоги. Более того, вследствие отмены ряда нетарифных ограничений в течение последних двух лет

отмечается значительный рост доли американских компьютеров на внутреннем рынке Японии, что свидетельствует о несомненных конкурентных преимуществах вычислительной техники, выпускаемой в США. В 1991-1993 гг. отмечалась тенденция, когда многие японские фирмы активно начали производство компьютеров, совместимых с американскими моделями, и в целях дальнейшего совершенствования выпускаемых типов вычислительной техники приступили к реализации совместных с американскими фирмами научно-исследовательских проектов.

Если в 1990-92 гг. доля США в прямых зарубежных инвестициях японских фирм сокращалась, то доля стран Азии устойчиво возрастала: 1990 г. - 12,4%, 1991 г. - 14,3% и 1992 г. - 18,8%¹⁵. Наряду с новыми индустриальными странами в фокусе инвестиционной деятельности японских фирм оказались Индонезия и Китай. Их доли в общем объеме прямых зарубежных капиталовложений японских фирм возросли с 1,9 и 0,6% в 1990 г. до 4,9 и 3,1% в 1992 г. соответственно¹⁶. Последние годы Япония не раз заявляла о намерении активно участвовать в процессах региональной экономической интеграции в Азиатско-тихоокеанском регионе. Однако со стороны стран этого региона не раз звучали критические замечания по поводу того, что Япония заинтересована лишь в развитии торговли. При этом существуют значительные диспропорции в торговом обмене в пользу Японии. Поэтому в настоящее время представители деловых кругов Японии видят в форсировании прямых зарубежных капиталовложений японских фирм в страны АТР одно из средств сокращения чрезмерно большого положительного сальдо в торговле с этими странами за счет увеличения импортных поставок в Японию по каналам внутрифирменного оборота.

На настоящий момент НИСы и страны АСЕАН представляют для японских фирм наиболее выгодное направление вложения капитала и, учитывая дальнейшее развитие региональных интеграционных процессов в АТР, можно сделать вывод о том, что, по-видимому, данная ситуация в ближайшие годы существенно не изменится.

В завершение характеристики географической структуры прямых зарубежных капиталовложений японских фирм необходимо отметить, что несмотря на кажущееся сходство задач, стоящих перед фирмами при осуществлении ими инвестиционной деятельности, анализ на макроуровне указывает на наличие существенных особенностей инвестиционных потоков в США, страны Западной Европы и страны АТР. Быстрый рост прямых зарубежных капиталовложений японских фирм в страны АТР объясняется стремлением снизить издержки производства и обеспечить тем самым своим товарам конкурентоспособность на мировых рынках.

Инвестиции в США представляют собой форму преодоления обострившейся в течение последних двух лет проблемы диспропорции в торговом сотрудничестве США с Японией. Дальнейшее форсирование японскими фирмами экспорта своих товаров в США может привести к резкой ответной реакции американской стороны, что подтвердило недвусмысленное высказывание нынешнего президента США Била Клинтона о возможном введении количественных ограничений в отношении японского экспорта в США.

Инвестиции же японских фирм в экономику стран Западной Европы, являющиеся реакцией Японии на мощные процессы региональной экономической интеграции на этом континенте. С одной стороны, японские компании ожидают, что западноевропейская интеграция расширит рамки экономического сотрудничества, но, с другой стороны, опасаются, что интеграционные процессы будут развиваться в протекционистском русле, и стремятся обеспечить себе в

регионе стабильные позиции путем переноса производств из Японии в страны Европы.

Рассматривая сдвиги в отраслевой структуре прямых зарубежных капиталовложений японских фирм, необходимо отметить, что в 1990-92 гг. она оставалась достаточно стабильной: около 30% приходилось на инвестиции в обрабатывающую промышленность и 70% - на инвестиции в первичный сектор экономики и сферу услуг (классификация министерства финансов Японии¹⁷). Значительно сократилась доля инвестиций в фирмы, специализирующиеся на операциях с недвижимостью, что явилось отражением тенденции к снижению развития конъюнктуры на рынках недвижимости США и стран Западной Европы. Наряду с этим с 10,0% в 1990 г. до 5,3% в 1992 г. сократилась доля прямых зарубежных капиталовложений в электротехническое машиностроение - отрасль, доминировавшую в прямых зарубежных инвестициях Японии в течение второй половины 80-х гг.¹⁸.

В начале 90-х годов происходит смена некоторых концептуальных моментов в осуществлении японскими фирмами прямых зарубежных капиталовложений. Во-первых, под давлением ряда принимающих стран и исходя из необходимости лучше учитывать местные условия для повышения эффективности производственной и сбытовой деятельности многие фирмы начали назначать на должности президентов своих зарубежных филиалов и дочерних компаний представителей местного делового мира с предоставлением им соответствующих управленческих полномочий. Наряду с этим расширялись возможности и создавались условия для продвижения в высший состав управления представителей местного населения. Во-вторых, в целях сокращения диспропорций в торговом сотрудничестве с зарубежными странами японские фирмы будут вынуждены увеличить в дальнейшем долю местного сырья и комплектующих изделий в производственном обороте зарубежных производственных подразделений. В-третьих, японские фирмы в настоящее время рассматривают возможность создания научно-исследовательских центров за рубежом, что органически дополнило бы производственную и сбытовую деятельность филиалов и дочерних компаний, расположенных за пределами Японии, и способствовало бы форсированию внутрифирменных НИОКР. В-четвертых, ряд японских фирм с целью обеспечения большей эффективности всего комплекса хозяйственной и управленческой деятельности признали необходимость осуществления инвестиций не только в обучение высшего и среднего управленческого звена, но и рядовых иностранных служащих.

Перспективы роста прямых зарубежных капиталовложений японских фирм в ближайшие годы во многом будут зависеть от того, насколько быстро японская экономика сможет преодолеть тенденцию к снижению в развитии внутренней конъюнктуры. Огромное положительное сальдо платежного баланса Японии по текущим статьям и резкое повышение курса японской иены на мировых валютных рынках в 1993 г. (в августе 1993 г. курс иены на токийском межбанковском валютном рынке поднялся до уровня 100 иен за доллар США) выступают в качестве основных факторов, способствующих росту общего объема прямых зарубежных капиталовложений японских фирм, но спад на внутреннем рынке и вызванное этим ухудшение финансового положения большинства японских корпораций продолжают в настоящее время оказывать сдерживающее влияние на развитие тенденции к увеличению иностранного инвестирования.

1. Сэкай то нихон-но кайгай текусэцу тоси. (Прямые зарубежные инвестиции Японии в других стран). - Нихон боэки синке-кай. - Токио, 1991. - С. 517.
2. Financial Statistics of Japan. Institute of fiscal and monetary policy. - Ministry of Finance. - Tokyo, 1992. - P. 3-4.
3. Секэн хандобукку. (Справочник по ценным бумагам). - Дайва сокэн. - Токио, 1991. - С. 40.
4. Investors' Guide. Daiwa Soken. - Tokyo, 1991. - P. 42.
5. Direct overseas investment recorded in FY 1992. Foreign Press Center, Japan. - June 1993. - Tokyo, 1993. - P. 1.
6. Japan 1992: An International Comparison. Keizai Koho Center. - Tokyo, 1991.- P. 46.
7. Investors' Guide. - P. 65.
8. Financial Statistics of Japan. - P. 3-4.
9. Direct overseas invesymnt. - P. 1.
10. Financial Statistics of Japan. - P. 3-4.
11. Direct overseas investment. - P. 1.
12. Подсчитано по: Direct overseas investment. - P. 1.
13. Кайгай тоси кэнкюдзедзехо '93.1. (Доклад НИИ прямых зарубежных инвестиций). - Токио, 1993. - С. 21.
14. Там же.
15. Japan 1992: An International Comparison. - P. 2.
16. Ibid.
17. Ibid. - P. 3.
18. Ibid.

Японский опыт управления наемным персоналом за рубежом

© 1994

В.Хлынов

Японский опыт управления наемным персоналом уже в течение многих лет привлекает к себе самое пристальное внимание как теоретиков, так и практиков менеджмента других стран. В последние годы практическое использование отдельных сторон этого эффективного на японской почве опыта приобретает все более заметные масштабы и за пределами Японии. Цель настоящей статьи - рассмотреть особенности, формы и результаты этой практики на примере отдельных предприятий в США и странах Западной Европы, т.е. на почве, резко отличающейся от специфических японских условий.

Не менее важно отметить и то, что использование японских "секретов" управления трудом на иностранной почве сегодня практикуется в основном на сравнительно крупных предприятиях, наемный персонал которых, естественно, составляет местная рабочая сила. Следует также сказать и о том, что все зарубежные предприятия, практикующие японский опыт управления персоналом, в зависимости от "национальности их основного капитала" представляют собой три совершенно различные категории предприятий: чисто японские зарубежные предприятия, совместные предприятия Японии и принимающей страны, наконец, местные национальные предприятия. Это особенно важно иметь в виду, поскольку принадлежность предприятия к той или иной из вышеуказанных категорий, как мы увидим ниже, в значительной степени определяет как границы, так и результаты использования на нем японского опыта управления.

Учитывая эти замечания, обратимся к наиболее важным, на наш взгляд, конкретным моментам практической деятельности предприятий каждой из трех вышеуказанных категорий.

Японские зарубежные предприятия. К этой категории предприятий относятся создаваемые за рубежом чисто японские предприятия, весь капитал которых японского происхождения. Такие предприятия уже в течение многих лет довольно эффективно действуют в США и в странах Западной Европы. Сегодня они играют, разумеется, не решающую, но довольно заметную роль в экономике принимающих стран. Особенно заметно их влияние, как "моделей" эффективного управления производством вообще и трудом в особенности. Это

объясняется тем, что, создавая свои зарубежные предприятия и нанимая местную рабочую силу, японские компании стремятся перенести на них по возможности всю систему своего менеджмента и в первую очередь его организационные принципы или так называемый "организационный климат". Обращая особое внимание на эту важнейшую сторону деятельности японских зарубежных предприятий, проф. университета Кобэ Х.Есихара отмечает: "Способствуя развитию своего производства за рубежом, эти предприятия взяли за правило переносить японскую систему управления на свои зарубежные заводы.... Говоря о трансплантации японской системы на зарубежные японские предприятия, нельзя упускать из виду такой фактор, как перенос организационного климата. Эгалитаризм, внимание к мелочам, упор на бригадные методы работы, строгая дисциплина и так называемое "движение 5-с" - таковы основные аспекты организационного климата, который японские компании стремятся внедрить на своих зарубежных заводах".

Особенно важное значение придается внедрению и развитию "движения 5-с": 1 - *сэйри* (порядок), 2 - *сэйтон* (организованность), 3 - *сэйсо* (уборка), 4 - *сэйкэцу* (чистота) и 5 - *сицукэ* (дисциплина). Характеризуя масштабы распространения и суть этого движения, тот же Х.Есихара констатирует: "Движение 5-с получает значительное распространение на заводском уровне. И это потому, что порядок, дисциплина и чистота на рабочем месте являются основными предпосылками для производства высококачественной продукции с высокой производительностью.

Почти все без исключения японские предприятия-эмигранты пытаются внедрить и усилить движение 5-с. Они поощряют и обучают местных работников держать в чистоте территорию завода, хранить инструменты и детали в положенных местах и т.п. Одновременно с этим соблюдается строгая дисциплина на рабочем месте. В цехе запрещено курение, а также распитие кофе и других напитков. Японские предприятия за рубежом известны своей чистотой и строгой дисциплиной"².

На основе анализа различных источников и личных исследований Х.Есихара приходит к выводу, что многие элементы японской системы управления позитивно воспринимаются большинством работников японских зарубежных предприятий, т.е. местной рабочей силой, и заметно стимулируют их трудовую активность. Это особенно характерно для японских предприятий в США и Англии, что объясняется тремя основными причинами.

Первая из них сводится к тому, что японская система управления трудом создает для рядовых работников больше возможностей непосредственно участвовать в управлении предприятием. Как подчеркивает в связи с этим Х.Есихара, на американских и европейских предприятиях с работниками нередко обращаются так, будто они являются машинами, т.е. живыми роботами, которые обязаны слепо выполнять все инструкции и распоряжения контролеров и специалистов. При японской системе управления, напротив, к работникам относятся как к думающим индивидам, сознательно и творчески выполняющим свою работу. Поощряются, в частности, высказывания своего мнения и идей, которые внимательно изучаются и учитываются вышестоящими руководителями. При этом особенно важно то, что даже деловые контакты руководящего и рядового персонала, как правило, носят не формализованный субординационный характер, а принимают различные формы общения равных с равными. Наконец, не менее важно и то, что в отличие от американских и западноевропейских предприятий на японских не существует никаких спецбуфетов, спецстоловых, спецмагов, спецлифтов, спецтуалетов и других "спец". Как рядовые, так и руководящие работники пользуются одними и теми же удобствами и с этой точки зрения находятся в одинаковых условиях.

Второй, не менее важной, причиной позитивного отношения местного наемного персонала к японскому стилю управления трудом на зарубежных японских предприятиях в США и Западной Европе является приближение руководства к производству, личный пример руководителя и сотрудничество с рядовыми работниками в решении возникающих проблем. Во многих американских и европейских компаниях управляющие и инженерно-технические работники располагаются в отдельных офисах, отмечает Х.Есихара, удаленных от производственных площадей. Они лишь изредка посещают цеха и очень редко решают проблемы в сотрудничестве с рядовыми работниками. Японские же менеджеры и инженеры, напротив, привыкли решать все проблемы предприятия совместно с рядовыми работниками. На японских предприятиях ни управляющие, ни инженерно-технический состав не имеют отдельных кабинетов. Они размещаются все вместе в одном из помещений, обычно расположенном в центре главного здания предприятия. В некоторых случаях их рабочие места находятся даже прямо в цехе, откуда как на ладони видна вся его работа. Когда возникает та или иная проблема, которую не могут решить сами работники, управляющие и инженеры тут же вмешиваются и совместно с рабочими ищут выход из положения.

Наконец, третья причина, по которой японская система управления импонирует работникам зарубежных японских предприятий, заключается в том, что она весьма рациональна и отвечает производственным нуждам и потребностям, особенно при массовом производстве сложной технологической продукции. Японская система управления трудом, по мнению Х.Есихара, обеспечивая сотрудничество и взаимопонимание между работниками, способствует более эффективному коллективному труду. А это в конечном итоге ведет к повышению производительности труда и качества продукции. Она способствует тому, что каждый работник доводит до конца свою работу на вверенном ему участке производства, повышает его персональную ответственность за качественное выполнение работы. Наконец, указанная система создает благоприятные условия для постоянного улучшения самими работниками различных элементов производства, с которыми они постоянно сталкиваются на рабочем месте и потому знают намного лучше и детальней, чем вышестоящие руководители. Речь идет, в частности, об оборудовании, оснастке, инструментах, измерительных приборах, конкретных приемах работы и т.п. Другими словами, японская система управления заставляет работника ежедневно и ежечасно искать ответы на вопросы: как улучшить действующее оборудование, что сделать для повышения качества продукции и снижения ее себестоимости, как добиться дальнейшего повышения производительности труда и т.п. Постоянное накопление таких, даже самых незначительных улучшений в конечном итоге оборачивается повышением эффективности производства и качества продукции³.

Исходя из всего этого, Х.Есихара приходит к следующему общему заключению: "Японская система производства дает отличные результаты (курсив мой - В.Х.) не только в Японии, где она развивалась и совершенствовалась, но и в США, странах Европы и Азии. Перенесенная за рубеж японская система производства оказывает позитивное влияние на местные отрасли хозяйства. Крупные японские компании за рубежом часто осуществляют техническое руководство местными субподрядными предприятиями. В результате японская система управления внедряется на местных фирмах.

Конкретные примеры эффективного внедрения японской системы управления трудом на японских зарубежных предприятиях приводит проф.Йоркского университета (г.Торонто) Чарльз Макмиллан. Так, предприятие японской компании "Киото сирэмик" в США, несмотря на сложности с

оборудованием и квалификацией местной рабочей силы, в результате внедрения у себя японской системы управления достигло такой же высокой производительности, как и на аналогичных предприятиях в самой Японии. Всемирноизвестная японская компания по производству застежек "молния" "Есида кабусики коге" (УКК), создавшая свое предприятие во Франции, на основе стандартизации продукции и внедрения японских методов управления сократила время выполнения заказов с 8-10 дней до 24 часов. Компания "Мицубиси" на базе купленных в Австралии автомобилестроительных заводов "Крайслер Острэлиа" создала свое зарубежное предприятие "Мицубиси Острэлиа". Менее чем за 3 года, перенеся сюда японские методы управления, она сократила время на производство одного автомобиля почти в 3 раза. При этом число занятых работников сократилось с 6,7 тыс. до 4 тыс. человек, а производительность труда выросла на 80%⁴.

Практика применения японской системы управления трудом на японских предприятиях в США и Западной Европе, как можно видеть, несет целый ряд положительных моментов как для самих этих предприятий, так и для экономики принимающих стран. При этом система не отторгается, а напротив, позитивно воспринимается местной рабочей силой. Однако было бы наивно полагать, что ее применение в указанных странах не сталкивается с трудностями. Специальные опросы и обследования говорят, что отдельные элементы этой системы вызывают неприятие со стороны местного наемного персонала. Так, проведенные профессором К.Хаяси опросы американских менеджеров, работающих на японских предприятиях в США, показали, что многие выразили недовольство тем, что важные решения принимаются только японцами, продвижение по служебной лестнице для работников неамериканской национальности ограничено. Недовольство местных работников вызывает бесчисленные совещания, в которых участвуют не имеющие непосредственного отношения к делу лица, часто местные работники этих компаний не могут понять и не могут добиться разъяснения логики применяемых японскими менеджерами методов управления⁵.

Примерно те же "негативные стороны" японского стиля управления отмечает и французский исследователь этой проблемы Д.Тарк, работавший на японском предприятии компании "Сони" во Франции. В переведенной на японский язык книге он, в частности, пишет: "Я часто слышал критику в том смысле, что японцы чинят всевозможные препятствия, что отношения с ними (местного персонала - В.Х.) плохие, что они обладают исключительной информацией лишь для себя, не делегируют ответственности подчиненным, образуют закрытую группу и т.п. Между японскими предприятиями-эмигрантами и обслуживающим их местным штатом работников существуют значительные различия в статусе. Эти различия аналогичны тем, которые можно видеть в японских компаниях между постоянными и временными работниками. Между этими двумя категориями не существует ничего общего"⁶.

Наконец, весьма показательное в этом отношении всестороннее обследование 505 японских компаний в США, проведенное в 1989 г. Японской ассоциацией по развитию внешней торговли (Джетро). Оно показало, что 71% из них испытывают трудности в области управления трудом и персоналом, 48% ощущают различия в привычках, обычаях и образе мышления, 46% жалуются на языковой барьер, 35% недовольны контролем за качеством продукции, 31% недовольны уровнем обучения персонала и 20% не могут обеспечить высокого качества труда⁷.

Японские зарубежные предприятия активно ищут и, как правило, находят наиболее приемлемые для обеих сторон пути максимально возможного приспособления японской системы управления трудом к конкретным условиям

принимающих стран, ликвидации "негативных сторон" внедрения японского менеджмента за рубежом.

Общий вывод здесь сводится к следующему. Совершенно очевидно, что японские зарубежные предприятия, с точки зрения опыта использования японских форм и методов управления трудом, в сравнении с другими вышеобозначенными категориями находятся в более благоприятном положении, поскольку, хотя они и действуют за рубежом, продолжают оставаться японскими предприятиями и возглавляться японскими менеджерами, лучше, чем кто бы то ни было, посвященными в тонкости этого опыта. Несмотря на имеющиеся негативные моменты и трудности, с которыми сталкиваются японские зарубежные предприятия, внедряя у себя японскую систему управления трудом, такая практика не отторгается ни принимающими странами, в целом, ни местным персоналом в частности. Это связано с тем, что она оказывает заметное позитивное воздействие не только на сами эти предприятия, но и на экономику тех стран, где они функционируют. Иначе говоря, в этом заинтересованы и от этого выигрывают обе стороны.

Совместные предприятия. К предприятиям этой категории, как уже отмечалось выше, относятся предприятия японского и местного капитала, т.е. капитала принимающей страны. Практически все они в той или иной мере практикуют или пытаются практиковать различные формы и методы японской системы управления персоналом. При этом наряду с позитивными результатами использования отдельных элементов этой системы они так же, как и чисто японские зарубежные предприятия, сталкиваются здесь с рядом проблем. Обратимся к некоторым конкретным примерам и результатам их деятельности.

Одним из наиболее ярких примеров успешного использования японского стиля управления трудом является его внедрение на совместном японо-американском предприятии по производству легковых автомобилей "Нью Юнайтед Мотор Мэньюфэкчуринг Инк." ("НЮММИ"), созданном компаниями "Тоета" и "Дженерал моторз". Оно функционирует на базе одного из заводов, полностью принадлежавших ранее "Дженерал моторз". При этом как производственные площадки и оборудование, так и рабочая сила не претерпели здесь каких-либо серьезных изменений. И тем не менее производительность труда на этом предприятии уже вскоре после его создания в 2 раза превысила ее средний уровень на всех других заводах компании "Дженерал моторз". Это совместное "японо-американское чудо" было достигнуто в результате внедрения на "НЮММИ" ряда элементов японской системы управления трудом и прежде всего контроля за процессом производства и качеством продукции⁸. В последние годы широкое применение получили здесь и такие элементы японского стиля управления трудом, как группы совершенствования производства, гибкое комплектование бригад и выборность бригадиров, постоянный контроль над производственным процессом со стороны самих работников, выполнение ими нестандартных смежных операций, отсутствие жесткого разграничения функциональных обязанностей рядовых работников и т.п.

Наконец, весьма показательно и то, что с целью расширения обмена информацией между рядовым персоналом и менеджерами последние, включая как японских, так и американских, значительную часть своего рабочего времени находят не в конторах, а непосредственно в цехах, т.е. там, где решается судьба производства.

Примеры успешного внедрения отдельных элементов японской системы управления персоналом характерны для совместных предприятий не только в США, но и в странах Европы. Об этом свидетельствуют результаты различных обследований, проводимых как японскими, так и иностранными специалистами в области менеджмента. Ссылаясь на эти обследования, а также на результаты

своих собственных опросов, упоминавший уже проф. Х.Есихара констатирует следующее: "Со своей стороны автор не знает каких-либо негативных результатов исследований, которые говорили бы, например, о том, что японская система производства хуже местной; или что какая-либо компания снова вернулась к использованию своей прежней системы; или что в результате применения японской системы управления упала производительность труда или повысился уровень брака"⁹.

С этим утверждением Х.Есихара в целом нельзя не согласиться. Однако вопрос не в том, хороша или плоха сама по себе японская система управления трудом, а в том, в какой степени она может быть использована на другой, отличной от японской, национальной почве. Факты же говорят о том, что внедренные системы нередко сталкиваются с серьезными трудностями, которые препятствуют как самому внедрению, так и нормальному ее функционированию. Более того, известны даже случаи, когда именно эти трудности приводили к ликвидации совместных предприятий. Одним из примеров такого исхода дела может служить судьба совместной британо-японской компании "Рэнк-Тосиба" по производству цветных телевизоров. Созданная в конце 70-х годов британской компанией "Бритенс Рэнк радио интернейшнл" и японской компанией "Токио сибатура дэнки", она через несколько лет прекратила свое существование. Японская сторона деликатно объяснила это высоким курсом фунта стерлингов, что якобы затрудняло экспорт готовой продукции в другие страны Европейского Сообщества. Однако, проф. японского университета "Тью" М.Икэда, специально изучавший этот вопрос, считает, что главная причина заключалась в том, что, обладая всего 30% акций этого совместного предприятия, "Тосиба" не смогла ввести там свою систему управления трудом с целью значительно повысить производительность. В связи с этим показательно, что на указанном совместном предприятии работало 2900 человек, которые производили 250 тыс. телевизоров в год. Буквально через 2 месяца после того, как "Тосиба", отделившись от "Рэнк", создала свое собственное зарубежное предприятие и внедрила на нем японскую систему управления трудом, всего 300 работников стали производить 100 тыс. телевизоров в год¹⁰.

Насколько же серьезно сопротивление внедрению на совместных зарубежных предприятиях японских методов управления трудом со стороны местного наемного персонала? Дать какой-либо однозначный ответ на этот вопрос практически невозможно. Все зависит от конкретных условий и особенностей функционирования того или иного предприятия. Однако обследования и опросы говорят о том, что вне зависимости от принимающей страны такое "невосприятие", как правило, концентрируется вокруг типично японских методов управления, которые местным работникам трудно освоить и даже понять ввиду исторических и культурных различий в развитии Японии и принимающих стран. Весьма показательны в связи с этим выводы президента известной международной консультативной организации "Тек-Транс" в Калифорнии, профессора Фариды Елашмави, который специально изучал эту проблему на совместных японо-американских предприятиях в США. Он пришел, в частности, к выводу, что на многих таких предприятиях между местным персоналом и японскими менеджерами можно видеть "столкновения на культурной почве". К числу наиболее распространенных из них он относит "языковой барьер и непривычные для местных работников формы неформального общения, сложный процесс принятия решений, неясную систему обмена информацией, множество заседаний и необычные методы подготовки персонала, наконец, непривычные методы мотивации труда". По мнению Ф.Елашмави, все эти элементы японского стиля управления трудом вызывают неприятие со стороны местного персонала не только потому, что носят

непривычный для них характер, но и потому, что в большинстве случаев содержат в себе элементы дискриминации местных работников". С аналогичными трудностями внедрения японских методов управления трудом сталкиваются и многие совместные предприятия в странах Европы.

Таким образом, практика внедрения японского опыта управления трудом на совместных предприятиях так же, как и на чисто японских предприятиях за рубежом, характеризуется как положительными, так и отрицательными моментами. Однако, с точки зрения возможности преодоления последних, совместные предприятия находятся в более благоприятном положении, чем чисто японские зарубежные компании. Это обусловлено тем, что на совместных предприятиях удачно сочетаются два чрезвычайно важных взаимодополняющих фактора: активная деятельность японских менеджеров, которые лучше, чем кто бы то ни было, разбираются в тонкостях японского стиля управления трудом, с одной стороны, и не менее активная деятельность местных управляющих, прекрасно знающих как специфику национального производства, так и особенности местной рабочей силы. Умелое сочетание их служебных функций и совместной управленческой деятельности, как равных и взаимозаинтересованных друг в друге руководителей предприятия, в конечном итоге способно преодолеть любые, даже самые серьезные трудности на пути внедрения наиболее приемлемых и эффективных для данного предприятия японских форм и методов управления трудом.

Местные национальные предприятия. Все более заметный интерес к практическому использованию японского опыта управления трудом проявляют и чисто национальные предприятия в США и странах Западной Европы. Так же как и предприятия двух вышерассмотренных категорий, они пытаются внедрить у себя наиболее приемлемые формы и методы японского стиля управления. При этом, как и в первых двух случаях, практика переноса японского менеджмента на такие предприятия характеризуется как позитивными, так и негативными моментами.

О возможности успешного переноса японских "секретов" управления трудом на иностранную почву красноречиво свидетельствуют, в частности, результаты уникального всеобъемлющего обследования ряда американских компаний, проведенного в середине 80-х годов Японским центром производительности при поддержке Национального института прогнозных исследований (НИРА). Обследование осуществлялось путем непосредственного опроса рядовых работников, представителей администрации и профсоюзов этих предприятий. Остановимся на результатах обследования двух из них, где японские методы управления персоналом были внедрены достаточно успешно.

Автомобилестроительная компания "А". Число занятых - 8600 человек, из которых 90% - члены профсоюза. В последние годы после внедрения японских методов управления персоналом отношения между работниками и администрацией здесь заметно улучшились. Взаимное недоверие между ними, характерное для других американских автомобилестроительных заводов, постепенно ослабло. Окрепло стремление совместными усилиями повысить эффективность производства и улучшить качество продукции.

В начале 80-х годов с целью изучения на месте японского опыта в Японию была направлена специальная исследовательская группа, состоявшая из рядовых работников и представителей администрации. Она посетила ряд японских автомобилестроительных предприятий и представила доклад со следующими рекомендациями. 1. Учитывая позитивное влияние на производство характера отношений между администрацией и работниками японских предприятий, попытаться внедрить этот японский феномен в своей компании. 2. Уделить больше внимания воспитанию и обучению персонала. 3. Внедрить в

производство систему "канбан" (все точно и вовремя). 4. Создать более благоприятные условия для обучения работников и их продвижения по должностной лестнице. 5. При оценке целей и характера производства исходить из долгосрочной перспективы деятельности компании. 6. Пересмотреть устаревшие американские принципы в подходе ко всем этим вопросам.

Таким образом, речь шла о внедрении в компании важнейших японских форм и методов управления трудом. Выполнение этих решений вскоре дало свои позитивные результаты. Введение японской системы "канбан", например, привело к пятикратному сокращению складских запасов необходимых деталей. Во многих случаях они стали направляться прямо на сборочную линию. Довольно быстро выросло также число "кружков контроля за качеством" продукции. В связи с этим была поставлена цель довести число их участников на добровольной основе до трети всех работников компании. При этом администрация подошла к деятельности этих кружков не механически, а творчески. В отличие от японской практики в их компетенцию были включены не только вопросы повышения качества продукции и производительности, но и условия работы, включая гуманизацию труда и другие важные моменты. С целью повысить заинтересованность работников в этой форме стимулирования их трудовой активности было организовано также специальное движение, получившее название "действие-качество-результат". Результаты контроля за качеством продукции ежедневно сообщаются всем работникам. На этой же основе было создано специальное Общество изучения показателей эффективности производства. Наряду с этим на одном из заводов компании стало практиковаться довольно своеобразное движение, получившее название "Поговори с боссом" и напоминающее собой японский метод "откровенных бесед в цехах". В результате этого движения налажена постоянная двусторонняя связь между рядовым персоналом и администрацией. С помощью специально оборудованных телефонов любой работник в любое время может высказать вышестоящему руководителю свои соображения по всем вопросам деятельности предприятия. При желании он может получить ответ на свое предложение в течение 72 часов с момента его поступления.

Далее, в компании стала применяться и такая японская форма управления, как проведение различных собраний, совещаний и "круглых столов" рядовых работников с участием самых высоких руководителей компании, вплоть до президента, на которых обсуждаются различные вопросы производства. Довольно заметное распространение получила здесь и несколько модифицированная японская "система предложений" (тэйансэйдо) - так называемая "Программа предложений со стороны работников". Она осуществляется под лозунгом "Улучшить работу может лишь тот, кто непосредственно осуществляет эту работу". При этом в отличие от японской "системы предложений" предусматриваются несравнимо более значительные единовременные вознаграждения за ценные рационализаторские предложения. Наконец, весьма широкое распространение на предприятиях компании получило так называемое "движение за партнерство во имя прогресса", напоминающее собой японскую систему "человеческих отношений в промышленности". Все это вместе взятое, как отмечается в исследовании, не только заметно улучшило производственные и сбытовые показатели компании, но и значительно повысило общую трудовую мораль работников¹².

Металлургическая и металлообрабатывающая компания "N". Число занятых - 3700 человек. Профсоюза нет. В своей практической деятельности руководство компании придерживается двух основных принципов, которые характерны для традиционного японского менеджмента: 1. единство интересов

компании и занятых на ней работников, 2. необходимость гарантированной занятости.

Компания за 14 лет своего существования не уволила ни одного работника, что выгодно отличает ее от всех других американских компаний аналогичного профиля. Наряду с этим практикуются и другие, сходные с японскими, формы и методы управления трудом. Большое значение придается, в частности, участию рядового персонала в управлении компанией. За исключением вопросов общего финансирования, решение всех остальных проблем, включая планирование, технологию производства, управление текущими делами и т.п., передано в компетенцию каждого из линейных подразделений. В результате в главной конторе компании занято всего 15 работников. В отличие от других американских предприятий здесь не существует никаких "ранговых" различий в социальном положении персонала. В сфере страхования, отпусков, выходных дней и т.п. все находится в равных условиях, включая и президента компании. Руководство не имеет ни специальных комнат для отдыха, ни специальных автомашин. Все проблемы, включая и распределение прибылей, решаются совместно на основе взаимного доверия и согласия управляющих и рядового персонала компании. Иными словами, управление персоналом носит открытые и понятные каждому работнику формы.

Особое внимание уделяется стимулированию бригадно-групповой активности коллектива. С этой целью в компании, как и на крупных японских предприятиях, действует ряд стимулирующих систем оплаты труда. Наиболее эффективной из них является сходная с японскими формами оплаты рабочей силы по результатам труда так называемая "оплата, стимулирующая производство". По этой системе оплачивается подавляющее большинство работников компании. Суть ее в следующем. При необходимости создаются специальные группы-бригады из 25-30 человек, для которых заранее определяется точный объем работы, сроки ее выполнения и ее оплата. За перевыполнение задания выплачивается общая премия, которая делится между членами бригады. Стимулированию групповой активности персонала способствует и существующая в компании "система распределения прибылей", которая близка по своей сути к существующей на крупных предприятиях Японии "системе выходных пособий". Согласно этой системе, четвертая часть положенной работнику прибыли компании ежегодно выдается ему наличными, а остальная сумма кладется на его имя в банк и он получает ее при выходе на пенсию. Все это, согласно результатам обследования, повышает заинтересованность работников в процветании компании, усиливает их трудовую мораль и желание работать как можно лучше¹³.

Таковы положительные примеры переноса японского менеджмента чисто национальными компаниями на свои предприятия. Однако указанные компании, сумевшие столь успешно внедрить на своих предприятиях сразу достаточно широкий спектр элементов японского стиля управления, являются редким исключением. Как правило, это удается лишь незначительному числу предприятий. Следует отметить тот факт, что многие японские специалисты в области менеджмента, не отрицая возможности переноса отдельных элементов японской системы управления трудом в другие страны, вместе с тем подчеркивают ограниченный характер такой возможности, особенно для чисто национальных предприятий. Так, например, один из авторитетных японских экономистов, профессор университета "Хитоцубаси" К.Имаи полагает, что перенести за рубеж практически можно лишь не более одной пятой части приемов японского менеджмента. Он считает, что "поскольку каждое предприятие за рубежом органически включено в социально-экономическую

систему страны-реципиента, возникает необходимость, не навязывая японский образ действий, находить оптимальное сочетание японских и местных элементов управления"¹⁴. Аналогичной точки зрения придерживается и профессор университета Гакусюин (г.Токио) Т.Коно. Говоря о различных аспектах японской системы управления кадрами, он, в частности, подчеркивает: "...В значительной степени они могут быть перенесены в другие страны... Однако любую систему, черты которой порождены существенными особенностями культуры (курсив мой - В.Х.), перенести в другие страны невозможно"¹⁵. К числу непереносимых элементов японской системы управления трудом он относит, в частности, "пожизненный найм", чрезмерные сверхурочные, гибкое определение служебных обязанностей, систему зарплаты по старшинству и систему продвижения по служебной лестнице"¹⁶.

* * *

Такова общая, но далеко не полная картина практики использования японских "секретов" управления трудом в США и странах Западной Европы. Всего труднее она внедряется на чисто японских зарубежных предприятиях, возглавляемых японскими менеджерами. Основным камнем преткновения является здесь трудность налаживания необходимого взаимопонимания между японским управляющим персоналом и местной рабочей силой. Более гладко японская система управления трудом осуществляется на совместных предприятиях Японии и принимающей страны, где в руководство входят как японские, так и местные управляющие, которые взаимодополняют друг друга и сообща преодолевают возникающие трудности. Наконец, что касается местных национальных предприятий, то им присущи как сильные, так и слабые стороны с точки зрения возможности внедрения японской практики управления трудом. Их сильной стороной является то, что они свободны в своем выборе и могут сами решить, какой из японских методов управления трудом лучше всего внедрить на своем предприятии. Слабая же сторона проявляется в отсутствии у них важного "мотора" в лице опытных японских менеджеров.

Наконец, автор считает необходимым высказать свое личное мнение по принципиально важному вопросу: а существуют ли вообще "японские секреты" управления трудом и насколько они действительно "японские"? Это особенно важно сделать потому, что некоторые японские и зарубежные специалисты отрицают как специфику японского менеджмента вообще, так и управления трудом в особенности. Более того, они считают, что многие элементы того и другого вовсе не являются японскими, а скопированы с американских образцов. К числу таких элементов они относят, например, организационную структуру японских компаний, где каждое подразделение производит отдельную законченную продукцию; методы планирования производства; контроль за качеством продукции; технику маркетинга и другие.

Однако с этим трудно согласиться. Ясно, что, развиваясь не в безвоздушном пространстве, а в тесно взаимосвязанном мире, Япония, как одна из ведущих экономических держав мира, не только оказывает на него заметное воздействие, но и сама подвергается такому же воздействию извне. Более того, она активно заимствует опыт других высокоразвитых стран, в том числе и в области менеджмента. Тем не менее очевидно и то, что "копирование" японцами любого иностранного опыта весьма искусно и неординарно и ведет к его "японизации", переходу в чисто японскую специфическую практику применения этого опыта на своей национальной почве.

Отмечая эту особенность развития японского менеджмента, профессор Токийского университета С.Хаяси пишет: "Пристальное изучение перенесенных (в Японию - В.Х.) иностранных моделей, начиная от системы политических

партий и кончая капитализмом с его акционерным стержнем, говорит о том, что японские варианты являются псевдокопией этих моделей. ...Американская система линия-штаб, например, была изменена: штаб лишен своей силы, а его функции переданы линейным подразделениям, т. е. и здесь мы опять видим групповой принцип организации. Далее, хотя японцы изучили американскую стратегию менеджмента, включая систему принятия решений, и усвоили эту терминологию, степень, в которой эти концепции используются в их оригинальной (американской - В.Х.) форме, проблематична. Форма была оставлена, но сущность изменена. Для того чтобы придать этой сущности позитивный характер, заимствованные прототипы были искусно модифицированы применительно к местным реалиям"¹⁷. Автор целиком и полностью согласен с этой точкой зрения. Другими словами, "японские секреты" остаются все-таки японскими.

1. Hideki Yoshihara. The Bright and Dark Sides of Japanese Management Overseas // Japanese and European Management. - Tokyo, 1989. - P. 18-19.
2. Ybid.
3. Ybid. - P. 20-21.
4. Макмиллан.Ч. Японская промышленная система. (Пер. с англ.). - М: Прогресс, 1988. - С. 324.
5. Хидэки Есихара, Китиро Хаяси, Кэнити, Ясумуро. "Нихон киге-но Global кэйэй" (Глобальный менеджмент японских предприятий). - Токио: Тоскэй-дзай симпося, 1988. - С. 23-24.
6. Доминик Тарк. Аймаи-но кодзо (Структура двусмысленности). Пер. с франц. Акира Хаяма: - Токио: Майнити симбунся, 1987. - С. 171, 186.
7. Japan Economic Almanac 1991. - Nihon Keeizai Shimbun Inc. - Tokyo, 1991. - P. 68.
8. Business Week. - 1987. - 27 apr. - P. 53.
9. Hideki Yoishihara. The Bright and the Dark Sides of Japanese Managemrnts Overseas // Japanese and European Management. - 1989. - P. 19.
10. Ykeda Masayoshi. Japanese Style Management in Britain. - Japan Echo. - 1982. V. IX, N 1 - P. 115-116.
11. Farid Elashmawi. Japanese Culture Clash in multicultural Management // Tokyo Business Today. - February, 1990. - P. 36-39.
12. Сэнсин кунни бе то родо ронри-но хэнче-ни кансуру теса кэнкю (Изучение и обследование изменений болезни и трудовой этики развитых стран // Нихон сэйсансэй хомбу. - Токио, 1985. - С. 210-214.
13. Там же. С. 214-218.
14. Кэнъити Имаи. Нужна теория новой хозяйственной системы // МЭиМО. - М., 1989. - N 12. - С. 102.
15. Тохиро Коно. Стратегия и структура японских предприятий. Пер. с англ. - М: Прогресс. - 1987. - С. 222.
16. Там же. - С. 222-223.
17. Shuji Hayashi. Culture and Management in Japan. - Tokyo: University of Tokyo Press. - Tokyo, 1988. - P. 105.

История и современность

Прошло уже четверть века с того времени, когда на советско-китайской границе на реке Уссури в районе острова Даманский разгорелся серьезный вооруженный конфликт, унесший человеческие жизни и еще более обостривший отношения между двумя странами

Об этих событиях в нашей исторической литературе написано немало. Их оценка до начала 90-х годов оставалась неизменной. Сейчас, когда архивы стали приоткрывать свои тайны, появилась возможность восстановления более или менее полной и правдивой картины событий.

Предлагаемые Вашему вниманию два материала на эту тему, на наш взгляд, способствуют выполнению этой задачи.

Трагедия на Уссури

© 1994

В.Усов

"Раздувание китайской угрозы - это один из элементов политической игры советского руководства. Переоценка китайской угрозы - плохая услуга делу демократии и демократизации нашей страны, в которых она так нуждается и нуждается весь мир..." - писал академик А. Д. Сахаров 3 апреля 1974 г.

События на острове Даманский, которые произошли 25 лет назад, показатель уровня китайской угрозы для СССР в то время, и их анализ может нам помочь ответить на вопрос: было ли это раздуванием китайской угрозы либо действительно мир находился на грани новой крупномасштабной войны. Следует напомнить, что стоимость создания структуры военного противостояния с китайцами обошлась СССР по различным оценкам в сумму от 200 до 300 млрд. руб.¹ Итак обратимся к истории, тем более, что в последние годы в КНР появилась новая литература, освещающая события на Даманском даже в документально-художественном ключе².

"Преднамеренно спровоцированный инцидент"?

Уже на следующий день после событий 3 марта 1969 г. "Жэньминь жибао" и "Цзефанцзюнь бао" в совместной передовой статье "Долой новых царей" заявили, что события на Даманском были "преднамеренно спровоцированным инцидентом" советских ревизионистов.³ Давайте попробуем разобраться, кто же на самом деле "преднамеренно спровоцировал" этот инцидент.

Советская версия

Вот информация переданная по горячим следам корреспондентами "Красной звезды" в марте 1969 г. с места событий:

"Утром 2 марта начальник пограничной заставы старший лейтенант И.Стрельников принял доклад поста наблюдения: "Из района китайского пограничного поста Гунсы к южной оконечности советского острова Даманский выдвигается группа вооруженных людей". Зная по опыту, что от китайских провокаторов можно ожидать любых враждебных вылазок, Стрельников немедленно поднял заставу в ружье. С группой пограничников старший лейтенант прибыл к месту нарушения государственной границы. С небольшой группой войнов, оружие которых находилось на груди, начальник заставы приблизился к нарушителям. Провокаторы двумя группами - одна численностью 18, другая - 12 человек остановились разомкнутыми шеренгами. Стрельников громко произнес: "Вы нарушили государственную границу Советского Союза. Требую немедленно удалиться...", Свой гневный протест офицер не договорил. Первая шеренга нарушителей, несомненно заранее отретпировавших свои действия, мгновенно расступилась, и стоявшие позади них провокаторы в упор открыли огонь по нашим пограничникам. С китайского берега ударила артиллерия и минометы. Как потом выяснилось, китайские провокаторы давно готовились к бандитскому налету. Кроме вооруженного отряда, засланного на остров, они в снегу и на флангах расположили крупные подразделения общей численностью около 300 человек. Заранее были оборудованы и тщательно замаскированы позиции для минометов, противотанковых пушек, поставленных на прямую наводку".

Из телеграммы - донесения Иманского погранотряда в штаб Краснознаменного Тихоокеанского пограничного округа:

"Рано утром 2 марта 1969 г. китайские власти организовали на нашей границе крупную вооруженную провокацию, в которой с их стороны участвовало до 300 военнослужащих. Они напали на группу наших пограничников, выполнявших боевую задачу по охране советских рубежей. Маозэдунловцы внезапно обрушили на них огонь крупнокалиберных пулеметов, гранатометов, минометов, противотанковых пушек. ...Несмотря на внезапность нападения, никто из пограничников не дрогнул, не испугался опасности в боевой обстановке. Геройски вел себя начальник заставы старший лейтенант И.Стрельников. Он сражался до последнего дыхания... Мужественно действовал начальник заставы старший лейтенант В.Бубенин. На своем бронетранспортере он проник в тыл маоистов, находившихся на острове Даманском, и вступил в вооруженную схватку. Офицер оказался в зоне перекрестного огня, его бронетранспортер был выведен из строя. Тогда Бубенин пересел на другую машину и, несмотря на ранение, продолжал руководить действиями

пограничников. Высокие командные качества проявил комсомолец младший сержант Ю.Бабанский. Когда погиб офицер Стрельников, он взял на себя командование группой пограничников, смело повел их в атаку на маоцзедуновцев..."⁴.

А вот как события на Даманском излагали в своей книге "Советско-китайские отношения. 1945-1977", являвшейся одним из официозов советско-китайских отношений, выдержавшей несколько изданий, сотрудники аппарата ЦК КПСС О.Борисов и Б.Колосков:

"В ночь на 2 марта специально подготовленное подразделение китайской армии численностью около 300 человек, нарушив советскую границу, вышло на остров Даманский. Утром 2 марта к нему присоединился еще один отряд в составе 30 вооруженных солдат. На китайском берегу заблаговременно были сосредоточены резервы и огневые средства, в том числе батарея противотанковых орудий, минометы, гранатометы и крупнокалиберные пулеметы. Когда советские пограничники подошли к нарушителям границы с намерением заявить, как это делалось неоднократно раньше, протест и потребовать удалиться с советской территории, нарушители вероломно, без всякого предупреждения открыли огонь и буквально в упор расстреляли советских бойцов. Одновременно из засады на острове и с китайского берега был открыт огонь по другой группе советских пограничников. Приняв боевой порядок, советские пограничники вместе с подошедшим резервом с соседней погранзаставы, проявляя смелость, мужество и отвагу, отразили внезапное нападение и изгнали нарушителей с советской территории. Предпринятая КНР вооруженная провокация у острова Даманский была заранее и тщательно подготовлена. При осмотре советской территории на месте были обнаружены брошенное при бегстве китайское стрелковое оружие и военное снаряжение, телефоны полевого типа, линии проводной связи, идущие на территорию КНР, стабилизаторы мин, осколки снарядов и гранат и т.п. В результате бандитского налета, организованного китайскими властями, погиб 31 советский пограничник, 14 человек получили ранения"⁵.

Такова советская версия и факты, которые широко публиковались в СССР. Из них вытекает, что китайская сторона заранее преднамеренно планировала вооруженный инцидент в районе о.Даманский, а также становится ясным, что для советских спецслужб было совершенно неожиданной вооруженная провокация на границе и они к ней не были готовы. Спрашивается, почему? Кто виноват, что погибли советские воины? Разведка разного уровня и КГБ просмотрели подготовку этой провокации. МИД СССР не мог или не хотел с помощью мирных переговоров разрешить этот конфликт. Но ведь было ясно, что напряженность на советско-китайской границе нарастает с каждым днем, с каждым часом. Уже в 1967 г. по советским данным резко увеличилось число инцидентов на границе, оно возросло вдвое против 1966 г. и достигло 2 тыс. Крупные провокации с применением холодного оружия были организованы китайской стороной в декабре 1967 г. и январе 1968 г. на острове Киркинском на Уссури. 26 января 1968 г. такая же провокация была повторена на о. Даманском. По китайским официальным данным, с 15 октября 1964 г. по 15 марта 1969 г. количество пограничных конфликтов достигло цифры 4189⁶. Предположение советских хорошо информированных авторов о преднамеренно готовившейся вооруженной провокации сегодня подтверждается материалами противоположной стороны. Причем в них говорится, что это заранее спланированная акция детально готовилась и была одобрена высшим руководством - от ЦК КПК до Генерального штаба НОАК.

Урок "старшему брату"- операция "возмездие"

Вот подтверждающие материалы из книги двух китайских авторов Ли Кэ и Хао Шэнчжана "Народно-освободительная армия в "великой культурной революции".

В начале 1969 г. обстановка в районе Даманского быстро обострялась, писали они. 25 января Хэйлунцзянский провинциальный военный округ предложил вариант боя по отражению захвата о.Даманский. "Проект" представлял из себя план боевых действий с применением примерно 3 боевых рот, подтянутых в район Даманского, и части вооруженных сил, скрытно расположенных на острове. Если советская сторона с помощью силы попытается захватить остров, китайские патрульные части будут выполнять задачу, а скрытно расположенные подразделения по ситуации окажут соответствующую помощь. Для этого в окрестностях о.Даманский в районе наблюдательного поста Гунсы был образован командный пункт из пяти человек во главе с начальником штаба военного подокруга Хэцзян Ван Цзыляном, однако главным ответственным за операции на Даманском был назначен заместитель командующего по оперативному управлению военного округа Сяо Цюаньфу, который окончил Нанкинскую военную академию, где преподавали советские специалисты⁷. Шэньянский военный округ (командующим которого с 1959 г. был Чэнь Силян, до этого командующий артиллерийскими войсками, участник войны в Корее, бывший в СССР в 1957 г. в составе военной делегации, с мая 1968 г. председатель Ляонинского "ревкома." - В.У.) одобрил "проект" Хэйлунцзянского провинциального военного округа (в Шэньянском военный округ входят три провинциальных округа: Ляонинский, Цилинский и Хэйлунцзянский, последним командовал Хэ Юцзы. - В.У.), однако в Шэньяне считали, что учитывая суровую зиму в районе о. Даманский, не следует скрытно располагать войска на острове. Командование округа потребовало, чтобы руководство подокруга Хэцзян лично организовало эту операцию. 19 февраля 1969 г. Генеральный штаб и МИД КНР одобрили "проект" Хэйлунцзянского военного округа. Генштаб в ответной телеграмме Шэньянскому военному округу и всенному подокругу Хэцзян вновь подтвердил, что при осуществлении операции необходимо строго соблюдать принципы борьбы "острием против острия", выжидать пока противник раскроет свои силы, не показывать свои слабости, не проявлять активности, чтобы не навлечь на себя неприятности. В конкретных боевых действиях необходимо выбрать решающий момент, проведя предварительную подготовку, осуществить молниеносный исход борьбы. ЦК КПК согласился с мнением избрать район Даманского в качестве центрального пункта по реализации плана "возмездие". Генштаб потребовал, чтобы пограничным отрядам, располагающимся в районе о.Даманский, было придано не менее одного усиленного взвода, преобразованного в 2-3 патрульные группы, которые будут вести постоянное, а не периодическое патрулирование района острова. Все действия должны были строго контролироваться с китайской стороны от фарватера реки.

Подразделения, скрытно сконцентрированные в подходящем месте за пределами острова, должны были внимательно наблюдать за обстановкой и в нужный момент они, транспортируемые автомашинами в место происшествия, должны были активно поддержать свои части. Им рекомендовалось серьезно улучшить связь и сохранять секретность. 23 февраля 1969 г. Шэньянский военный округ доложил Генеральному штабу некоторые конкретные вопросы планируемой боевой операции по захвату о. Даманский. Генеральный штаб предлагал, что если советские солдаты будут использовать холодное оружие (к примеру, деревянные палки) либо использовать военные машины для атак, то

китайской стороне "решительно дать отпор", применять палки против советских солдат, подрывать их боевые машины (используя взрывпакеты). Однако не разрешалось открывать огонь из стрелкового оружия (интересно, кто же тогда нарушил указание Генерального штаба? - В.У.) Предлагалось, если советские солдаты откроют по китайской стороне огонь из стрелкового оружия, сделать предупредительные выстрелы и если предупреждение не окажет эффекта, то китайской стороне необходимо дать "решительный отпор в целях самозащиты".

В указаниях Шэньянского военного округа говорилось, что необходимо скрытно любыми способами зафиксировать доказательства того, что противоположная сторона вела стрельбу, а если советские солдаты углубятся на территорию Китая, предусматривалась возможность захватить несколько человек, отобрав у них оружие. В случае, если появится советский вертолет, было рекомендовано не открывать по нему стрельбу. (Это понятно, так как по данным автора этой статьи в то время на границе у китайской стороны вертолетов не было. - В.У.) По китайским данным, в бою на о. Даманском, который длился около часа, с советской стороны было ранено 22 пограничника, убито 36 человек (по нашей версии - 14 и 31), уничтожена одна бронемашина, один грузовик и одна машина управления, подбит один БТР. С китайской стороны потери составляли: 17 убитых солдат, 11 - тяжело, а 24 человека легко раненых, бесследно исчез один связист⁴.

Генри Киссинджер в своих мемуарах "Годы в Белом доме" дает несколько иные цифры: убито 23 и ранено 14 советских пограничника.

Определение о. Даманский как "нашего" острова шло от разного толкования границы в данном районе. Вот мнение советника посланника Посольства СССР в КНР в 1969 г. А.И.Елизаветина, который в своих воспоминаниях отмечал, что в соответствии с нормами международного права граница на судоходных реках проводится по середине их главного фарватера, и китайское население издавна осуществляло по нему хозяйственную деятельность. Советская сторона обосновала свои права на остров тем, что на карте границы, приложенной по договору 1861 г., красная пограничная линия проходит по китайскому берегу. Река на этой карте обозначена тонкой голубой линией и поэтому очень трудно было рейсфедером провести линию точно по ее середине по этой причине на некоторых участках граница обозначена как проходящая по берегу реки.

Как писал впоследствии глава китайской делегации на советско-китайских переговорах Чай Чэнвэнь, "о.Даманский не только находится на китайской стороне от главного фарватера, но и соединяется с нашим берегом в период, когда река мелеет"⁵. Здесь видимо Чай Чэнвэнь ближе к истине, чем корреспондент г."Известия" Ю.Савенков, который писал 23 марта 1992 года, что "Даманский после обмеления Уссури соединился с китайским берегом". Итак, советская сторона считала, что в районе о. Даманский граница идет по китайскому берегу р.Уссури. В частности, это наглядно прослеживается и в секретной записке в ЦК КПСС министра иностранных дел СССР А.Громыко, председателя КГБ при Совете Министров СССР Ю.Андропова и исполняющего обязанности заведующего Отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран О.Рахманина от 8 сентября 1969 г.:

"...Было бы политически выгодным опубликовать фотографии отдельных участков Разменной карты 1861 г., которая упоминалась в заявлениях Советского правительства и вызвала большой интерес, - говорилось в этом документе.- Публикацию этих фотокопий можно было бы сопроводить исторической справкой о Разменной карте с фотоснимками подписей и печатей на этой карте. Одновременно можно было бы подготовить и опубликовать схемы советско-китайской границы в районах пограничных конфликтов (о.Даманский,

о. Гольдинский, о. Киркинский и т.д.), изготовленные в соответствии с Разменной картой, а также с современной крупномасштабной картой, экземпляр которой был передан нами китайским властям в начале 50-х годов".

Секретариат ЦК КПСС на основании этой справки принимает специальное секретное решение (Протокол номер 80 заседания Секретариата ЦК КПСС от 24 сентября 1969 г.), где в пункте 8 говорится следующее: "Поручить МИД СССР, КГБ при Совете Министров СССР, Агентству Печати Новости в подходящее время опубликовать в советской печати и распространить за рубежом фотокопии отдельных участков Разменной карты 1861 г., историческую справку о Разменной карте с фотоснимками подписей и печати на ней, а также схемами советско-китайской границы в районах пограничных конфликтов (о. Даманский, о. Гольдинский, о. Киркинский и т.д.), составленные в соответствии с Разменной картой и современной крупномасштабной картой, экземпляр которой был передан нами китайским властям в начале 50-х годов".

Эдвард Райс в своей книге "Путь Мао," изданной в Лондоне в 1974 г. также склонен считать, что конфликт на Даманском 2 марта 1969 г. был развязан китайской стороной. Свое заключение он делает из того факта, что китайцы уж слишком хорошо были подготовлены к нему и из их общей агрессивности в этот период времени¹⁰. Это вытекает и из количества раненных и убитых с нашей стороны. Если бы эта операция готовилась СССР, то при наличии бронетранспортных средств количество убитых с нашей стороны было бы минимальным.

"В Советском Союзе это столкновение было тут же предано широкой гласности,- вспоминал Г.Киссинджер.- Сам по себе факт был беспрецедентным. Очевидно это был первый случай, когда Китай или СССР сообщили о военном столкновении и признали наличие потерь. Обе стороны обменивались нотами протеста и пропагандистскими выпадами. ...Около 10 тыс. китайцев провели демонстрацию и напали на советское посольство в Пекине 3 марта (обратите внимание с какой быстротой появляется передовая статья в прессе КНР и организуется демонстрация протеста.- В.У.) Как сообщалось, 100 тыс. советских демонстрантов напали на китайское посольство в Москве 7 марта, разбивая окна и забрасывая здание бутылками с чернилами. На протяжении последующих 4 дней состоялись демонстрации в 8 других советских городах. "Красная звезда"... сообщила 8 марта, что советские войска на Дальнем Востоке приведены в состояние боевой готовности".

По мнению Г.Киссинджера, советская сторона желала, чтобы события на о. Даманском стали широко известны в США и в мире. "11 марта змонационально настроенный посол Добрынин,- вспоминал он,- поднял вопрос об инциденте на Уссури в беседе со мной. Я даже его об этом не спрашивал, но он настойчиво изображал страшную картину зверств, якобы совершенных китайцами (здесь посол был совершенно прав, автору достоверно известен такой факт: во время боя на Даманском китайцы захватили раненого солдата по фамилии Акулов, когда позднее они нам вернули его труп в обмен на труп китайца, то было обнаружено, что у него отрезаны уши, половые органы.-В.У.), и дал мне пространный брифинг по этому вопросу. Когда я попытался изменить тему беседы, сказав, что это советско-китайская проблема, Добрынин продолжал горячо настаивать на том, что Китай - это всеобщая проблема. Я вежливо слушал, много думал и не делал никаких замечаний"¹¹.

События на Даманском не закончились 3 марта, а продолжались до 16 марта 1969 г. Но отличительной особенностью последующих вооруженных столкновений было то, что советская сторона уже была готова к военным действиям и для нее это уже не было неожиданным.

Самым напряженным был бой 15 марта 1969 г., когда было предпринято три атаки с китайской стороны с попыткой захватить о.Даманский и последовало три контратаки с советской стороны, в общей сложности бой шел более 9 часов, в нем было задействовано с обеих сторон около 50 бронетранспортеров и танков, из них было подбито 13, погибло около 60 советских пограничников и около 80 было ранено. По советским данным, на наших пограничников обрушились силы выше регулярного полка. По мнению авторов 15-го тома Кэмбриджской истории Китая, вышедшей в 1991 г., силы китайцев составляли около 2000 человек. С советской стороны погибло 60 человек, с китайской 800¹².

Здесь следует сделать небольшое отступление. Как уже выяснилось к моменту боя, с китайской стороны были задействованы части регулярной армии. Об этом говорят уже приводимые нами цитаты и оценки. Доказательством этого служат и списки награжденных китайской стороной за "героические боевые действия" на о.Даманском, опубликованные в КНР. Из них следует, что в событиях 15 марта участвовали солдаты из 37 частей, 376 человек из 17 "единиц" совершили "военные подвиги". Среди них были военные из 217 полка 73-й дивизии, 397 и 398-го полков 133-й дивизии, 201-го полка 67-й дивизии сухопутных войск НОАК¹³. В то время как с советской стороны участвовали только пограничные войска с нескольких соседних застав.

Автор статьи в марте 1971 г. был в Иманском пограничной отряде, пролетел на пограничном вертолете над советско-китайской границей в районе о. Даманский, был на погранзаставе Н.Михайловка и беседовал с участником событий 1969 г., подполковником Александром Дмитриевичем Константиновым, который заменил погибшего в бою 15 марта Д.В.Леонова. Тогда выяснились такие подробности. Д.В.Леонов, учитывая обстановку, требовал от командования подкрепления в виде танков и артиллерии со стороны регулярной армии. Однако принять такое решение оказалось некому. Министр обороны Гречко был за рубежом, а Л.Брежнев в эти часы ехал в поезде, направляясь в Венгрию. Самому Д.В.Леонову были даны строгие указания на китайский берег не выходить и он вынужден был курсировать на танке только по льду реки, подставляя борт танка китайским снайперам. И только к обеду, когда удалось связаться с Л.Брежневым, было получено добро на помощь пограничникам со стороны регулярной армии.

В 12 час. 50 минут, по китайским данным, советская сторона открыла массированный артиллерийский огонь по частям противника по линии границы, обстреливая и китайский берег на глубину до 7 км и по фронту до 10 км в течение 2 часов (эти цифры совпадали с тем, что мне сообщил подполковник А.Д.Константинов). По его данным, по о.Даманскому и китайскому берегу было выпущено более 1,7 тыс. снарядов из минометов и современных "Катюш". После этого в 15 час.12 минут с советской стороны была предпринята новая атака, которую возглавил А.Д.Константинов, принявший на себя командование. На бронетранспортерах (по китайским данным, вместе с танками их было около 20 машин и около 100 солдат) он повел подчиненных в атаку. Специальной группе пограничников командир приказал вытащить из боя подбитый танк командира и оказать необходимую помощь полковнику Леонову. Под градом пуль пограничники пробрались к командирской машине. Полковник Д.В.Леонов был мертв. Раненым он пытался покинуть подбитую машину, но был убит шальной пулей (танк во время боя транспортировать на наш берег не удалось, так как началось китайское наступление, его хотели уничтожить огнем артиллерии, но не сумели, решили транспортировать его ранним утром следующего дня, но китайцы ночью волоком вытащили его на свой берег. Позднее они его широко рекламировали как "вещественное доказательство".

Насколько мне известно, в то время танк был секретным и после появления его у противника он был рассекречен, а начальство допустившее такое - разжаловано). По опубликованным китайским данным, с их стороны в результате боя было убито 12 человек и ранено 27¹⁴. Эта цифра нам кажется сильно заниженной. А.Д.Константинов в 1971 г., сообщил, что только в результате артиллерийской подготовки погибло несколько тысяч китайцев, они это установили по количеству грузовиков, увозивших ночью трупы с поля боя и с китайского берега Уссури.

Военные историки КНР сообщают, что со 2 по 17 марта в результате боев с советской стороны было убито и ранено около 250 человек, захвачено 17 советских БТРов, 1 танк Т-62, 31 комплект стрелкового оружия¹⁵.

"Утром 15 марта произошло второе пограничное столкновение на о. Даманский,- вспоминал Г.Киссинджер.(Он был неправ, это было второе крупное столкновение, а мелкие пограничные столкновения были и в промежутке времени между 3 и 15 марта, только протестов за эти дни по случаю нарушения границы на о.Даманский автор насчитал 7. -В. У.)- В отличие от столкновения 2 марта на этот раз обе стороны подготовились (приведенные выше китайские материалы опровергают мнение Г.Киссинджера, что в первый раз китайцы не были готовы. -В.У.) Бои продолжались дольше, и потери были более значительны. Советская сторона усилила дозорную службу, и разведывательная группа разместилась на острове ночью 14 марта, вероятно, чтобы организовать засаду. Начался тяжелый бой, продолжавшийся с перерывами в течение 9 часов; в ходе боя использовались танки, бронетранспортеры, артиллерия и противотанковые ракеты. Обе стороны заявили, что одержали победу"¹⁶.

15 марта 1969 г. Советское правительство выступило с заявлением по поводу новой провокации на границе. Предупредив Пекин о том, что "если будут предприниматься дальнейшие попытки нарушить неприкосновенность советской территории, то СССР, все его народы будут решительно оборонять ее и дадут сокрушительный отпор нарушениям". По партийным каналам "братским партиям" была направлена секретная информация "О провокациях китайских властей на советско-китайской границе".

31 марта 1969 г. было принято закрытое решение ЦК КПСС "О направлении Итальянской социалистической партии пролетарского единства информации КПСС о провокациях китайских властей на советско-китайской границе".

Таким образом, большинство социалистических стран Европы имели информацию о пограничном конфликте. Как подчеркивал Г.Киссинджер, дипломаты коммунистических стран позаботились о том, чтобы эти пограничные инциденты не прошли мимо американского внимания. "Как сообщалось, в середине марта в Будапеште Советский Союз добивался, чтобы участники Варшавского Договора выступили с осуждением Китая как агрессора в связи с инцидентами на Уссури. СССР также обратился к каждому из своих союзников по Варшавскому Договору с просьбой направить "символические воинские подразделения" на советско-китайскую границу,- сообщает Г.Киссинджер.- Румыния блокировала оба эти предложения"¹⁷.

Итоги военных столкновений.

Какие же намерения вынашивали руководители КНР(в первую очередь, как считали зарубежные аналитики, это были Мао Цзэдун и Линь Бяо, однако по имеющимся у нас китайским материалам это были Мао Цзэдун, которому все сведения по конфликту сообщал лично Чжоу Эньлай, последнему по

спецтелефону сообщал обстановку Чэнь Силянью, а Чэнь Силянью - Сяо Цюаньфу и в этой цепочке не находится места министру обороны КНР Линь Бяо), начиная конфликт в районе о.Даманский: продемонстрировать правоту своей позиции по пограничной проблеме; доказать агрессивный характер политики СССР в отношении Китая; продолжать убеждать народы КНР в том, что они живут в "осажденной крепости", поэтому вынуждены потуже затягивать свои пояса; доказать правильность антисоветской направленности "культурной революции" и стремление закрепить этот курс на IX съезде КПК; на деле доказать, что КНР не боится военного давления со стороны СССР и не позволит поступать с собой как с Чехословакией в 1968 г.; посредством своей жесткой и одновременно сдержанной позиции попытаться пресечь непредсказуемую эскалацию конфликта; показать мировому сообществу всю остроту и серьезность китайско-советских противоречий. Совершенно очевидно, что китайская сторона преследовала широкие политические цели. Об этом тогда достаточно определенно высказался Чжоу Эньлай, подчеркивая, что в борьбе на советской границе "нужно как хорошо овладеть проведением политической борьбы по пограничной политике, так и подготовиться для решающего момента и оказать отпор в целях самозащиты, рассматривая это как поддержку"¹⁸.

После 15 марта советские дипломаты всерьез были обеспокоены возможностью начала "нового раунда" массовых демонстраций, переходивших фактически в осаду здания Посольства СССР в Пекине. Этого однако, не произошло, причем из-за рубежа приходили слухи, что "...на границу выезжал министр обороны КНР Линь Бяо. Ознакомившись с обстановкой, он решил, что "не стоит далее испытывать терпение русских", после чего Мао якобы и принял решение о прекращении демонстраций.

Во время одного из докладов Чжоу Эньлая Мао Цзэдуну о боях на Даманском, по китайским данным, последний спросил как настроены китайские воины, Чжоу ответил, что они ведут себя героически, тогда Мао предложил особо отличившихся на Даманском воинов в качестве делегатов направить на IX съезд КПК.

Итак сражения на Даманском вплотную приблизили Москву и Пекин к масштабному столкновению регулярных сил. И это заставило обе конфликтующие стороны внести некоторые серьезные изменения в свои планы. С китайской стороны возникла идея вновь квалифицированно проанализировать эти события и всю международную обстановку в целом, создав специальную группу для этих целей. Премьер Госсовета КНР на Совещании по экономическим вопросам подчеркнул, что СССР в ближайшее время не будет способен начать крупномасштабную агрессию против КНР, ибо не способен полностью переключиться на развитие восточных районов страны, чтобы создать там надежную базу для подобного наступления. Он подчеркнул, что Китай не должен бояться ядерного оружия, так как сам им обладает и, кроме того, последствия подобного удара будут смазаны из-за огромной территории Китая, колоссальной численности его населения. Чжоу Эньлай отметил также, что события на Даманском продемонстрировали "неумение" советских солдат сражаться в ближнем и ночном бою (это одновременно означало, что китайцы это могут делать продуктивно используя опыт корейской войны), "неэффективность" ударов нашей артиллерии (наши военные так не думали.- В.У.) и указал на то, что явное советское превосходство в бронетанковой технике может быть нейтрализовано за счет усиленного наращивания противотанковых средств.

Ради справедливости, надо сказать, что еще летом 1964 г. Мао Цзэдун выдвинул лозунг "готовиться к войне". Идея "подготовки к войне" была отражена в проекте 3-го пятилетнего плана, который стал разрабатываться в

1964 г. Мао Цзэдун к августу 1964 г. выдвинул идею срочного создания "третьей линии обороны" на случай войны. По признанию китайских экономистов объем расходов на развитие военной промышленности и строительство "третьей линии обороны" превысил реальные возможности Китая. На строительство этой линии выделялось до 42,4 процента всех средств бюджета страны. Как писали китайские экономисты, в 1965 г. экономика КНР была поставлена на военные рельсы¹⁹. Ценой громадных затрат в 1964 г. КНР удалось создать атомную бомбу, которая была испытана 16 октября 1964 г. Как подчеркивают китайские военные историки, к началу 70-х годов КНР уже занимала 3-е место в мире по количеству танков. По данным военной разведки СССР, численность войск КНР на границе с нами достигла к 1967 г. 400 тыс. человек, в этих районах восстанавливались старые, возведенные еще японцами, укрепленные районы.

15 марта 1969 г. Мао Цзэдун на совещании Группы по делам культурной революции, которая к этому времени подменила собой Политбюро ЦК КПК и Госсовет КНР, серьезно говорил о срочной подготовке к войне. "Подготовка к войне" затем превратилась в лейтмотив IX съезда КПК²⁰.

29 марта 1969 г. Советское правительство сделало заявление, выдержанное в жестком тоне, в котором высказалось за возобновление в ближайшее время начатых в 1964 г. консультаций по пограничным вопросам. В заявлении правительству КНР предлагалось воздерживаться от действий на границе, могущих вызвать осложнения, решать возникшие разногласия в спокойной обстановке. В заключение говорилось, что "попытки говорить с Советским Союзом, с советским народом языком оружия, встретят твердый отпор"²¹.

Данное заявление было сделано накануне открытия IX съезда КПК 1 апреля 1969 г. Отчетный доклад Линь Бяо на съезде в том числе и его международный раздел, был переполнен "левацкой" риторикой. Докладчик обвинил советскую сторону в организации "непрерывных вооруженных вторжений" на территорию КНР и остров Даманский. "В обстановке, когда дальше терпеть было невозможно, наши пограничные отряды (а мы знаем, что не только они, но и регулярные части НОАК. - В.У.) дали отпор в целях самозащиты", - заявил Линь Бяо. IX съезд КПК выдвинул тезис о неизбежности третьей мировой войны и провозгласил подготовку к ней в качестве долговременной программы КПК. В отчетном докладе IX съезду со ссылкой на Мао Цзэдуна говорилось, что "существует только две возможности: или война вызовет революцию, или революция предотвратит войну"²².

В современной китайской историографии в связи с положениями, выдвинутыми в докладе Линь Бяо, признается, что в оценке международной обстановки "была чрезмерно раздута опасность развязывания империалистической мировой войны, а потому был сделан чрезвычайный акцент на подготовке к войне"²³.

11 апреля 1969 г. МИД СССР направил МИД КНР ноту, в которой предложил возобновить консультации между полномочными представителями правительств СССР и КНР, выразив готовность начать их в Москве 15 апреля 1969 г. или в другое самое ближайшее время, удобное для китайской стороны. 14 апреля 1969 г. в ответ на ноту МИД СССР китайская сторона заявила, что советские предложения, касающиеся урегулирования на границе, "изучаются" и что на них будет дан ответ. 24 мая 1969 г. правительство КНР выступило с Заявлением в ответ на обращение СССР от 29 марта. Оно повторило утверждение, что о. Даманский является китайской территорией и инцидент "преднамеренно спровоцирован" советской стороной. В Заявлении формально не была отклонена идея мирных переговоров с СССР и подтверждено, что Китай выступает против применения военной силы. Предлагалось, чтобы стороны

договорились через дипломатические каналы о месте и дате переговоров о границе. Китайский историк прав, когда указывает, что советское заявление от 29 марта и китайское - от 24 мая, продемонстрировали, что обе стороны стремятся не допустить эскалации конфликта; эти заявления послужили основной для некоторых из договоренностей на переговорах между А.Н.Косыгиным и Чжоу Эньлаем 11 сентября 1969 г.

Таким образом идея переговоров уже носилась "в воздухе". Мао Цзэдун поручил Чжоу Эньлаю сформировать из серьезных политиков и военных группу из 4 человек (в нее вошли опальный министр иностранных дел Чэнь И, Е Цзяньин, Сюй Сянцян и Не Жунчжэнь) для анализа международной обстановки и выработки предложений по внешней политике²⁴. Началась "эпоха" переговоров, принесшая результат через 22 года. Только в 1992 г. сначала российский парламент, а затем Постоянный комитет ВСНП ратифицировали соглашение о государственной границе на ее восточном участке, подписанное в мае 1991 г. еще между СССР и КНР, по которому остров Даманский официально отходил к китайской стороне.

1. А.И. Елизаветин. Переговоры А.Н.Косыгина и Чжоу Эньлая в Пекинском аэропорту. Вступительная статья и комментарий к тексту С.Гончарова и В.Усова. // Проблемы Дальнего Востока. - 1992, N 5. - С. 58.
2. Чэнь Чжибинь, Сунь Сяо. Противостояние в условиях ниже нуля по Форингейту. Боевая хроника пограничных отношений в 1962-1969. Пекин. - 1992; Ду Вэйдун. Китайско-советская война. // Гунмин. - 1992. - N 12. - С.4-12; 1993. - N 1. - С. 16-29.
3. Жэньминь жибао. - 1969. - 4 марта.
4. Доблесть и верность Родине. (Сборник материалов, опубликованных в газетах "Правда", "Красная Звезда" и "Комсомольская правда"). Владивосток. - 1969. - С. 31.
5. О.Борисов, Б.Колосков. Советско-китайские отношения. 1949-1976. - М. - 1977. - С. 421-422.
6. Ли Кэ, Хао Шэнчжан. Народно-освободительная армия в "великой культурной революции". Пекин, 1989. - С. 317 (на кит. яз.).
7. Ду Вэйдун. Указ. соч. - N 12. - С. 9-10.
8. Ли Кэ, Хао Шэнчжан. Указ. соч. - С. 321.
9. Чай Чэнвэнь. Проведение нами пограничных переговоров с СССР под руководством Чжоу Эньлая. // Дандэ вэньсянь. - Пекин. - 1991. - N 3. - С. 45-50.
10. Edward Rice. Mao's Way. Berkeley - Los Angeles - London. - 1974. - P. 467.
11. Henry Kissindger. White House Years. Boston - Toronto. - 1979. - P. 183-184.
12. The Cambridge History of China. Vol.15: The People's Republic. Pt II: The Revolution within the Revolution 1966-1982. Cambridge University Press. - 1991.
13. О. Борисов, Б.Колосков. Указ. соч. - С. 422.
14. Ли Кэ, Хао Шэнчжан. Указ. соч. - С. 323.
15. Там же. - С. 323-324.
16. Henry Kissindger. Op. cit.
17. Ibid.
18. Ли Кэ, Хао Шэнчжан. Указ. соч. - с.319
19. Структура экономики Китая. - М. -1984. - С.383-384; Данши яньцзю. - 1986. - N 6. - С. 40; Краткая история китайской социалистической экономики. - Харбин. - 1985. - С. 317 (на кит. яз.).
20. Хроника нового Китая 1949-1987. - Пекин. - 1989. - С. 320 (на кит. яз.).
21. Правда. 1969. - 30 марта.
22. Великая пролетарская культурная революция (важнейшие документы). Пекин. - 1970. - С. 86 (на рус. яз.).
23. Хроника нового Китая. - С. 462.
24. Сюн Сянхуй. Прелюдия открытия китайско-американских отношений. Чжунгун данши цзыляо. - Пекин. - 1992. - 42-й выпуск. - С. 56-96 (на кит. яз.).

К событиям на Даманском

© 1994

А. Волохова

В данном сообщении сделана попытка использовать второстепенные, косвенные архивные материалы из Центра документации по новейшей истории РФ, не столько дополнить существующую информацию о событиях ранней весны 1969 г. на советско-китайской границе, сколько поставить на базе этих материалов перед будущими исследователями ряд вопросов.

Несколько слов о характере использованных архивных документов: это - стенограммы собрания краевого и городского партийного актива Хабаровской организации КПСС (ф. 17, оп. 105, д. 1133) и стенографический отчет собрания актива Приморской краевой парторганизации КПСС (ф. 17, оп. 105, д. 840). По сложившейся традиции на таких активах выступали с "доверительной информацией", не попадавшей на страницы открытой печати и представители центра, и местные руководители, так что она может представить определенный интерес.

В выступлении начальника войск Краснознаменного Тихоокеанского пограничного округа В.Ф.Лобанова на собрании актива Приморской краевой парторганизации, состоявшегося через 3 дня после событий на о.Даманский, содержались следующие сведения.

События на о.Даманский 2 и 15 марта 1969 г. были "не единственными в этом роде". На границе, проходящей по реке Уссури только в 1968 г. "было пресечено более 100 случаев провокаций, в которых участвовало 2000 китайцев"¹. Далее, по словам В.Ф.Лобанова, зимой 1967-1968 гг. постоянно имели место пограничные конфликты на острове Киркинский (соседний с Даманским), причем "были случаи, когда пограничникам Иманского погранотряда приходилось физически выбрасывать с нашей территории большие провокационные группы, китайцев, численностью до 500 человек"².

Формулировка "физически выбрасывать" более чем туманна: неясно применялось ли в этих случаях оружие или нет. Однако совершенно очевидно, что поводов для придания пограничным конфликтам политической значимости было более чем достаточно и до марта 1969 г. Выбор времени и той, и другой стороной мог диктоваться внутривнутриполитическими или иными соображениями.

В начале 1969 г. центром пограничных конфликтов стал остров Даманский. 23 января, как сообщал В.Ф.Лобанов, большая группа китайских военнослужащих вышла на остров Даманский и при ее выдворении применила в драке с пограничниками приклады автоматов, специально изготовленные палки и другие предметы. "До 2 марта подобных случаев было еще шесть"³.

К концу 1968 г. в КНР завершилось формирование новых органов власти на местах - ревкомов, во главе которых стояли командующие или политкомиссары военных коругов. Роль армии, военных в политической жизни страны становилась доминирующей, и посты в центральном руководстве страны должен был распределить IX съезд КПК, накануне которого, по мнению ряда исследователей, обострилась борьба различных сил за представительство в новом

руководстве в Пекине⁴. Китайскому генералитету, группировавшемуся вокруг Линь Бяо, надо было показать правильность предлагавшимся последним установок на превращение Китая в военный лагерь, подготовку к войне в условиях неизбежности новой мировой войны, зачинщиком которой выступает советский "социал-империализм". Крупный пограничный конфликт на советско-китайской границе в марте 1969 г. был нужен прежде всего китайской стороне, и она достигла своей цели.

В.Ф.Лобанов довольно подробно описывал события на Даманском 2 марта 1969 г. По его сведениям, в ночь с первого на второе марта, воспользовавшись темнотой и отсутствием в это время пограничных нарядов на острове, китайцы скрытно посадили в засаду 900 солдат со всеми видами стрелкового оружия, а на своем берегу хорошо замаскировали противотанковые орудия СПГ, крупнокалиберные пулеметы и минометы и резерв более 100 человек. Расчет китайцев, по мнению В.Ф.Лобанова, "был прост - спровоцировать нарушение границы, вызвать наших пограничников на остров, уничтожить их или захватить"⁵.

В этой связи возникает ряд вопросов: почему в свете предшествовавших событий, когда командованием стало очевидно, что остров Даманский превращается в центр конфликта, "в это время" пограничные наряды на острове отсутствовали и наблюдение за противоположным берегом велось недостаточно хорошо, и почему столь простой расчет китайской стороны был не разгадан нашими командирами.

Далее происшедшее на острове Даманский описывается В.Ф.Лобановым так. Около 11 часов утра с пограничного поста Гуны к острову Даманский направилась группа китайских пограничников; выйдя на нашу территорию, на была встречена специальным нарядом заставы Н.Михайловка во главе с начальником заставы лейтенантом Стрельниковым, который, как это было и раньше, предложил китайцам покинуть остров, но в ответ по группе Стрельникова был открыт внезапный огонь китайскими пограничниками и солдатами НОАК из засады. "Только этой внезапностью можно объяснить те потери, которые понесла группа т.Стрельникова"⁶.

Через пять минут к острову подошла группа пограничников соседней заставы во главе со старшим лейтенантом В.Д.Бубениным, заменившим убитого Стрельникова и особенно отличившемся в завязавшемся бою. С небольшой, но хорошо действовавшей группой на БТР он сумел подойти к засаде с тыла и разгромить ее огнем и колесами. Понеся потери и оставив много снаряжения, китайцы оставили остров.

Однако в период с 4 по 15 марта на китайской территории, особенно в направлении острова Даманский, китайцы стали концентрировать крупные силы, 14 марта они вели передачу, полную угроз, через громкоговорящую установку, и одновременно мелкими группами стали проникать на остров Даманский. "В этих условиях стало очевидно, что китайцы вновь пойдут на крупную вооруженную провокацию"⁷.

С советской стороны были приняты меры к усилению охраны границы, и охрана острова Даманский была поручена группе пограничников во главе с подполковником Яншиным Е.И., командиром одного из подразделений Иманского погранотряда.

15 марта в 11 часов 15 минут группа хорошо вооруженных китайских солдат предприняла попытку ворваться на остров Даманский, по которому был открыт с китайской стороны сильный артиллерийский и стрелково-пулеметный огонь. Советские пограничники в течение 7 часов при активной поддержке с берега сумели удержать остров, а затем "объединенной контратакой сил с берега и пограничников с острова к 19 часам выбросить китайцев за пределы нашей территории"⁸.

Выступая 18 марта 1969 г., В.Ф.Лобанов сказал, что обстановка на Даманском продолжает оставаться довольно острой: не прекращаются провокационные действия, связанные с попытками силой прорваться на остров Даманский, продолжается демонстративное передвижение войск вдоль границы.

В Пекине, естественно, была выдвинута своя версия событий на Даманском, по которой виновником кровопролития объявлялся Советский Союз. Для тогдашних руководителей КНР конфликт выполнил свою задачу: на открывшемся 1 апреля 1969 г. в Пекине IX съезде КПК китайские солдаты и

офицеры, участвовавшие в столкновениях на Даманском, были почетными гостями или делегатами съезда, который на время утвердил у власти в партии военную верхушку во главе с Линь Бяо, объявленному в принятом съездом уставом КПК, преемником Мао Цзэдуна. Беспрецедентным было также и то, что военные составили почти половину членов ЦК и членов Политбюро ЦК КПК.

События на о.Даманском и проблемы советско-китайской границы затрагивались летом 1969 г. на собрании Хабаровского краевого и городского партактива, посвященного итогам международного совещания коммунистических и рабочих партий, состоявшегося в Москве 5-17 июля 1969 г.

Хотя все материалы дела, содержащего протоколы собраний партактива Хабаровского крайкома КПСС, имели гриф "секретно", почти двухчасовой доклад первого секретаря крайкома А.П.Шитикова на этом партактиве "не стенографировался"⁹, хотя на предыдущем собрании актива (9 января 1969 г.), где рассматривались задачи парторганизаций и советских органов края по выполнению постановления ЦК КПСС и Совмина СССР от 19 ноября 1968 г. "О серьезных недостатках в деятельности милиции и мерах по ее дальнейшему укреплению", его доклад в деле имеется¹⁰.

Событий и положения на советско-китайской границе касались в своих выступлениях на активе два военных деятеля: Л.Я.Сеньков - командующий войск Краснознаменного Дальневосточного пограничного округа и П.Ф.Тюрнев - начальник полуправления Дальневосточного военного округа.

Л.Я.Сеньков, приведя данные о количестве пограничных конфликтов ("лишь с 1964 года по 1968 год китайцы на участке пограничного округа организовали более 6 тысяч провокаций с участием около 26 тысяч человек в разное время"¹¹) сообщил и такую информацию: "До 1960 года у нас не было никаких споров по вопросам прохождения границы. Наше правительство неоднократно обращалось к правительству КНР с предложением демаркировать границу, обозначить ее пограничными знаками, но китайская сторона уклонилась от решения этого вопроса, заявляя, что спорных вопросов на этой границе не было и не будет"¹².

Здесь обращают на себя внимание слова Л.Я.Сенькова о "неоднократных обращениях" с нашей стороны к правительству КНР с предложениями о демаркации границы. Пока каких-либо сведений о таких обращениях и предложениях, по крайней мере до 1964 г., найти не удалось.

Далее Л.Я.Сеньков рассказал активу, что пограничные конфликты довольно крупного масштаба имели место не только на о.Даманский, но и на острове Култук. Еще в 1965 г. китайская сторона стала предъявлять свои права на этот остров и систематически организовывала вылазки на него, которые особенно участились в 1968 году. "Нами было сделано Заявление, в котором предложено покинуть Советский остров. В случае же невыполнения этих требований было сказано, что к ним будут приняты самые решительные меры, вплоть до применения оружия. В результате принятых мер демонстративные групповые выходы китайцев на Сов.остров Култук прекратились"¹³. Акция пограничников по задержанию нарушителей границы была проведена также на острове 412¹⁴.

Л.Я.Сеньков и П.Ф.Тюрнев сообщили также о принятии практических мер по укреплению охраны границы с Китаем, что "нашло свое выражение в увеличении численного состава, оружия, техники"¹⁵. П.Ф.Тюрнев упомянул о посещении Дальневосточного военного округа министром обороны маршалом Гречко, после которого, видимо, на укрепление границы были выделены весьма значительные средства. Л.Я.Сеньков просил на активе в связи с увеличением личного состава и трудностями с его размещением, чтобы партийные и советские органы Хабаровского края, руководители строительных организаций оказали пограничникам помощь в быстрейшем завершении строящихся объектов.

Л.Я.Сеньков доложил партактиву, что в последнее время обстановка на границе все обостряется и в качестве признаков этого обострения и угрозы с китайской стороны привел следующие: проведение с китайского берега и с катеров антисоветской пропаганды через мощные громкоговорители, которых установлено около 40 штук вдоль границы на участке округа, строительство оборонительных сооружений и обучение военному делу ополченцев в пограничных населенных пунктах, проведение там митингов и демонстраций¹⁶.

Вряд ли такие действия (о подтягивании к границе крупных военных соединений и боевой техники НОАК Л.Я.Сеньков не сообщил) можно было считать достаточным обоснованием высказанного им выше тезиса о том, что "руководители Пекина переходят к открытым действиям по захвату Советской территории"¹⁷.

Выше говорилось о том, что китайское руководство использовало пограничный конфликт с СССР прежде всего в своих внутривнутриполитических целях. В условиях хаоса в стране, порожденного тремя годами "культурной революции," ни о какой войне с соседней "сверхдержавой" не могло быть и речи.

Советская сторона также использовала события на советско-китайской границе в политических интересах. Готовя в начале лета 1969 г. совещание коммунистических и рабочих партий, лидеры КПСС хотели показать, что их разрыв с КПК и резкая критика Китая более чем оправданы.

Вряд ли советские военные руководители всерьез считали, что существует реальная военная угроза со стороны Китая, однако они использовали события на границе, чтобы получить крупные ассигнования на укрепление границы, которые были истрачены, как показало последующее развитие международной ситуации и советско-китайских отношений впустую.

Кровь быда пролита не столько ради защиты территории своего государства, столько ради политических целей руководителей тоталитарных режимов Китая и СССР.

1. ЦДНИ. - Ф. 17. - Оп. 105. - Д. 840. - Л. 44.
2. Там же.
3. Там же.
4. См.: Новейшая история Китая. - М., 1972. - С. 401.
5. ЦДНИ. - Ф. 17. - Оп. 105. - Д. 840. - Л. 44
6. Там же. - Л. 45.
7. Там же.
8. Там же. - Л. 46.
9. ЦДНИ. - Ф. 17. - Оп. 105. - Д. 1133. - Л. 143.
10. Там же. - Л. 5-22.
11. Там же. - Л. 154.
12. Там же.
13. Там же. - Л. 155.
14. Там же.
15. Там же. - Л. 156. - Л. 163.
16. Там же. - С. 154.
17. Там же.

"Правосудие победителей?" (Размышления о Токийском процессе)

© 1994

В. Молодяков

Есть много истин, правда лишь одна..
Максимилиан Волошин

Заседания Международного военного трибунала для Дальнего Востока, судившего в Токио в 1946-1948 гг. главных японских военных преступников, известны под названием "Токийский процесс". Его часто называли "вторым" или "дальневосточным Нюрнбергом", но в отличие от "первого" Нюрнберга в России знают о нем очень мало. Еще в 1990 г. издательство "Юридическая литература" (где оно ныне?) анонсировало выпуск многотомного издания "Токийский процесс", в котором, как оно обещало, "с наибольшей полнотой и точностью будут воспроизведены стенограмма и документы" этого неординарного события. Похоже, нам уже не дождаться ни стенограммы, ни документов, а существующие отечественные издания ни в коей мере не могут претендовать ни на полноту, ни на объективность. О Нюрнбергском процессе (в истории которого тоже много неясного и неоднозначного) существует довольно обширная литература на русском языке, в том числе многочисленные переводы документальных материалов. Историография Токийского процесса исчерпывается его официальной версией: Рагинский М.Ю., Розенблит С.Я. Международный процесс главных японских военных преступников (М.-Л., 1950) - и двумя полуофициальными: Смирнов Л.Н., Зайцев Е.Б. Суд в Токио (М., 1980, 1984); Николаев А.Н. Токио: Суд народов (М., 1990). Все эти книги написаны бывшими участниками процесса с советской стороны и содержат обширный документальный материал (в том числе многочисленные цитаты из стенограммы, недоступной большинству исследователей), но обладают рядом существеннейших недостатков, присущих свидетельствам очевидцев, затрудняющих их использование в качестве достоверного исторического источника!

Дело даже не в однозначном обвинительном уклоне, выражающемся не только в позиции авторов, но и в подборе приводимых ими фактов и документов. На мой взгляд, основная ошибка большинства писавших о Токийском процессе - признание существования *единой* группы заговорщиков в правящей элите Японии 30-х - 40-х годов. Даже в Германии, где правящая политическая, военная, бюрократическая и промышленно-финансовая элита была гораздо монолитнее, имели место расхождения по самым кардинальным вопросам в ближайшем окружении Гитлера, о чем свидетельствуют многие мемуаристы и что в достаточной мере объясняется с точки зрения геополитики.

В Японии, как мне уже неоднократно приходилось писать², имело место столкновение трех практически взаимоисключающих тенденций в самом верхнем эшелоне государственной власти: откровенно атлантистской, ориентированной на военно-политический союз с США и Англией против Германии и СССР; милитаристски-этнократической, направленной на развязывание войны "против всех"; и, наконец, континенталистской, евразийской, стремившейся к оси Берлин - Москва - Токио и созданию "сферы сотрудничества Великой Восточной Азии". В правящей элите Японии в той или иной степени были представлены все три ориентации, и вполне закономерно, что на скамье подсудимых очутились люди, относившиеся ко всем перечисленным лагерям.

Цель настоящих заметок - не критика или поддержка решений процесса, его законности и правомочности, как это уже неоднократно делалось в зарубежной литературе; автор намерен лишь осветить некоторые малоизвестные стороны и детали процесса, обратить внимание на некоторые "совпадения" и "случайности", которые никак не могут быть признаны таковыми, на некоторые спорные или неоднозначные моменты, говорить о которых не рекомендовалось или считалось неудобным. Добавлю, что использовались в основном отечественные источники, известные и вполне доступные³.

Перед судом Трибунала предстали 28 человек (к вопросу о формировании списка еще предстоит вернуться). Для удобства изложения я позволю себе разделить подсудимых на несколько условных категорий, поскольку речь пойдет далеко не обо всех персоналиях.

Бывшие премьер-министры, отвечавшие за общее руководство страной: генерал Хидэки Тодзио (также бывший военный министр), Коки Хирота (бывший министр иностранных дел), генерал Киитиро Хиранума (бывший глава Тайного совета), генерал Куниаки Койсо (бывший министр колоний). К этой группе также должен быть отнесен лорд-хранитель печати Коити Кидо как главный политический советник императора, обладавший колоссальным влиянием в вопросах назначения государственных чиновников, включая премьер-министров.

Дипломаты: бывший министры иностранных дел Есукэ Мацуока, Сигэнори Того, Мамору Сигэмицу; бывшие послы - генерал Хироси Осима (Германия) и Тосио Сиратори (Италия).

Военные руководители: бывшие военные и военно-морские министры, начальники штабов и командующие армиями и группами армий в различных регионах - Кэндзи Доихара, Сюнроку Хата, Сэйсиро Итагаки, Хэйтаро Кимура, Иванэ Мацуи, Дзиро Минами, Акира Муто, Осами Нагано, Такасуми Ока, Кэнре Сато, Сигэтаро Симата, Есидзиро Умэдзу. Большинство их занимало командные посты в годы второй мировой войны и было связано с кабинетом Тодзио.

Бюрократы из администрации Тодзио: Наоки Хосино (секретарь кабинета), Окинори Кая (министр финансов), Тэйити Судзуки (председатель планового отдела и советник кабинета).

В особую группу, условно говоря "пропагандистов", можно выделить тех, кто обвинялся главным образом в националистической пропаганде, а также в причастности к офицерским путчам 1932 и 1936 гг.: бывший военный министр (позднее министр просвещения) генерал Садао Араки, полковник Кингоро Хасимото и философ и публицист Сьюэй Окава, занимавший также крупные посты в системе Южно-Маньчжурской железной дороги. С ними был связан и генерал Койсо.

Оговорюсь сразу - в настоящей работе речь пойдет не о милитаристах в генеральских и адмиральских мундирах, которых судили главным образом за

"военные преступления" и "преступления против человечности", выразившиеся в бессмысленных и жестоких расправах с пленными и мирным населением, массовых убийствах и грабежах. Их вина была доказана с исчерпывающей полнотой - даже вне пределов заложенной в основу приговора концепции "заговора против мира", которая отнюдь не является юридически бесспорной. Отмечу лишь, что некоторые из подсудимых, например Коки Хирота в бытность его министром иностранных дел и премьер-министром, всячески противились таким действиям милитаристов и экстремистов из военного ведомства, так что признание их вины наравне с генералами за те же самые деяния представляется не вполне справедливым.

Не пойдет речь и о "бюрократах", чья деятельность должна рассматриваться в общем контексте внутренней политики Японии в годы второй мировой войны. Предметом исследования является международный, более того, геополитический аспект деятельности подсудимых. Напомню только, что Окинори Кая после своего освобождения из заключения в середине 50-х занимал видные позиции в руководстве ЛДП и был министром юстиции в одном из кабинетов Хаято Икэда, а также был близок к Нобусукэ Киси, своему бывшему коллеге по кабинету Тодзио. Киси также был признан военным преступником категории "А" и приговорен к пожизненному заключению, но не попал в число "главных" военных преступников, что до сих пор вызывает удивление многих авторов, пишущих о Токийском процессе.

Итак, что же представляли собой главные обвиняемые с точки зрения их геополитической ориентации? Как уже отмечалось, Хирота и Того (в прошлом оба занимали пост посла в СССР) придерживались устойчивых евразийских позиций. На счету Хирота, в частности, переговоры с советским послом Я.А.Маликом летом 1945 г. о возможности (как оказалось, невозможности) советского посредничества в деле выхода Японии из войны, а Того сыграл важную роль в скорейшем принятии решения о капитуляции Японии, когда уже не оставалось никаких шансов. Умеренно евразийской ориентации придерживался Кидо, близкий друг "принца-пассионария" Фумимаро Коноэ, отличавшийся от него большим прагматизмом и чисто идеологическим страхом перед "коммунистической угрозой". На процессе Кидо повел себя довольно своеобразно: он представил обвинению свои подробные дневники за много лет (позднее они были опубликованы⁴) и охотно отвечал на все вопросы. Л.Н.Смирнов (участник процесса) и Е.Б.Зайцев не без язвительности заметили: "Этот маленький, женоподобный человечек, яростно защищая на процессе свою жалкую жизнь, сохранил ее, получив пожизненное тюремное заключение"⁵. Напомню, что Коноэ избрал добровольный уход из жизни. Дневник Кидо стал достоянием гласности, но сам он, доживший до 1977 г., неизменно уклонялся от любых контактов с историками или журналистами, сохраняя полное молчание по поводу всего происшедшего.

Явных атлантистов на процессе было и вовсе немного. По существу - только Сигэмицу и Умэдзу, включенные в список подсудимых в последнюю очередь, и то под жестким давлением советской стороны⁶. У СССР был особый счет к этим деятелям, отличавшимся не только патологической ненавистью к России, но и старательно воплощавшим эту ненависть в конкретные дела. Есидзиро Умэдзу долгое время командовал Квантунской армией, и именно на него ложится основная ответственность за многочисленные нарушения в 1941-1945 гг. Пакта о нейтралитете между Японией и Советским Союзом⁷. В 1945 г. Умэдзу некоторое время возглавлял Генеральный штаб Сухопутных войск и в этом качестве подписал Акт о безоговорочной капитуляции Японии.

Истории свойственна ирония. Вместе с Умэдзу этот Акт подписал его "подельник" Сигэмицу⁸, личность которого заслуживает гораздо более

пристального внимания. Ярый атлантист, бывший посол в Англии, известный своими проанглийскими и проамериканскими взглядами, он органически ненавидел "континент". С Китаем у него были особые счеты - в бытность его на дипломатической службе в Китае местный патриот бросил в него бомбу, при взрыве которой Сигэмицу потерял левую ногу. В 1938 г., будучи послом в СССР, он фактически провоцировал войну двух стран, постоянно угрожая военной силой, что вылилось в авантюру на Хасане. После поражения на Хасане ему пришлось сразу же убраться в Лондон, а его преемнику Того - хоть как-то стабилизировать и без того напряженные отношения с СССР.

В 1943 г. - в разгар войны - Сигэмицу был назначен министром иностранных дел во время очередного переформирования кабинета Тодзио. В своих позднейших показаниях и мемуарах он настойчиво утверждал, что его единственной целью был вывод Японии из войны путем сепаратного мира с США против СССР, т.е. Тодзио на суде фактически предлагалось признать, что внешнюю политику его правительства возглавлял агент вражеского влияния и государственный изменник⁹. Кроме того, как верно отмечает А.Н.Николаев, Сигэмицу "на посту министра иностранных дел игнорировал поступавшие к нему многочисленные протесты и жалобы по поводу совершаемых японскими войсками зверств в отношении военнопленных и интернированных граждан союзных держав"¹⁰. Подробно этот вопрос освещен в указанной книге Л.Н.Смирнова и Е.Б.Зайцева, один из авторов которой поддерживал обвинение против Сигэмицу с советской стороны, порой ведя его фактически в одиночку¹¹. Как вспоминает А.Н.Николаев, "сидя на скамье подсудимых, Сигэмицу нервничал, его сводили судороги, он вбирал голову в плечи, часто закрывал руками озлобленное лицо"¹².

Сигэмицу люто ненавидел принца Коноэ и его окружение. Он требовал ареста и суда над Коноэ как над государственным изменником во время "дела Зорге"¹³. Он написал трогательную танка на смерть казенного Хирота, однако сам остался в живых не в последнюю очередь ценой жизни своего предшественника. Сигэмицу был признан виновным по шести (!) пунктам обвинения: развязывание войны против Китая, США, Великобритании, Нидерландов и Франции, а также преступления против обычаев войны. Однако, несмотря на все усилия советской стороны, его оправдали по пунктам обвинения, касающегося развязывания войны против СССР на озере Хасан и в Номонхоне (на реке Халхин-Гол), где его виновность как раз и была очевидна.

Но триумфом тайных и явных защитников Сигэмицу стало его оправдание по первому - самому весомому - пункту обвинения "заговор против мира", ставшему общей статьей для всех подсудимых, кроме Сигэмицу и Мацуи (в отношении последнего, справедливость восторжествовала, и он окончил свои дни на эшафоте как главный виновник "нанкинской резни" 1937 г.). Для сравнения укажу, что бывшие послы Осима и Сиратори были признаны виновными только по первому пункту обвинения, но оба были приговорены к пожизненному заключению. По сути дела, это было ритуальное "заклиание" даже не то чтобы архитекторов, а всего лишь каменщиков Тройственного пакта, не отличавшихся ни оригинальностью суждений, ни самостоятельностью позиций, как и подобает дипломатам. Оба они были типичными милитаристами и этнократами, а экстремист-романтик Осима настолько преклонялся перед Гитлером, что про него говорили: "он больше фашист, чем японец".

Защитник Сигэмицу американский адвокат Фернес в своей заключительной речи сказал о своем подзащитном: "Он хочет, чтобы его считали японцем, который верил и все еще верит, что благосостояние его страны зависит от совместной работы с западными демократическими государствами, а не против них"¹⁴. Сигэмицу отделался чисто символическим для такого процесса

приговором, который А.Н. Николаев справедливо назвал "необоснованно мягким"¹⁵, - 7 лет заключения, и те он отбыл не полностью. Покровители сохранили его не зря - он вернулся в политику и даже стал главой МИДа в кабинете Хатояма, уравновешивая своим ярым антикоммунизмом умеренно евразийскую ориентацию премьера и всячески противясь восстановлению дипломатических отношений с СССР. Не последнюю роль сыграл он и в завязывании узла "территориальной проблемы", так что его дружественный визит в Москву в 1956 г. тоже может показаться иронией истории.

С историей советско-японских отношений связана и личность другого главы внешнеполитического ведомства Есукэ Мацуока, скончавшегося в самом начале процесса и не дожившего до приговора. Его жизнь, деяния и взгляды довольно подробно, хотя и весьма необъективно, освещены в книге Л.Н. Смирнова и Е.Б. Зайцева¹⁶. Трудно добавить что-либо принципиально новое к приведенным ими фактам, но иная интерпретация многих из них необходима. До сих пор без ответа остается существеннейший вопрос: каким образом Мацуока за несколько месяцев весны-лета 1941 г. из явного евразийца превратился в ярого экстремиста, требовавшего войны не только с США, но и с СССР, о столкновении с которым после Халхин-Гола предпочитали не думать даже самые горячие головы из генералитета сухопутных войск.

Полагаю, что ответ надо искать прежде всего в личности Мацуока. Тщеславный, самовлюбленный, амбициозный, но, с другой стороны, обладавший немалыми способностями, он всю жизнь думал только о карьере, предпочитая не переговоры, консультации и прочую рутинную работу, а речи, банкеты и пресс-конференции. В МИДе, традиционно аристократическом и атлантистском, его считали выскочкой и плебеем, а его евразийские симпатии не находили там никакого сочувствия. С окончанием первой мировой войны карьера Мацуока в МИДе, дойдя до "степеней известных", затормозилась, что ему недвусмысленно дали понять. Мацуока рискнул уйти и 18 лет служил на руководящих должностях в компании Южно-Маньчжурской железной дороги. Отсюда его нелюбовь к России, переходившая порой в открытую ненависть. Ставленник "новых концернов", Мацуока, не обладавший глобальным кругозором Коноэ или Енаи, видел в СССР только сильного и опасного политического соперника и экономического конкурента. Он был сторонником теснейшего военно-политического союза с Германией, принимал (еще неофициально) участие в подготовке Антикоминтерновского пакта 1936 г. и в разработке концепции "сферы процветания Великой Восточной Азии". Кстати, он был первым, кто официально ввел этот термин в оборот.

Приглашение занять пост министра иностранных дел во втором кабинете Коноэ летом 1940 г. и год на этом посту стали апогеем карьеры Мацуока. Он уже был тяжело болен туберкулезом и, понимая, что жить ему осталось немного, решил поспешить. Год, который современники небезосновательно называли "годом Мацуока"¹⁷, он провел в постоянных разъездах с банкетами и речами, в окружении фотографов и журналистов. Он подписал Тройственный пакт и Пакт о ненападении с СССР, хотя приписывать эту заслугу ему одному было бы неверно. Но болезнь в сочетании с амбициями сделали свое дело. Мацуока фактически утратил контроль над собой, истерически призывая к войне "против всех", и стал невозможен во главе МИДа, так что Коноэ пришлось отправить кабинет в отставку и снова сформировать его - в том же составе, только без Мацуока. На Токийском процессе защищать и спасать его, конечно, никто бы не стал, и смертный приговор ему был бы неизбежен. Но Мацуока не суждено было быть повешенным, он умер в американском военном госпитале, а за его гробом шли бывшие сослуживцы - "оккупационные" премьеры Сидэхара и Есида, а также американские и японские адвокаты.

Но если Мацуока превратился в экстремиста главным образом в силу особенностей своей личности и биографии, то генерала Тодзио можно считать таковым "по праву рождения". Потомственный военный, выходец из самурайского рода, считавшего себя обойденным во время "реставрации Мэйдзи", Тодзио еще в молодости был прозван "бритвой" за резкий и бескомпромиссный характер, стремление к лидерству и нетерпимость к любым возражениям. Он возглавлял военное министерство во втором и третьем кабинетах Коноэ, а затем, когда война с США стала уже неизбежной, сменил сломавшегося и капитулировавшего перед милитаристами принца, попросту выпихнув его из кресла премьер-министра. Тодзио, как капитан корабля, принял на себя всю полноту ответственности за войну, и был, кажется, единственным обвиняемым, кто ни секунды не сомневался в получении смертного приговора. А настроения подсудимых переходили от отчаяния к надеждам в зависимости от событий в Нюрнберге, изменений в советско-американских отношениях и просто перемен в тоне и эмоциях обвинителей и судей¹⁸.

Тем не менее я полагаю, что называть Тодзио, как это принято, "японским военным преступником номер один", уравнивая его таким образом с Гитлером и Муссолини, неверно по существу. Его можно считать таковым только формально - "по должности", но отнюдь не по личным качествам. Служака, экстремист, ярый этнократ, Тодзио не отличался ни обширными знаниями, ни широтой кругозора, а политику понимал как соединение жесткой военной силы с искусством довольно примитивной интриги. Он умел произносить грубые, но зажигательные речи, но не имел собственной продуманной концепции ни во внутренней, ни во внешней политике Японии. Если наиболее значительные из его предшественников на посту премьера - Хирота, Коноэ, Енаи - были неповторимыми политическими индивидуальностями, то Тодзио был начисто лишен этого. Он был силен не сам по себе, но теми, кто стоял за его спиной, верил ему и поддерживал его. И эти люди по справедливости разделили с ним место на скамье подсудимых, а некоторые - и на эшафоте. Впрочем, пребывание там Хирота можно отнести только на счет пресловутой иронии судьбы, которая нередко лишает людей жизни.

По своей ориентации к Тодзио был близок и давно оставивший военную службу барон Киитиро Хиранума - самый старый из подсудимых (к началу процесса ему было 79 лет). Это был ортодоксальный правый, убежденный патриот-этнократ, но в силу достаточно знатного происхождения, хорошего образования, долгой гражданской службы и, наконец, возраста, начисто лишенный самурайской романтики и экстремизма. Он возглавлял авторитетное в правых кругах общество "Кокухонся" ("Общество строительства государственных основ"), потом сменил Коноэ на посту премьера, но ненадолго. Заключение советско-германского Пакта о ненападении вызвало в Токио политический шок, результатом которого стала отставка кабинета Хиранума. Во втором кабинете Коноэ он занимал пост министра внутренних дел, а к концу войны был председателем Тайного совета, будучи назначенным на эту должность уже не в первый раз.

Хиранума был крупным правым идеологом и пользовался большим авторитетом в этих кругах. Убежденный антикоммунист, он столь же негативно относился к перспективе любого союза со странами атлантистского блока и не желал никакого сотрудничества с окончательно скомпрометировавшим себя Тодзио, когда летом 1944 г. тот попытался как-то "укрепить" свой кабинет путем привлечения туда авторитетных политиков. Конференция "старших советников" (*Дзюнсин*; ранг, присваиваемый бывшим премьер-министрам) - от

престарелого либерала Вакацуки до консерватора Хиранума - постановила не иметь с ним никаких дел и потребовала его отставки с полной заменой кабинета. Пришлось согласиться, хоть это и не особенно вяжется с тезисом о единстве заговорщиков.

На посту премьера Тодзио сменил генерал Койсо, участник офицерских путчей 30-х годов, вынужденный выйти в отставку в 1936 г., но оставшийся на государственной службе. С начала 30-х он был заместителем военного министра, начальником штаба Квантунской армии, командовал армией в Корее, а после отставки и короткого периода пребывания не у дел стал министром колоний, а затем генерал-губернатором Кореи. Этот малопримечательный человек, пытавшийся заключить сепаратный мир с США и Великобританией, в начале 30-х, будучи уже в генеральских погонах, получал и передавал другим заговорщикам бомбы, рассчитывая с их помощью прийти в конце концов к власти¹⁹. Койсо был признан виновным по большинству пунктов обвинения и приговорен к пожизненному заключению, что было вполне закономерно.

Но от Койсо ниточка тянется к гораздо более интересным именам и сюжетам, требующим специального исследования. Это политическое движение первой половины 30-х, известное под названием "реставрация Сева" или движение "молодых офицеров". Его признанным лидером был тогдашний военный министр, пламенный оратор и публицист, признанный кумир армейской молодежи генерал Садао Араки, а главным идеологом - доктор Окава, который, по остроумному замечанию, "удивительным образом сочетал в себе черты бизнесмена, идеолога и гангстера"²⁰ (точнее, заговорщика - В.М.). Верным партнером и помощником Окава стал армейский пропагандист полковник Кингоро Хасимото, достаточно мелкая сошка для подобного процесса.

Предваряя будущее исследование об истории и судьбе "реставрации Сева", ограничусь лишь несколькими замечаниями по существу. В лице Араки, Окава и Хасимото на скамью подсудимых была посажена своеобразная идеология, сочетавшая идеи консервативной революции и национального возрождения с этнократией, экстремизмом и причудливым переплетением монархизма, фашизма и мелкобуржуазного социализма. В этом комплексе проблем еще предстоит разобраться "без гнева и пристрастия", но очевидно одно: у большинства судей эти идеи, мягко говоря, симпатии не вызывали, и их носителем рассчитывать было не на что. Их противоречивое учение во многом искажено и выхолостило идеологию японского евразийства, основанную на доктринах "школы национальных наук" (*кокугакуха*), школы Мито (концепция "*кокутай*" - "государственного организма") и политическом опыте "реставрации Мэйдзи". Крах "реставрации Сева" был закономерен. Не лишним будет напомнить, что в подавлении "бессмысленных и беспощадных" офицерских путчей принимали участие не только генералы из противоположной фракции "тосэйха", но и такие последовательные евразийцы, как Хирота и Енаи.

На основании сказанного можно сделать вывод, что положенная в основу обвинения и приговора англо-американская юридическая концепция "заговора" (*conspiracy*)²¹, приемлемая в случае Германии или Италии, совершенно не отвечала сути происшедшего в Японии. Бесспорно, существовали отдельные группы (фракции, клики и т.д.), объединявшие военных, политиков, идеологов, бюрократов, бизнесменов, которые строили агрессивные планы и пытались их реализовать, но они никак не были едины в своих намерениях, целях и методах и враждовали между собой, не останавливаясь даже перед возможностью взаимного уничтожения.

И здесь необходимо сказать несколько слов о тех, кто не попал на скамью подсудимых, потому что только с учетом этого фактора можно представить себе сложившуюся картину с относительной полнотой. После

капитуляции по своей воле ушли из жизни принц Коноэ и бывшие военные министры Анами и Сугияма. Еще в 1942 г. умер бывший премьер-министр отставной генерал Хаяси. Киси Нобусукэ, как уже говорилось, был выведен из-под удара "главного" процесса, вероятно, не без участия американской стороны, хотя этот убежденный антикоммунист всегда придерживался евразийской ориентации.

О предполагаемом участии советской стороны в освобождении от суда евразийских лидеров адмирала Енаи и бывшего министра иностранных дел Арита мне уже приходилось говорить. Не имея документальных доказательств, нельзя утверждать это наверняка, но нет и никаких весомых аргументов против этой точки зрения, логически объясняющей подобную "странность" - обоим место на скамье подсудимых было уготовано просто "по должности".

Не менее загадочным представляется и малоизвестный сюжет с двумя персонажами, персонально включенными в список подсудимых, но впоследствии выбывшими оттуда. Это бывший премьер генерал Нобуюки Абэ (правда, он пробыл в этой должности всего несколько месяцев и никакого заметного следа не оставил) и второй после Араки лидер "молодых офицеров" генерал Дзиндзабуро Мадзаки. Они стояли в самом центре "реставрации Сева", за что и были вынуждены оставить военную службу, но Мадзаки удалился от активной деятельности, а Абэ остался как бы в политическом резерве, "пригодившись" после отставки кабинета Хиранума. Иностранные дипломаты называли его "темной лошадкой". Трудно сказать о нем что-либо определенное и сейчас, потому что он не примыкал ни к каким группам или фракциям, предпочитая оставаться в тени, но, кажется, не вел и собственной игры.

Так или иначе "темная лошадка" вместе с состарившимся и успокоившимся экстремистом Мадзаки был арестован в ноябре 1945 г. и включен в список 28 главных военных преступников. Впоследствии под давлением советской стороны в список были включены Сигэмицу и Умэдзу. Абэ и Мадзаки из списка были вычеркнуты: некоторые исследователи считают, что тоже под советским влиянием²². В принципе в это легко поверить. Непонятно другое - чем это было вызвано и каковы были связи Абэ и Мадзаки с СССР или евразийскими кругами. Ну, а может, их просто сочли недостаточно важными персонами и выпустили уже в сентябре 1947 г., так и не предав суду.

В этих заметках речь шла почти исключительно о подсудимых. Необходимо сказать несколько слов и о судьях - о тех, кто выносил приговоры, распоряжаясь жизнью и смертью политической и военной элиты поверженной Японии. Смертный приговор выносился простым большинством, т. е. для него было достаточно 6 голосов из общего числа 11 судей. Голосование было тайным, но некоторая информация на этот счет имеется. Индийский судья Пэл, традиционалист, евразиец и категорический противник атлантистов, в пику американскому засилью потребовал признать всех подсудимых невиновными и составил пространное "особое мнение", опубликованное в Японии лишь после окончания американской оккупации.

Председатель Трибунала австралийский судья Уэбб и французский судья Бернар открыто высказались против любых смертных приговоров. По неподтвержденным, но представляющимся верными данным против смертных приговоров голосовал и советский судья генерал-майор юстиции Зарянов²³. Известно, что приговоры шести повешенным генералам (Тодзю, Доихара, Мутто, Итагаки, Кимура, Мацуи) были вынесены 7 голосами против 4, а приговор Хирота 6 против 5, т.е. большинством в один голос. Против был ранее голосовавший за смертную казнь судья из Нидерландов Ролинг, ценивший вклад Хирота в развитие японо-нидерландских отношений в бытность последнего послом в этой стране²⁴.

Заканчивая эти краткие размышления, хотелось бы напомнить о существенном отличии Токийского процесса от Нюрнбергского: Трибунал был создан приказом Верховного командующего союзных держав генерала Макартура, им же был утвержден Устав Трибунала, регламентировавший его деятельность. Его приказом формально назначались члены Трибунала. Макартур также имел "право в любое время смягчить наказание или каким-либо образом изменить приговор, но не повысить наказание". Макартур утвердил приговор, но затем сделал довольно странную вещь: принял для направления в Верховный Суд США апелляции Хирота и Доихара, а затем еще пяти осужденных. Верховный Суд США (в нарушение международного права!) большинством в один голос принял апелляцию к производству, но всеобщее возмущение, начиная с Международного Военного Трибунала, вынудило американское правительство выступить против этого решения. Верховный Суд был вынужден отказать от пересмотра приговора, который был приведен в исполнение в ночь с 22 на 23 декабря 1945 г. во дворе токийской тюрьмы Сугамо.

История одного из самых драматических судебных (и не только судебных, но и политических) процессов XX века по-настоящему еще не написана. Вероятно, прошло слишком мало времени для осознания всего происшедшего, тем более что вопросов с годами становится все больше и больше. Необходимо не пересмотр конкретных решений и оценок, но отказ от предвзятости, от предрассудков и шаблонов пропаганды и "общественного мнения". Стоит пусть не согласиться, но хотя бы задуматься над последним словом Тодзио в суде: "Это всего лишь правосудие победителей"²⁵. Так это или не так, но дело честного исследователя - всегда и везде, при любых обстоятельствах - искать правду.

1. Эту же характеристику можно применить и к изданию: Рагинский М.Ю. Милитаристы на скамье подсудимых. По материалам Токийского и Хабаровского процессов. М., 1985, содержащему большое количество фрагментов из документов и стенограммы процесса, а также многочисленные фотоматериалы. Однако, как и перечисленные выше, эта книга не свободна от фактических ошибок, прежде всего в отношении сведений о подсудимых.
2. См.: "ПДВ". - 1993. - N 2, 4-6; 1994. - N 1.
3. Справочные материалы о Токийском процессе взяты в основном из книг: Николаев А.Н. Токио: суд народов. М., 1990; Minear Richard H. Victors' justice. The Tokyo war crimes Trial. Токио, 1984 и некоторых других изданий.
4. Кидо никки (Дневники Кидо). - Токио, 1966. - ТТ. 1-2.
5. Смирнов Л.Н., Зайцев Е.Б. Суд в Токио. - М., 1980. - С. 53.
6. Minear R.H. Victors' justice. - P. 104, 107-109.
7. Подробнее см.: Смирнов Л.н., Зайцев Е.Б. Суд в Токио. - С. 247-279 (глава "Нейтралитет по-милитаристски").
8. Об этом см. фрагменты его воспоминаний в русском переводе в сборнике: От Мюнхена до Токийского залива. - М., 1992. - С. 442-445.
9. См.: Смирнов Л.Н., Зайцев Е.Б. Суд в Токио. - С. 271-275. Отмечу, что Сигэмицу и Умэдзу были в числе подсудимых, вообще отказавшихся давать показания.
10. Николаев А.Н. Токио: суд народов. - С. 76.
11. Смирнов Л.Н., Зайцев Е.Б. Суд в Токио. - С. 478-479, 511-520.
12. Николаев А.Н. Токио: суд народов. - С. 76.
13. Сигэмицу Мамору. Сева-но доран (Потрясения эры Сева). - Токио, 1952.- Т. 11. - С. 92-98; также в сокращенном английском варианте: Shigemitsu M. Japan and her destiny. - London, 1958. - P. 157, 245.
14. Цит. по: Николаев А.Н. Токио: суд народов. - С. 338.
15. Там же. - С. 390.

16. Смирнов Л.Н., Зайцев Е.Б. Суд в Токио. - С. 156-246 (глава "Неудавшийся Талейран").
17. Выражение бывшего английского посла в Токио Р.Крейги, озаглавившего этими словами одну из глав своих воспоминаний: Craigie R. Behind the Japanese mask. - New - York - London. - 1945. - P. 102-103.
18. Подробнее см.: Shiroyama Saburo. War criminal. The Life and death of Hirota Koki. - Tokyo, 1990. - (Гл. X-XI).
19. См. цитаты из стенограмм допросов Окава (на процессе 1934 г.) и Хасимото (на Токийском процессе): Смирнов Л.Н., Зайцев Е.Б. Суд в Токио. - С. 62-66.
20. Там же. - С. 53.
21. Содержательный критический анализ этой проблемы: Minear R.H. Victors' Justice. - P.4 36-42, 127-134.
22. Там же. - P. 104, 108; Кодзима Нобору. Токио сайбан (Токийский процесс). - Токио, 1971. - Т. 1. - С. 109-113. Новейшая биография Мадзакки Palasz-Rutkowska E. General Masaki Jinzaburo and the Imperial Way Faction (Kodolia) in the Japanese army, 1932-1936. - Warszawa, 1990 не содержит никаких дополнительных сведений на этот счет.
23. Кодзима Н. Токио сайбан (Токийский процесс). - Т. 2. - С. 191-193.
24. Shiroyama S. War criminal. - P. 288-289.
25. Отмечу, что помимо озаглавленного этими словами исследования Минера (это также один из эпиграфов к первой, вводной главе) есть еще книга под аналогичным заглавием: Montgomery Belgion. Victor's justice. - Hinsdale, 1949.

Общественный строй традиционного Китая: взгляды отечественных историков и ученых КНР

© 1994

А.Писарев

Принадлежал ли традиционный Китай к Востоку, да и сам Восток, принадлежал ли он самому себе, - подобный вопрос может показаться шокирующим. Действительно, в европейской культурной традиции (и Россия в этом смысле не составляла исключения) от Аристотеля до Карла Маркса и Макса Вебера подчеркивалась идея о радикальных отличиях Запада и Востока. Эта мысль в предельной форме была выражена в известной поэтической фразе Р.Киплинга. Однако в российской версии марксизма (воспринятой позднее коммунистическими историками Китая) проблема Запад-Восток была растворена в схеме последовательной смены универсальных общественно-экономических формаций. Это поставило востоковедение и китаеведение, в частности, перед весьма сложными гносеологическими вопросами, решить которые в рамках “пятичленки” оказалось невозможным.

Утверждение в отечественной синологии в 20-е гг. марксистского подхода к изучению китайской истории сопровождалось, как известно, появлением двух ведущих концепций традиционного общества в Китае¹. Сторонники первой характеризовали его как феодальное, принимая, таким образом, помимо общего определения соответствующее видение основных общественных противоречий, этапов, направленности развития и т.д.

Наряду с этим в середине 20-х гг. появляется концепция “азиатского” способа производства, может быть, с наибольшей последовательностью развитая в работах Л.Мадьяра того времени². К сожалению, действительного сопоставления и соревнования идей сторонников этих двух важнейших парадигм в осмыслении традиционного Востока не произошло. Научная полемика переросла в дискуссию между политическими оппонентами. Но, думается, главная причина того, что эта концепция оказалась неприемлемой для отечественной исторической науки в начале 30-х гг., состояла не только в том, что на вопросы, выдвинутые развитием китайской революции, например, пришлось бы искать более сложные ответы. Главное заключалось в том, что само допущение возможности развития, отклоняющегося от простой и понятной схемы последовательно следующих друг за другом общественных формаций, лишало общую концепцию непоколебимой устойчивости.

В первой половине 30-х гг. теория "азиатского" способа производства была не просто вытеснена теорией феодализма, но, в сущности, запрещена. Между тем, эта концепция обладала значительными объяснительными возможностями, связанными не только с трактовкой социально-экономических отношений в странах Востока (в том числе в Китае) в эпоху средневековья, но и с феноменом отставания даже наиболее развитых стран Азии от европейских государств, что стало очевидным после превращения их в зависимую периферию³.

Восприятие китаеведами феодальной теории сразу же поставило их перед сложными теоретическими проблемами, даже, если они не осознавались первоначально в полной мере. Логика применения этой концепции требовала объяснить, почему "феодальный" Китай был оставлен далеко позади феодальной Европой, ставшей в отличие от него регионом, где зародились буржуазные отношения. Почему развитие капитализма в этой стране характеризовалось целым рядом особенностей, наконец, в чем состояли причины, обусловившие специфические черты, присущие китайской революции. Ответ на эти вопросы авторы 30-х гг. в ряде случаев искали в таких факторах, которые можно определить как "историческая событийность"⁴.

Другие историки 30-х гг. стремились объяснить отставание китайского феодального общества от западноевропейских, указывая на особенности, присущие китайскому феодализму. В их работах подчеркивалось значение особо прочного соединения земледелия и ремесла, наличие в Китае крепкой общинной системы, являвшейся основой режима "восточного деспотизма" и т.д.⁵. Объясняя отставание Китая, отсутствие в этой стране самостоятельного генезиса капитализма, эти ученые, в сущности, использовали аргументы, выдвинутые ранее сторонниками "азиатского" способа производства, однако в рамках их построений они были применены для определения специфической китайской (или китайской разновидности некоей "восточной") модели феодализма.

В послевоенный период поиски ответа на поставленные вопросы советские китаеведы вели в том же направлении, что и их предшественники - в отставании Китая повинна "историческая событийность" или же особенности, присущие "восточному" феодализму, модификацией которого является феодальный строй в Китае⁶. В частности, в монографии, посвященной итогам маньчжурского завоевания Китая, именно вторжение кочевников, подорвавшее еще слабые "ростки" капитализма, оказалось причиной отставания китайского общества⁷.

Иной более тонкий подход, гносеологически связанный с теорией "восточного" феодализма, получил разработку в трудах О.Е.Непомнина, посвященных социально-экономической истории Китая на протяжении XVIII-XIX вв. Начав в своих ранних работах с определения особенностей китайского феодализма через отдельные присущие ему специфические черты (особенности агрикультуры, преобладание экономических, а не личных форм зависимости, отсутствие барщинных форм хозяйства и т.д.), он впоследствии пришел к выводу о наличии в Китае целостной особой модели феодализма, которую предложил именовать "бинарным" феодализмом. "Бинарный" (или арендно-бюрократический, по терминологии автора) феодализм отличался от феодальных отношений, господствовавших в Западной Европе, гораздо более значительной ролью, которую играло в социально-экономической жизни общества государство. "Частное" начало, преобладавшее в Европе и связанное с институтами частно-феодального землевладения, в Китае было уравновешено влиянием государственных институтов. Именно это состояние уравновешенной "бинарности" являлось причиной особой устойчивости, стабильности китайского феодализма, мало подверженного процессу исторических изменений⁸.

Этот подход был в общем сохранен в статье, написанной О.Е.Непомниним совместно с Л.Б.Меньшиковым. Однако в него были внесены некоторые новые нюансы. Роль государства в традиционном Китае в этой публикации представлена как феномен, радикально отличный от властных институтов в Европе. Это было "класс-государство", утверждавшее свое господство путем взимания ренты-налога. Проследившая отличия "класса-государства" от форм государственного устройства, свойственных Европе, авторы статьи охарактеризовали его как "восточную деспотию" (правда, несколько непоследовательно подчеркнув, что китайская государственность была отмечена "выраженными чертами абсолютизма"⁹).

Решая проблему направленности развития "бинарного" общества, авторы отметили, что это не было характерное для Европы движение к вызреванию частной собственности, подчинившей себе в результате весь комплекс общественных отношений, а всего лишь череда циклов, представлявших из себя цепь династийно-демографических кризисов¹⁰.

В этой статье авторами была также затронута тема, весьма интересная, но трудная для историков, исходящих из тезиса об особенностях восточного общества: являлось ли различие между европейским и азиатским путями чем-то изначальным или же это случилось уже в исторические времена. По мнению авторов статьи, рубежом, разделившим развитие Европы и Китая, хронологически явился период Римской империи, а также китайских империй Цинь и Хань. Именно в эту эпоху в общественных структурах Европы доминирующую роль стало играть "частное" начало, а в Китае решающее значение приобрела государственная эксплуатация. К сожалению, исследователи не пояснили, с чем было связано расщепление единого примерно до начала новой эры пути движения человечества¹¹.

Легко заметить, что "бинарный" феодализм - это, пожалуй, наиболее последовательное развитие принципов, заложенных в теории "восточного" феодализма: его отличия от "классических" образцов выражены с наибольшей полнотой, что делает его весьма похожим на "азиатский" способ производства. Характерно, что О.Е.Непомнин и Л.Б.Меньшиков вообще отказались от употребления термина феодализм применительно к истории традиционного Китая в статье, речь о которой шла выше.

Этим попытки отечественных историков приложить к традиционному Китаю (как части Востока) феодальную парадигму не завершились. В.И.Павлов предпринял анализ "восточного" феодализма с точки зрения его стадийного развития. Хотя широко китайские материалы в это исследование не были введены, автор счел сделанные им выводы вполне приложимыми и к истории китайского феодализма. По мнению В.И.Павлова, восточное общество остановилось на стадии раннего феодализма, в связи с чем складывание феодальной земельной собственности как единого классового образования не завершилось вплоть до вторжения иностранных держав¹². Такой подход, понятно, снимает проблему автохтонного капитализма в азиатских государствах, однако возникает ряд других серьезных вопросов. Наиболее сложный из них на этот раз заключается в объяснении фатальной неспособности восточного общества преодолеть барьер, отделяющий ранний феодализм от развитого.

Внутренняя логика применения "феодальной концепции" для исследования проблем добуржуазных восточных обществ, дабы остаться последовательной, требовала еще одного шага. Действительно, исследователями были использованы все мыслимые варианты ("просто" феодализм, "восточный" феодализм, "недоразвившийся" феодализм), кроме одного - существования на Востоке "переразвившегося" феодального общества. Намек на подобный подход существует в коллективной монографии, посвященной переходу от

традиционности к современности в странах Востока. Традиционные азиатские общества в этом исследовании предстают настолько развитыми (в феодальном смысле), что для капиталистических отношений в них просто не остается места. Весьма характерно, что для выявления черт, присущих переразвитым феодальным обществам используются те же аргументы, что и для подтверждения прочих вариантов концепции феодального общества на Востоке¹³.

Представляется, что внутренняя логика развития дискуссии о модели феодального общества, господствовавшей на Востоке, свидетельствует о внутренней исчерпанности концепции феодализма, о невозможности применить ее логически непротиворечиво, не нарушив соответствия фактам, для объяснения традиционной истории государств этого региона, а также объяснить существо процессов, происходивших в них в эпоху перехода к современности. Разумеется, это в полной мере можно отнести и к истории Китая¹⁴.

Некоторое "раскрепощение" общественных наук в СССР в конце 50-х гг. благотворно сказалось на развитии советского востоковедения. Одним из проявлений этого явилась разрешенная в середине 60-х гг. дискуссия об "азиатском" способе производства. Пожалуй, подавляющее число участников обсуждения признали наличие концепции "азиатского" способа производства, по крайней мере, в работах раннего Маркса, но одновременно победила точка зрения о применимости теории феодализма при изучении истории стран Востока в средневековый период¹⁵.

Среди китаеведов, тем не менее, концепция "азиатского" способа производства получила распространение и последовательно проводится в работах некоторых из них. Именно с этой точки зрения предпринято исследование истории Китая в трудах Л.С.Васильева. По его мнению, "азиатские" общественные отношения господствовали на всем протяжении существования в Китае классового общества в императорскую эпоху и вплоть до вторжения в страну в середине XIX в. иностранных держав¹⁶. Впоследствии начался мучительный процесс изживания "азиатчины" не завершившийся в полной мере и после образования КНР. Основная черта "азиатского" способа производства для этого историка (как и для его предшественников в 30-е гг.) - это господство государственного начала, сущность которого заключалась в соединении власти и собственности¹⁷.

Представляется, что в начале 90-х гг. идея о кардинальных отличиях в исторических судьбах Востока и Запада, а следовательно и концепция "азиатского" способа производства находит все большее число сторонников, даже, если они по тем или иным соображениям перестают пользоваться языком марксистской парадигмы (формация, способ производства) и предпочитают говорить о различиях, имеющих "цивилизационный характер"¹⁸. В связи с этим вновь и весьма настоятельно заявляет о себе проблема: когда и почему развитие единого человечества разделилось на западную и восточную ветви.

В.В.Макаренко связал это с особенностями географической среды, определявшей условия становления классового общества на Западе. Причем для автора, и это стоит подчеркнуть специально, географическая среда - это главным образом формация организации "ландшафтной сферы". Формация же (автор не отвергает формационного подхода) - "это историческая форма организации географической среды"¹⁹. Таким образом, автор сводит, в сущности, ту или иную формацию к особенностям ландшафта, упуская при этом из виду, что географическая или природная среда помимо ландшафта, играющего, несомненно, чрезвычайно важную роль, включает и климат и почвы и прочие важные компоненты. В связи с этим несколько противоречащим изначальным посылкам выглядит весьма важный вывод автора о том, что "доминирование европейцев в мире в домашинный период было связано со способностью их

культурно-хозяйственного типа к безграничной экспансии вдоль пояса земель, пригодных для пашенного земледелия, охватывающего практически весь мир"²⁰.

Различия в типах географической среды (а следовательно различные формации) предопределили господство своеобразных типов развития, свойственных Западу и Востоку. В первом случае это был кризисный и одновременно поступательный механизм развития, в условиях которого кризис одновременно являлся и стимулом к изменению социальной структуры. На Востоке, напротив, господствовала, как это было, например, в Китае "катастрофическая и циклическая" форма развития, в условиях которой кризис общественных институтов всякий раз разрешался возвращением к изначальным социальным установлениям²¹.

По мнению Э.С.Кульпина, "бифуркация", т.е. "раздвоение" общественной эволюции человечества на западный и восточный пути, были результатом различной "реакции" естественной среды, а следовательно и человеческого общества на похолодание начала второго тысячелетия до новой эры. Если до того раннеклассовые общества Греции и Китая развивались приблизительно в одном направлении, то с середины второго тысячелетия до новой эры "...Греция и Китай избрали разные и, как показала история, необратимые дороги. Однако действительно новый канал эволюции "открыла Греция. Китай же вернулся на "круги своя", к восточному деспотизму..."²². Похолодание и аридизация в Китае, в том числе и в Железном веке, вызвали обеднение видового богатства растений и животных. Это имело своим следствием возвышение земледелия, а в нем - зерноводства, как основного источника питания. Упор на зерновые в условиях рельефа, пригодного к распашке на больших площадях привели к сплошной обработке пригодных для сельского хозяйства земель и одновременно стимулировали рост населения. В результате уже в древности сформировались основные черты, определявшие облик традиционного китайского общества на протяжении почти двух тысяч лет его истории: неизменность территории расселения суперэтноса, высокий уровень демографического давления, неизменность порядков жизни²³.

В завершении обзора существующих в отечественной синологии теорий природы доколониального общества в Китае, следует подчеркнуть следующее. Гносеологически именно теория "азиатского" способа производства (или "восточного" общества для тех, кто не разделяет формационного подхода и марксистской парадигмы) может составить наиболее сильную конкуренцию концепции феодализма в Китае. Она прошла проверку и, думается, удачную в работах Л.С.Васильева, однако в основном применительно к "раннеимператорскому" Китаю. Что же такое китайская модель "азиатского" общества на рубеже традиционного и "нового" его состояния, тем более каковы его черты в условиях модернизации, пока остается не вполне ясным.

Становление марксистской историографии в Китае в основном происходившее на протяжении 40-50-х гг. и после образования КНР, привело к утверждению примерно той же схемы общественного развития, которая сформировалась в советской историографии. В своем большинстве историки КНР приняли вывод о том, что в Китае имела место последовательная смена рабовладельческого способа производства феодальным, причем феодализм миновал те же стадии развития, что и в Европе, и к 16-17 вв. достиг этапа позднего феодализма²⁴. Эта концепция на долгие годы приобрела не только общепринятый, но непререкаемый характер, что было связано с драматической внутрисполитической борьбой, развернувшейся в КНР в 60-70-е гг.²⁵

Постепенный отход от этой теории происходит лишь в конце 70-х гг., когда в китайском обществе началась переоценка опыта развития за годы коммунистической власти, сопровождавшаяся поисками истоков трагических

ошибок, совершенных в годы "культурной революции". В начале 80-х гг. были созданы конференции, посвященные фундаментальным проблемам социально-экономического развития китайского общества: вопросам социально-экономической истории Китая с эпохи Сун до начала XX в.²⁶; проблемам "азиатского" способа производства²⁷; истории генезиса капитализма в Китае²⁸. Обсуждение проблем общего и особенного в истории Китая пока не привело к появлению в литературе КНР крупных обобщающих работ, в основу которых положены новые подходы. Главным образом - это статьи, число которых в настоящее время насчитывает много более ста²⁹.

Неудовлетворенность историков КНР прежней концепцией социально-экономического развития Китая в традиционную эпоху проистекает, как представляется, из осознания того, что на ее основе трудно найти объяснения феномену отставания китайского общества, ставшему очевидным в конце XIX в., и не преодоленном окончательно в конце XX столетия. Подобно советским коллегам, современные китайские историки, давая ответ на этот вопрос, указывают на существенные особенности феодальных отношений в Китае, что позволяет охарактеризовать этот подход как концепцию "китайской модели феодализма" или, следуя терминологии, укоренившейся в отечественной литературе, "восточного" феодализма.

Сторонники этого подхода, подобно российским коллегам, не выработали единого представления о сущности "китайской модели" феодализма. Некоторые из авторов выдвигают на первый план какую-то наиболее существенную черту феодальных отношений, другие указывают на совокупность особенностей, присущих феодализму в Китае. Большинство историков, придерживающихся этого подхода, усматривают сущность "китайской модели" феодализма в той роли, которую играла в этой стране государственная власть, которую обычно определяют как "систему феодального абсолютизма" (фэнцзянь чжуанчжи чжиду).

В качестве примера подобного подхода можно привести статью Пан Чжохэна, посвященную сопоставлению форм политического устройства Западной Европы и в Китае. По мнению этого историка, между ними существовали глубокие различия. В Китае "абсолютизм" базировался на натуральных связях мелкого крестьянского хозяйства, а в Европе являлся политической надстройкой над сложившимся буржуазным способом производства. Существовали также коренные особенности, связанные с генезисом политических институтов в средневековой Европе и в Китае. В первом случае абсолютизм - это результат развития учреждений сословного представительства, неизвестных в истории Средней империи. Если абсолютизм в Западной Европе в конечном счете способствовал ослаблению феодального строя, то в Китае он, напротив, стремился к увековечиванию своей экономической базы - патриархального мелкого крестьянского хозяйства. Следует подчеркнуть, что рассуждения, содержащиеся в этой публикации, будучи основанными на весьма точных наблюдениях, заставляют, тем не менее, усомниться в сходной природе политической власти в традиционном Китае и добуржуазной Европе. В связи с чем представляется сомнительной применимость к столь несхожим мирам термина "феодальный абсолютизм".

С точки зрения Дай И, Ли Вэньхя и Ло Мина, важнейшей особенностью политических институтов в Китае (а следовательно "китайской модели" феодализма) было влияние, которому они подвергались со стороны социальных организаций, основанных на родственных связях. Воздействие патриархальных социальных институтов, основанных на главенстве старейшины рода, проявлялось в отношении правителя всего Китая к Средней державе как собственной патронимии. Именно система кланов-патронимий, с другой стороны,

являлась основой императорской власти, что придавало последней особую прочность и консерватизм. При этом и в глазах подданных верховный правитель ассоциировался с главой клана. Итак, по мнению авторов этой статьи, особенности китайской разновидности "восточного" феодализма заключались в особой, отличной от европейских, форме коллективности (можно было бы сказать "общины". - А.П.), сущность которой состояла в господстве патронимических институтов³⁰.

По мнению некоторых историков, особенности феодальных отношений в Китае определялись специфическими чертами, присущими "феодальному" землевладению. С точки зрения Линь Ганьцюаня, если в средневековой Европе господствовала "феодально-крепостническая" форма организации земельной собственности (линчжу чжи синтай), то в Китае - тип, названный им "помещичьим" феодализмом (дичжу чжи синтай)³¹. Разница между ними состояла в том, что в Европе феодальная собственность была "самодостаточной" - феодальное поместье представляло из себя замкнутый микрокосм в экономическом и политическом смысле, что придавало ему статус почти независимого государства. Наиболее же существенной чертой китайского "помещичьего" феодализма было то, что он самым тесным образом был связан с централизованной государственной властью. Перед лицом верховного правителя-деспота сословные различия представлялись второстепенными, что проявлялось, например, в отсутствии сословных ограничений в области распоряжения земельной собственностью. Как известно, в традиционном Китае земля могла свободно продаваться и покупаться вне зависимости от принадлежности к тому или иному общественному слою. Еще одной важнейшей чертой "помещичьего" феодализма являлось то, что китайские "помещики" были лишены политических и административных прав в отношении крестьянства, которыми располагали западноевропейские феодалы. Следует подчеркнуть, что подобная трактовка особенностей господствующего класса в традиционном китайском обществе, вообще ставит под сомнение применимость для анализа китайских реалий таких категорий, как "феодал", "помещик"³².

Фу Чжифу, отметивший негативную роль, которую сыграли мощные государственные институты традиционного Китая, истощавшие общество налоговой эксплуатацией, не ограничился этим обстоятельством. Он весьма точно определил особенности, связанные со статусом городов в традиционном Китае. В китайском державе, в отличие от Европы, где города пользовались автономией, городская жизнь была полностью подчинена верховной деспотической власти, а сами города превращены в важнейшее звено ее политического господства. Это обстоятельство оказало воздействие на положение цеховых организаций в китайском городе. В отличие от Европы, они так и не стали организациями, предназначенными для защиты интересов горожан от посягательств со стороны верховной власти, а без этого, как подчеркнул Фу Чжифу, развитие буржуазных отношений в городах было вряд ли возможно³³.

Очевидно, полагая недостаточными рассуждения, ограниченные рамками типологических особенностей китайского феодализма³⁴, часть историков КНР, подобно российским коллегам, обратила внимание на проблему уровня социального и экономического развития, достигнутого традиционным китайским обществом. Именно со стадией развития феодального способа производства они связали различия в социально-экономических отношениях в эпоху средневековья в Китае и Западной Европе. Впервые такой подход, насколько мне известно, был изложен в работах Лю Чана. Его концепция весьма близка точке зрения В.И.Павлова, о которой речь шла выше: вступив на путь феодализации, китайское общество так и не смогло пройти его до конца, остановившись на рубеже, отделяющем ранние феодальные отношения от

развитых. В результате в старом Китае отсутствовали главные черты, присущие развитому феодализму, такие, как превращение лично свободных крестьян в крепостных, образование феодальных поместий, "полицентризм" в обществе, в основе которого лежит политическая борьба между королевской семьей, сеньорией, свободным городом³⁵. Основанное на весьма точных наблюдениях, подобное объяснение, как было отмечено выше, само нуждается в дополнительных разъяснениях: почему на протяжении почти двух тысячелетий китайское общество так и осталось "раннефеодальным"?

В ходе дискуссии, развернувшейся вокруг статьи Лю Чана, было высказано и прямо противоположное мнение. С точки зрения некоторых историков, китайский феодализм представлял из себя более развитую форму, превосходившую модель, утведившуюся в Западной Европе (именно в этом, как ни парадоксально, с точки зрения сторонников этого подхода, крылись основные причины того, что капиталистические отношения в Китае до вторжения иностранных держав так и не сложились). Наиболее обстоятельно, как представляется, этот подход был аргументирован в статье Се Тяньцзо и Ван Цзяфана. Сразу бросается в глаза, что для обоснования своей позиции они привлекли доводы, широко использовавшиеся сторонниками других концепций. По мнению этих ученых, основной отличительной чертой китайского феодализма было отсутствие крупных поместий, основанных на труде крепостных³⁶. Итак, для одних историков отсутствие крупного феодального землевладения (а, что в таком случае вообще остается от феодализма?) - свидетельство "китайской" модели феодализма, для других - "недоразвившегося" феодального общества, для третьих - "переразвившихся" феодальных отношений.

Подводя итоги освещению взглядов сторонников существования в Китае особого феодального общества (будь то "китайская" модель феодализма, "недоразвившийся" или "переразвившийся" феодализм), отметим, что при всем разнообразии подходов и оценок, наиболее важное отличие традиционного китайского общества от европейского средневекового они усматривают, в сущности, в особой роли верховной власти. Она предстает как нерасчлененное единство политических (властных), экономических, сакральных, духовных функций. Помимо этого фактора, важность которого несомненна для большинства историков, принявших участие в дискуссии, китайскими учеными, как и их советскими коллегами, были высказаны и другие важные соображения. В частности, отмечено отсутствие жестких сословных различий, указано на особенности, характеризовавшие статус города и горожан в традиционном Китае, подчеркнута значение такой формы социальной организации, как патронимия.

Все это свидетельствует, на мой взгляд, о двух вещах. Во-первых, о гносеологических и "историко-фактологических" сложностях, с которыми сталкиваются историки КНР (подобно своим российским коллегам, сохраняющим приверженность феодальной теории), пытаясь применить концепцию феодализма для исследования отношений традиционного китайского общества. Второй вывод состоит в том, что подвергнутые ими анализу особенности "феодального" Китая настолько значительны, что складываются в картину иной "нефеодальной" общественной структуры³⁷. В отличие от прежних лет особенностью общественной обстановки в КНР, в которой разворачивались дискуссии 80-х гг., было то, что разрешалось высказывать взгляды, ранее считавшиеся крамольными. Это ярко проявилось в ходе дискуссии об "азиатском" способе производства. Ее участники не только признали, что эта теория была неотъемлемой составной частью марксистской теории способов

производства, но и высказали мнение, что "азиатский" строй господствовал в Китае и других странах Востока на протяжении целых исторических эпох.

Подобная точка зрения была обоснована в статье У Дакуня, высказавшего убеждение, что в Китае "азиатский" способ производства сложился уже в глубокой древности и определял характер общественных связей на всем протяжении его истории вплоть до вторжения иностранных держав. Переход к "азиатскому" способу произошел уже в чжоуском обществе. В период Чжаньго-Чуньцю он достиг полной зрелости, а со времени правления династии Цинь начался его расцвет. Развитые отношения "азиатского" способа производства характеризовались полной концентрацией и централизацией власти в руках верховного правителя-деспота, опиравшегося на слой разветвленной бюрократии. Организованное таким способом государство было основным эксплуататором крестьянства, не подвергнувшись, в отличие от феодальной Европы, закреплению и имевшего возможность совершать земельные сделки и покидать свои наделы в случае неурожая и стихийных бедствий. В этой общественной системе, по мнению У Дакуня, доминировала одна черта, характерная именно для "азиатского" способа производства, - тотальное господство бюрократии, противостоящей мелкому крестьянскому землевладению.

Этому способу производства были свойственны некоторые внутренние механизмы, не позволявшие перейти к более высокой ступени общественного развития. Существовавшие в Европе сословные ограничения в области землевладения побуждали зарождающуюся буржуазию вкладывать капиталы в развитие торговли и промышленности. В Китае же торгово-ремесленные слои, испытывавшие постоянное давление со стороны государственных институтов и одновременно в силу отсутствия сословных ограничений обладавшие возможностью покупки земли, реализовывали капиталы чаще всего именно таким образом. В результате произошло сращивание различных форм эксплуатации: торговой, ростовщической, арендной. По этой причине в Китае вплоть до вторжения иностранных держав так и не сформировался однородный класс национальной буржуазии. В подобной социальной системе, отметил У Дакунь, борьба эксплуатируемых всякий раз завершалась установлением власти новой династии и не сопровождалась коренными переменами в общественном строе, подобными тем, которые имели место на завершающей стадии развития феодализма в Западной Европе³⁸.

В современной научной литературе КНР есть и другие трактовки "азиатского" способа производства. Некоторые историки полагают, что он господствовал в тот период, когда, как принято считать, существовало рабовладельческое общество³⁹. Другие утверждают, что эта концепция наилучшим образом соответствует первой стадии формирования рабовладельческого способа производства⁴⁰.

Теоретическая и методологическая близость концепций отечественных и китайских историков, а также общность проблем, с которыми они сталкиваются при изучении добуржуазного общества в Китае и его развития в капиталистическую эпоху (что, конечно, не удивительно, поскольку ученых двух стран до последнего времени объединяла приверженность марксистской парадигме исторического процесса), позволяет высказать некоторые предположения относительно возможных перспектив развития дискуссий. Приведенный выше очерк оценок и суждений свидетельствует, что историки двух стран "перебрали" все логически возможные варианты в рамках формационной теории⁴¹. Сложившаяся ситуация оценивается некоторыми китайскими историками пессимистически, что побуждает их заявлять о "кризисе" исторической науки⁴². Часть историков КНР в настоящее время

возлагает особые надежды на использование в исторических исследованиях методологии естественных наук, количественных методов и т.д.⁴³

В существующем положении для китаеведов двух стран открывается ряд путей: первый - сохранить верность "пятичленной" схеме; второй - вновь обратиться к ее разработке, но теперь уже не считая себя связанными соображениями, лежащими вне стремлений к научному познанию. Наконец, третий состоит в том, чтобы отбросить марксистский подход. Первый путь в отечественной науке, как представляется, уже невозможен, а в китайской еще возможен, так как отказ от "пятичленки" и особенно от феодальной парадигмы ставит под сомнение всю принятую ныне в КНР теоретическую схему китайской революции и, таким образом, будет превращаться в фактор, подрывающий основы легитимации правящего режима. Тем не менее, можно утверждать, что взгляд на традиционное китайское общество как феодальное, безусловно стал достоянием прошлого и не имеет перспектив ни в отечественной, ни в китайской литературе. В ходе нынешнего этапа дискуссии о характере докапиталистического строя на Востоке в нашей литературе голоса сторонников существования феодализма в Китае не слышны и вряд ли будут услышаны. Китайские коллеги, пока продолжающие придерживаться феодальной теории, обставили ее, как было показано выше, столькими оговорками, что в сущности, от самого феодализма в этих подходах ничего не остается.

Думается, что в нынешней интеллектуальной ситуации, характеризующейся разочарованием в марксизме и формационной парадигме, чье значение пало предельно низко в силу совершившихся "от ее имени" в течение десятилетий насилий над фактами (для подтверждения "пятичленного" варианта парадигмы), возвращение широкого интереса к творческой разработке марксистской теории вряд ли возможно. По-видимому, будут множиться альтернативные марксизму подходы, один из которых представлен столь популярным ныне цивилизационным. В сущности, его принятие означает попытку обрести взгляд на Восток "как на Восток", на Китай - "как на Китай", отвергнув при этом европоцентризм, являвшийся основой "пятичленки". Если в настоящее время доминирует восприятие цивилизаций как в первую очередь комплексов духовных отношений (и в этом находит выражение внутренняя полемика с марксизмом), то не вызывает сомнений, что с позиций цивилизационного подхода и на его основе можно подходить к анализу и социальных и экономических явлений. Таким образом, можно сказать, что концепция "азиатского" способа производства наконец-то одержала победу, но вне рамок самой концепции способов производства. В пользу этого вывода свидетельствуют, думается, и результаты изучения традиционного общества в Китае в западной литературе, в которой мы не найдем большей частью формационного подхода и термина "азиатский способ производства, но зато без труда отыщем взгляд на Китай как "истинно" восточное общество⁴⁴.

1. Весьма подробно дискуссии по этой проблеме были освещены в кн.: В.Н.Никифоров. Советские историки о проблемах Китая. - М. - 1970.
2. Цель, которую поставил перед собой Л.Мадьяр, состояла в том, чтобы исследовать особенности формирования капитализма в китайской деревне первой половины XX в., исходя из его столкновения с продолжавшим господствовать в системе аграрных отношений "азиатским" способом производства. Это была достойная уважения, но не всем удачная попытка. Автор, ограниченный уровнем синологии того времени, не смог сформулировать с достаточной четкостью в чем же, с его точки зрения, состояли основные черты "азиатских" производственных отношений именно в истории Китая. Это обстоятельство было аргументированно подчеркнуто его критиками,

- отметившими, что в книге Мадьяра не нашли обоснования такие выделяемые сторонниками "азиатского" способа производства черты, как отсутствие частной собственности на землю, наличие системы "азиатских" общин, восточной деспотии и т.д. (См.: Л.Мадьяр. Экономика сельского хозяйства в Китае. М.-Л. - 1928. - Предисловие. - С. X).
3. Однако не все из тех, кто в 30-е гг. являлся сторонником "азиатского" способа производства впоследствии отказались от этой теории. Например, С.А.Далин, преподававший в первой половине 20-х гг. в Университете им. Сунь Ятсена, в своих лекциях определял традиционное китайское общество как феодальное. Однако после того, как во время революции 1925-1927 гг. ему довелось побывать в Китае, его представления в корне изменились: "Теперь, пройдя пешком более 300 километров по китайским деревням, по местам, где, возможно, нога европейца не ступала, я усомнился в правильности того, чему учил своих студентов. Мы видели здесь остатки не феодального, а того строя, который К.Маркс и Ф.Энгельс называли азиатским способом производства или восточным обществом. (С.А.Далин. Китайские мемуары. - М. - 1982. - С. 271-272).
 4. П.Гриневич. К вопросам истории китайского феодализма. // Проблемы Китая. - 1935. - N 14. - С. 259. Думается, подобные объяснения в свою очередь требовали дополнительных пояснений. Например, столь важный для Гриневича в рамках его подхода феномен совпадения пика развития торгово-ростовщического капитала и ослабление централизующего государственного начала.
 5. См. напр.: Л.И.Думан. Новая история Китая. Лекции. - М.-Л. - 1939.
 6. Анализ концепции "восточного" феодализма см.: В.Н.Никифоров. Феодализм на Востоке или "восточный феодализм"? // Народы Азии и Африки. - 1984. - N 1; А.И.Фурсов. Восточный феодализм и история Запада: критика одной интерпретации. // Там же. - 1987. - N 4.
 7. Маньчжурское владычество в Китае. М. - 1966. - С. 19.
 8. О.Е.Непомнин. Социально-экономическая история Китая (1894-1914). М. - 1980. - С. 7.
 9. О.Е.Непомнин, Л.Б.Меньшиков. Синтез в истории Китая. - Ориентация поиск - Восток в теориях и гипотезах. М. - 1992. - С. 160.
 10. Там же. - С. 159.
 11. Там же. - С. 157.
 12. Е.М.Жуков, М.А.Барг, Е.Б.Черняк, В.И.Павлов. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М. - 1979. - С. 227.
 13. Эволюция восточного общества: синтез традиционного и современного. - М. - 1984. - С. 5-20.
 14. Можно упомянуть также концепцию В.П.Илюшечкина, являющуюся, в сущности, модификацией теории "вечного" феодализма. Правда, автор предлагает именовать добуржуазные классовые общества не феодальными, а "сословно-классовыми". По его мнению, существовал единый для всех добуржуазных классовых структур способ производства. Ему лишь сопутствовали различные формы эксплуатации (рабство, крепостничество, рентно-налоговая и т.д.), но связанные не стадийно, а типологически (В.П.Илюшечкин. Сословно-классовое общество в истории Китая. - М. - 1986). Эта точка зрения, претендующая на то, чтобы снять противоречия марксистской теории добуржуазных обществ, не позволяет ответить на ключевой вопрос: почему в одних сословно-классовых обществах произошел переход к капитализму, в других - нет.
 15. Характеризуя значение победы сторонников феодализма над приверженцами "азиатского" способа производства, Л.А.Седов писал: "Эта победа на деле означала пиррову победу, ибо верх одержал подход, по сути, расширенный за пределы разумных объяснительных возможностей и, следовательно, выхолощенный термин." (Л.А.Седов. К типологизации средневековых общественных систем. // Народы Азии и Африки. - 1987. - N 5. - С. 51).
 16. Л.С.Васильев. Феномен власти-собственности. К проблеме типологии докапиталистических структур. - Типы общественных отношений в средние века. М. - 1982. - С. 96; Его же. Что такое "азиатский" способ производства? // Народы Азии и Африки. - 1988. - N 3. Сформулировав свое видение этой теории, Л.С.Васильев, к сожалению, не дал ответа на вопросы, поставленные ее критиками еще в 30-е гг. Например, была ли в Китае накануне вторжения иностранных держав община, а если была, то какова ее форма; что представлял из себя слой китайских "помещиков", если он вообще существовал; что такое отношения земельной собственности в

обществе, где земельные сделки, кажется, могли совершаться почти свободно и при этом господствовала государственная собственность на землю.

17. См.: Л.С.Васильев. "Азиатский" (государственный) способ производства и Китай. // 18 научная конференция "Общество и государство в Китае". - Ч. 1. - М. - 1987. - С. 211-212.
18. Совершенно очевидно, что простой заменой термина "формация" пока еще не вполне определенным понятием "цивилизация" отечественным историкам вряд ли удастся найти выход из теоретического и методологического тупика, в котором оказалась наша историческая наука. Участник обсуждения проблем цивилизационного развития на страницах журнала "Восток" Н.А.Сосновский, думается, справедливо заметил: "Сегодня термин "цивилизация" служит синонимом многих понятий, из которых лишь одно - "локальная" цивилизация - удовлетворяет требованиям цивилизационного подхода. Именно оно и употребляется историками. Но оно не дает цивилизационному подходу ничего нового по сравнению с наукой прошлого века" (Восток. - 1992. - N 4. - С. 21).
19. В.В.Макаренко. Географическая среды в формационном развитии Востока и Запада. - Ориентация поисков... - С. 136.
20. Там же. - С. 149.
21. Там же. - С. 143.
22. Э.С.Кульпин. Бифуркация Запад-Восток и экологический императив: о концепции развития Н.Н.Моисеева. // Восток. - 1993. - N 1. - С. 8.
23. Там же. - С. 10.
24. Обзор некоторых концепций китайских историков см.: Э.П.Стужина. Современная китайская историография о проблемах социально-экономической истории Китая в поздние средневековье. - Современная историография стран зарубежного Востока. - Китай. - М. - 1963; Ю.М.Парфионович. Китайские историки о зарождении капитализма в Китае. // Народы Азии и Африки. - 1957. - N 4.
25. В эти годы историки КНР прямо писали о том, что их задача заключается не в постановке и разрешении научных проблем, а в подтверждении неких "классических" формул. Так, известный китайский историк Шан Юэ в предисловии к сборнику статей, посвященных генезису капитализма, писал: "Наш замысел был прост: опираясь на указание председателя Мао о том, что в недрах китайского феодального общества в результате развития товарно-денежных отношений еще до 1840 г. появились "ростки" товарно-денежных связей, показать, что и без влияния иностранного капитала китайское общество постепенно развилось бы в капиталистическое". (Шан Юэ. Изучение социально-экономических форм в период Мин и Цин. - Шанхай. - 1957. - С. 1).
26. Обзор материалов соответствующей дискуссии см.: Чжунго шэхай кэсюэ. - 1981. - N 3. - С. 119-130.
27. Изложение результатов конференции об "азиатском" способе производства см.: Чжунго ши яньцзю. - 1981. - N 3. - С. 3-17.
28. Наньцзин дасюэ сюэбао. - 1981. - N 3. - С. 88-90.
29. Бай Ган. Возникновение и развитие дискуссии о причинах длительности существования феодального общества в Китае. Пекин. - 1984. - С. 277.
30. Дай И, Ли Взньхай, Ло Мин. О феодальном деспотизме в истории Китая. // Шэхай кэсюэ чжаньсянь. - 1981. - N 2. - С. 123.
31. Линь Ганьцюань. Гуанмин жибао. - 13 ноября 1979 г.
32. Определение "помещичий" крайне неудачно, что в настоящее время широко признается отечественными историками. Однако оно было использовано в данном случае при изложении взглядов Линь Ганьцюаня, поскольку именно так обычно передается в переводе содержание китайского термина "дичжу".
33. Фу Чжуфу. О некоторых особенностях социально-экономического развития Китая. // Цзинцзи яньцзю. - 1978. - N 7. - С. 37.
34. Не останавливаясь на этой теме специально, отметим, что для некоторых китайских историков наиболее типичной чертой китайского феодализма было господство свободного мелкокрестьянского землевладения (см.: Ван Цуньчай. Коренная причина длительности существования феодального общества в Китае. Сюэшу юэкань. - 1981. - N 10. - С. 41). Другие авторы предлагают обратить особое внимание на формы общественного сознания, идеологию и т.д.. (Чэнь Мин. Взаимоотношения между экономической структурой и общественными традициями. // Сюэси юй таньсо. - 1981. - N 5. - С. 50).

35. Лю Чан. О причинах длительности существования феодального общества в Китае. // Лиши яньцзю. - 1981. - N 2. - С. 21.
36. Се Тяньцзо, Ван Цзяфань. Воспроизводство в китайском феодальном обществе и историческое значение крестьянских войн. // Лиши яньцзю. - 1981. - N 2. - С. 23.
37. Американский китаевед А.Дирлик в статье, посвященной развитию взглядов китайских историков на характер общественных отношений в доколониальном обществе, верно отметил: "Историкам КНР стоило большого труда применить концепцию феодализма к истории китайского общества. Отрицание феодализма обычно означало отход к т.н. "азиатскому" способу производства, однако эта концепция по ряду причин неохотно использовалась китайскими историками". (A. Dirlik. The universalization of a concept: "Feudalism" to feudalism in Chinese Marxist Historiography. // Journal of peasant studies. Leiden. - 1985. - Vol. 12. - 2-3. - P. 199).
38. У Дакунь. Взгляд на место азиатского способа производства с широкой политэкономической точки зрения. // Сюэшу яньцзю. - 1980. - N 1. - С. 15.
39. Линь Ганьцюань. Азиатский способ производства и древнекитайское общество. // Чжунго ши яньцзю. - 1981. - N 3. - С. 140.
40. Тянь Чанью. Вопросы к вопросу об азиатском способе производства. // Чжунго ши яньцзю. - 1981. - N 3. - С. 95.
41. В китайской исторической литературе, подобно отечественной, существуют сторонники единой докапиталистической формации, основанной на эксплуататорских отношениях. С точки зрения Ху Чжунда, такая формация может быть определена как "феодальная в широком смысле слова" (Ху Чжунда. О проблеме азиатского способа производства и критике пятичленной схемы. // Чжунго ши яньцзю. - 1981. - N 3. - С. 41). В более поздней работе этот историк предложил называть подобную единую формацию "личностной", поскольку присущие ей социально-экономические связи базируются на личной зависимости (Ху Чжунда. Еще раз о пятичленной схеме. // Лиши яньцзю. - 1986. - N 1. - С. 34).
42. Вэнь Жуй. Обзор материалов конференции по методологии истории. // Шэньси шида сюэбао. - 1986. - N 1. - С. 118.
43. Цянь Сюэлинь, Шэнь Дадэ, У Тинцзя. Используя научный метод системного анализа, привносить количественные методы в историческую науку. // Лиши яньцзю. - 1986. - N 4. - С. 14.
44. Именно это обстоятельство я стремился подчеркнуть в специальной публикации, посвященной некоторым концепциям, существующим в западной литературе в связи с вопросом о характере традиционного китайского общества (А.А.Писарев. Традиционный Китай и капитализм: некоторые концепции и оценки современных западных историков. // Вестник МГУ. Серия Востоковедение. - 1990. - N 3). См. также: А.И.Фурсов. Развитие азиатских обществ в XVIII - начале XX в.: современные западные теории. Научно-аналитический обзор. - М. - 1990.

Поход НОАК в Тибет (1950-1951)

© 1994

Б.Горбачев

Политическая обстановка в Тибете в годы, предшествовавшие образованию КНР, складывалась достаточно сложно. Дело в том, что в результате Синьхайской революции и падения цинской династии исчезла сама основа, определявшая статус Тибета в составе империи, - система вассалитета тибетского первосвященника далай-ламы непосредственно перед императорской династией Цин. Политические и военные попытки Юань Шикая сохранить китайские позиции в Тибете оказались безуспешными. Вернувшийся в 1913 г. из изгнания в Индии XIII далай-лама своей внутренней и особенно внешней политикой показал, что ему удалось добиться фактической независимости Тибета от Китая.

По оценке западных специалистов, международные дела Тибета с 1913 по 1950 г. велись исключительно тибетским правительством. Страны, с которыми имел отношения Тибет, признавали, что заключают официальные документы с независимым государством¹. Неоднократные попытки гоминьдановского правительства "вернуть" Тибет в состав "единого Китая" оказались безуспешными.

Летом 1949 г. отношения между Китаем и Тибетом сложились следующим образом. Накануне военного и политического краха Чан Кайши тибетское правительство 9 июля 1949 г. приняло решение о немедленной высылке из Тибета всех китайцев, а 4 ноября объявило о независимости Тибета и обратилось за помощью к иностранным государствам. Тибетские правители считали, что "почти невесомые узы между Тибетом и Китаем, сохранившиеся после революции 1911 г., утратили смысл, когда в Китае произошла новая революция, в результате которой создано чисто коммунистическое государство. Между кардинально противоположными мировоззрениями, господствовавшими в Китае и в Тибете, примирение невозможно"².

Руководство КПК имело свои соображения на этот счет. Оно выразило свою позицию накануне провозглашения КНР 2 сентября 1949 г. в специальной статье агентства Синьхуа по тибетскому вопросу. В ней была оценка высылки тибетскими властями китайцев, цель которой, по словам Синьхуа, "заключалась в том, чтобы не только лишить тибетский народ возможности обрести свободу в тот момент, когда китайская Народно-освободительная армия освобождает весь Китай, но также лишить Тибет независимости и свободы и превратить его в колониального раба иностранного империализма". Агентство Синьхуа заявляло: "Китайская Народно-освободительная армия освободит всю территорию Китая, включая Тибет, Сикан, острова Хайнань и Тайвань. Она не позволит ни одной

пяди китайской земли остаются вне власти Китайской Народной Республики"³.

Как было официально заявлено китайской стороной, поход НОАК в Тибет преследовал две цели: "Освобождение тибетских соотечественников от империалистического угнетения и укрепление обороноспособности западной границы Родины"⁴.

Выступая перед международной комиссией юристов 14 ноября 1959 г., XIV далай-лама по этому поводу говорил: "Китай заявил в 1950 г., что пришел освобождать Тибет от иностранных империалистов. Сколько было иностранцев в Тибете до вторжения? Ответ: очень мало. Заявления, что в Тибете хозяйничают империалисты, неправдивы и безосновательны. Были индийские торговые представители в Гьянгдзе, Ятунге и Тхоенгари (Гартоке). Непальские офицеры аккредитованы в Шигадзе, Гьянгдзе, Ниаронге и Куйтунге... Было два английских радиста Р.Фокс и Р.Форд, белый русский мистер Небилов, который использовался тибетским правительством как инженер-электрик, австриец Г.Харрер, строивший ирригационные каналы к югу от Лхасы, и немец П. Ауфшнайтер, советник по строительству электростанции в Лхасе"⁵. Все они были беженцами из английских лагерей интернированных лиц в Индии периода второй мировой войны. Никто из них, по словам далай-ламы, не имел отношения к военным проблемам. Китайской разведке также была известна реальная ситуация в Тибете. О ее действиях далай-лама слышал еще в 1948 г. "Шпионы китайских коммунистов, - писал он, - пытались определить, насколько сильна наша армия, получаем ли мы военную помощь. Нетрудно было установить, что мы далеки от получения иностранной военной помощи"⁶.

В действительности у США и Англии все же существовали планы предоставления военной помощи тибетским властям, преимущественно в виде поставок вооружения⁷. Определенное количество поставок было даже осуществлено, о чем свидетельствуют трофеи, захваченные в последующем НОАК в Тибете⁸. Правда, они были не столь велики, чтобы иностранную помощь можно было оценивать как "широкий поток вооружений и боеприпасов".

Несомненно, что китайские руководители специально преувеличивали империалистическую угрозу в этом регионе, чтобы сделать более убедительными причины похода НОАК в Тибет. Цели борьбы с империалистическими силами в тот период были близки и понятны как китайскому народу, так и народам многих государств, в то время как действительная ситуация в этом отдаленном и изолированном уголке мира для большинства оставалась неизвестной.

Таким образом, основной целью похода китайской армии в Тибет являлось присоединение этого района к Китаю, что значительно расширило территорию создаваемой КНР, улучшало военно-стратегическое положение Китая, не допускало создание тибетского независимого государства, которое находилось бы вне китайского контроля и влияния.

В январе 1950 г. ЦК КПК и Военный совет ЦК КПК направили директиву Юго-Западному бюро ЦК КПК немедленно начать подготовку к походу в Тибет, выделив для этого в качестве главных сил войска 2-й полевой армии, которые должны были взаимодействовать с частями Северо-Западного военного округа⁹. "Как только в январе 1950 г. закончилось освобождение Юго-Западного Китая, - вспоминал командующий войсками, совершившими поход в Тибет, Чжан Гохуа, - мы получили почетную задачу пойти походом в Тибет... Командующие Лю Бочэн, Хэ Лун и политкомиссар Дэн Сяопин передали нам директиву председателя Мао Цзэдуна"¹⁰.

Этим трем лицам и было поручено практическое планирование операции. Вместе с тем каждый из них отвечал за свой участок в подготовке похода. Дэн Сяопин как политический деятель имел более высокое положение и указывал общую линию действий, о чем говорит неоднократно цитируемая в различных источниках его директива войскам: "Решительно проводить курс и политику КПК, что имеет решающее значение для нашего похода по освобождению Тибета. Выступая в Тибет, следует идти политическим путем, опираться во всем на политику, политика - это основа основ"¹¹.

Военно-техническая сторона подготовки похода в Тибет была выполнена лично Хэ Луном. Именно он, как свидетельствуют гонконгские специалисты, тщательно разработал план, а Чжан Гохуа и Тань Гуаньсань (политкомиссар войск, вступивших в Тибет) были лишь его исполнителями¹².

На предварительной стадии в подготовке плана похода принимал участие и Лю Бочэн, один из крупнейших военных теоретиков китайской армии, внесший, по словам Дэн Сяопина, большой вклад в создание и развитие военных идей Мао Цзэдуна.

Поход НОАК в Тибет можно разделить на три этапа. Первый - планирование операции, ведение разведки и пропагандистской работы, подготовка войск и выдвижение их на исходные рубежи (январь-сентябрь 1950 г.). Второй - ввод войск в Тибет и разгром главных сил тибетской армии, сосредоточенных для отражения китайского вторжения в районе города Чамдо (6-24 октября 1950 г.). Третий - ввод войск на остальную территорию Тибета, занятие столицы Лхасы, других важных городов (август-декабрь 1951 г.).

При планировании похода в Тибет особое внимание уделялось изучению тибетской армии. Китайское командование представляло, что вооруженные силы противника имеют весьма архаичную систему организации и комплектования, отражающую общую социальную и экономическую отсталость Тибета. Было известно, что тибетская армия состоит из 14 "депонз" (пятисоток) - организационных единиц, по численности равных батальону; на вооружении имела 40 пулеметов 20 минометов 20 полевых орудий, 6 горных пушек, 10 пехотных орудий, 30 тыс. винтовок, из которых многие были устаревших образцов и неисправны. Командные кадры имели слабую военную подготовку, не обладали навыками управления подразделениями в бою, хотя часть офицеров получила образование в Англии и Индии. Оценивая морально-политические качества противника, китайское командование считало, что "дисциплина в тибетской армии очень плохая. Солдаты часто занимаются вымогательством у населения. Наступательный дух слабый"¹³.

Китайскому командованию было известно и об ограниченных мобилизационных ресурсах Тибета. Оно считало, что после начала похода НОАК в Тибет войска противника могут быть увеличены не более чем до 10-20 тыс. человек, предполагалось также наличие резерва численностью 10-20 тыс. человек, но большей частью без оружия. Обращает на себя внимание такой факт, что при учете соотношения сторон в расчет бралось и 10 тыс. единиц оружия, имевшегося на руках у местных жителей. Китайское командование, заявляя о стремлении "освободить тибетское население", на самом деле побаивалось его, учитывая в своих планах как вероятного противника¹⁴.

Для обеспечения похода в Тибет командование НОАК решило создать значительное численное превосходство в силах и средствах. Так, численность китайских войск составила несколько десятков тысяч человек. (По разным источникам, от 20 до 50 тыс. человек.) На некоторых направлениях китайские войска имели десятикратное превосходство, при этом у них на вооружении были автоматическое оружие, артиллерийские орудия и огнеметы¹⁵.

Главная задача возлагалась на войска 18-го корпуса 2-й полевой армии, которые должны были действовать совместно с силами, выделенными из состава 1-й полевой армии - кавалерийскими отрядами из Цинхя и одним полком 14-го корпуса, прибывшим из северных районов Юньнани. Общее руководство войсками было возложено на Чжан Гохуа, командира 18-го корпуса. За политическую работу отвечал политкомиссар 18-го корпуса Тань Гуаньсань¹⁶.

Китайские войска были разделены на две группы. Северная группа состояла из 52-й дивизии, разведывательного батальона корпуса, артиллерийского дивизиона и кавалерийского отряда из Северо-Западного военного округа. Это были главные силы. На кавалерийский отряд и пехотный полк возлагалась задача совершить обход с севера через населенный пункт Рацака (Ривоче) и занять населенный пункт Эньда, отрезав противнику пути отхода на запад. Остальные два полка в районе Дэнког должны были форсировать реку Цзиньша (Янцзы), по-тибетски - Дре Чу, и выйти к городу Чамдо.

Южная группа войск в составе 53-й дивизии и одного полка из частей Юньнаньского военного округа главными силами должна была форсировать реку Цзиньша в районе Баань, пройти Нинцзин, Туньдо и, обойдя противника справа, занять Бамда, чтобы отрезать пути отхода в Лхасу на юго-запад к Дзаю¹⁷.

Тщательное планирование операции сопровождалось большой подготовительной работой к походу. В Юго-Западном военном округе был создан

специальный штаб поддержки, который должен был обеспечить материальное снабжение войск. Из состава военного округа были выделены части инженерных войск, транспортные части (преимущественно гужевого транспорт) и даже авиационные подразделения. Они должны были обеспечить перевозку войск и строительство дорог.

Штаб поддержки отвечал за снабжение войск одеждой, питанием и боеприпасами. В условиях ограниченных транспортных возможностей и необходимости быстрой переброски войск было даже решено сократить первоначально планируемое количество направляемых на этом участке боевых частей с 30 до 11 тыс. человек¹⁸.

Для усиления огневой мощи войск и повышения их маневренности из соседних частей были переданы самое лучшее вооружение, верблюды и лошади. В короткое время войска прошли специальную подготовку совершения марша, ведения боевых действий и обеспечения жизнедеятельности в условиях высокогорья и сурового климата. Всесторонняя подготовка к походу свидетельствовала о том, что китайское командование готовилось к борьбе с серьезным противником.

Большое внимание уделялось пропагандистскому обеспечению похода в Тибет как в международном, так и в региональном плане. Китайской вторжению в Тибет предшествовала довольно шумная пропагандистская кампания, начатая еще в 1949 г. Главнокомандующий НОАК Чжу Дэ заявил по пекинскому радио о намерении освободить Тибет от британского и американского империализма. Таким образом, руководители КПК хотели оценить реакцию в Тибете и на международной арене. В ноябре 1949 г. по радио было передано обращение Мао Цзэдуна по тибетскому вопросу. Пропагандистская подготовка велась также среди тибетцев в районах, контролируемых НОАК. Армейские политработники, учитывая особенности положения в Тибете, вели пропаганду завуалированно, без прямых выступлений против порядков, господствовавших в Тибете. Речь велась только о необходимости единства всех районов Китая в борьбе с империализмом, о больших переменах, которые произошли в других районах и провинциях¹⁹.

В комплексе с мерами военной и пропагандистской подготовки похода в Тибет использовались также различные политические средства, направленные на ослабление тибетских правящих кругов. "Правительство китайских коммунистов, - отмечает индийские специалисты, - проводило свою политику осторожно и умно. Прежде всего они старались воздействовать на усиление раскола между далай-ламой и панчен-ламой²⁰.

Действительно, в тибетских правящих кругах велась фракционная борьба, которая то обострялась, то ослабевала. Признавая ее наличие, многие авторы расходятся в мнениях о ее причинах и составе фракционных групп. Так, анализируя внутривластную борьбу в Тибете в конце 40-х годов, Б.П.Гуревич отмечал, что это была борьба между двумя политическими группировками, одна из которых готовила почву для иностранного вторжения в Тибет, а другая боролась за восстановление связи с Китаем²¹.

В западной литературе существует другая точка зрения. Например, М.Х.Гудмэн писал, что монастырское руководство и лидеры аристократии не группировались, как иногда считают, на "прокитайские" и "проанглийские" лагеря. Хотя известно, что XIII далай-лама в различные периоды своего правления обращался за помощью к обеим этим странам, а также к России и Японии. Делал он это лишь в интересах своей страны, нередко играя на противоречиях между ними в пользу Тибета. В Тибете "не было каких-либо групп, которые бы очень симпатизировали китайцам, - пишет М.Х.Гудмэн. - Обе, нужно подчеркнуть, были протибетские. Их взаимные антипатии сделали страну исключительно уязвимой. Накануне коммунистического вторжения мощный и единый Тибет, который надеялся создать далай-лама, был настолько ослаблен борьбой политического руководства между соперничающими группировками, что стал легкой добычей для НОАК"²².

Китайская официальная точка зрения на этот счет заключается в следующем: по мере развития китайской народной революции и освободительной народной войны в Тибете шла борьба двух сил, двух направлений. Она постоянно обострялась. С одной стороны, империалисты организовали спектакль с "независимостью", "антикоммунизмом", сосредоточив главные силы тибетской

армии в Чамдо, пытаясь не дать войти НОА. С другой стороны, поднимались патриотические силы среди тибетцев по мере освобождения территории после образования КНР, после провозглашения национальной политики и курса на мирное освобождение Тибета²³.

Такое описание, на наш взгляд, упрощает существовавшую тогда расстановку сил, искажает картину противоборствующих сторон. О преувеличении возможностей так называемых "проимпериалистических сил" уже говорилось. В то же время здесь явно преувеличиваются "патриотические силы".

Нельзя, конечно, утверждать, что среди тибетских деятелей отсутствовали лица, которые в той или иной степени рассчитывали на поддержку Китая, на какие-то взаимоотношения с ним. Особенно часто среди своих сторонников в китайской литературе упоминается патриот-тибетец живой будда Гэда. Еще в 1936 г. он в юном возрасте познакомился с Чжу Дэ. После прихода китайских войск в провинцию Сикан Гэда стал членом военно-административного комитета Юго-Западного Китая, заместителем председателя народного правительства провинции²⁴. В июле 1950 г. китайское руководство послало Гэда в Тибет, чтобы он провел "разъяснительную работу и устранил все недоразумения, существовавшие у местного тибетского правительства (кашага) в Лхасе в отношении Центрального народного правительства КНР и добился скорейшего начала переговоров"²⁵. Однако его миссия потерпела фиаско. Прибыв 24 июля в Чамдо, он встретился со всевозможными obstructionами, чинившимися, как утверждают китайские историки, по указке английского шпиона Р.Форда. Гэда посадили под домашний арест, а "21 августа Форд отравил будду, который умер на следующий день". Сопровождавшие его лица были арестованы и отправлены под конвоем в Лхасу²⁶.

Другие сведения, подтверждающие наличие активных сторонников Пекина среди видных тибетских деятелей, неизвестны. Если говорить о "патриотических силах" среди широких масс тибетского населения, то имеются определенные свидетельства их деятельности, например приезд делегации от тибетского населения Сикана в Пекин 25 февраля 1950 г., которая привезла приветственное послание от одного из местных верховных лам Такета и других тибетских патриотов.

Однако обращает на себя внимание тот факт, что все свидетельства о поддержке действий китайских властей поступали со стороны тибетцев, проживавших в районах, находившихся под контролем китайской армии, как правило, в приграничных районах Тибета. Население же собственно Тибета жило своей привычной, хотя и нелегкой, жизнью с установившимся многовековым укладом и не звало "освободителей" из Пекина. Более того, в результате враждебной в отношении КПК пропаганды тибетцы опасались прихода китайской армии. Участники похода в Тибет отмечали, что "местное население плохо относилось к НОА, так как китайские реакционные правители прошлого и милитаристы оказали дурное влияние на тибетский народ"²⁷.

Таким образом, говорить о патриотических силах тибетцев как большой организованной группе, состоявшей из видных религиозных и общественных деятелей Тибета, опиравшейся на широкие слои населения и выступавшей за объединение с Китаем, не приходится.

Китайское руководство в действительности вряд ли тогда заблуждалось в истинной расстановке политических сил в Тибете. Борьба велась между фракциями, отражающими интересы различных групп феодально-теократической верхушки Тибета. При этом линия размежевания проходила не по вопросу об объединении с Китаем, а была связана с укреплением собственных позиций.

Оценив ситуацию, связанную с враждебной позицией властей Лхасы в отношении КПК, китайские лидеры сделали ставку на Х панчен-ламу Чхоки-Чьээн (другая транскрипция имени - Чоэки-Гялцян), вернее, на его окружение, так как ему было всего 11 лет. Он был возведен в сан в августе 1949 г. и находился в монастыре Тарсы в провинции Цинхай, по существу в изгнании и оппозиции Лхасе.

Чтобы ослабить изнутри противостоящие Пекину силы в Тибете, китайцы сумели привлечь на свою сторону окружение Х панчен-ламы. Сразу после образования КНР за подписью малолетнего панчен-ламы была направлена

телеграмма Мао Цзэдуна и Чжу Дэ, в которой он высказал "радостные чувства, которые испытали патриотические деятели и широкие народные массы Тибета в связи с образованием нового Китая", а также высказал убеждение в том, что в ближайшее время "народ ожидает благополучие, страну - возрождение, а Тибет - освобождение"²⁸. В ответной телеграмме Мао Цзэдуна и Чжу Дэ от 23 ноября 1949 г. выражалась надежда, что панчен-лама "вместе со всеми патриотами Тибета приложит все силы в борьбе за освобождение Тибета и установление единства ханьского и тибетского народов"²⁹.

Весной 1950 г., не исчерпав всех возможностей политического решения тибетского вопроса в свою пользу, китайское руководство начало выдвижение своих войск к Тибету. Китайские части преодолели более 500 км и дошли до Гардзе (Ганьцзы) к востоку от реки Цзиньша.

Чтобы помешать НОАК войти в Тибет и добиться международной помощи в сохранении своего независимого положения от Китая, тибетское правительство планировало послать "миссию доброй воли" в США, Англию, Индию, Непал и Пекин³⁰. Однако в условиях усиления нажима со стороны Китая и отсутствия признаков готовности защищать Тибет со стороны иностранных держав оно отказалось от этого намерения и объявило в марте 1950 г. о своем решении отправить в Пекин "мирную делегацию" для переговоров о будущем Тибета.

Этот вынужденный шаг был направлен на то, чтобы удержать Китай от ввода войск в Тибет. Тибетские власти стремились выиграть время. Поэтому тибетская делегация не спешила попасть в Пекин. Только в начале апреля 1950 г. она прибыла из Лхасы в Индию и там несколько месяцев ожидала получения виз для проезда в Гонконг, решая все вопросы, касающиеся будущих переговоров, с необычайной медлительностью, находя всевозможные предлоги для бесконечных задержек.

Наряду с тактикой проволочек и уклонения от переговоров с Пекином тибетское правительство предпринимало определенные меры, направленные на усиление обороны Тибета.

Прежде всего делались попытки укрепить тибетскую армию. Ее численность с лета 1949 г. увеличилась за год с 14 до 17 "пятисотен". Предпринимался набор рекрутов для формирования новых частей, организовывались отряды ополченцев из местных жителей. Монастыри получили распоряжение читать священные тексты с проклятиями китайской армии. Из-за границы поступило некоторое количество вооружения и боеприпасов.

Особое внимание уделялось военным приготовлениям в восточных районах Тибета, в Западном Сикане, а также в Северном Тибете. Тибетские власти пытались закрыть путь китайским войскам через реку Цзиньша. Они сосредоточили здесь основные части своих скудных военных сил. В районе Нгари и Нагчу были расположены 3-я, 9-я и 1-я "пятисотни", а также еще семь "пятисотен". Кроме того, три "пятисотни" должны были непосредственно оборонять Чамдо³¹.

Город Чамдо, расположенный в 600 км к северо-востоку от Лхасы, являлся центром обширного скотоводческого района с населением 20 тысяч жителей. Город стоял на пересечении караванных путей провинций Сычуань, Юньнань и Цинхай и имел стратегическое значение в обороне путей продвижения к Лхасе. За несколько месяцев до начала военных действий гарнизон города получил подкрепление и дополнительное вооружение.

Возможности тибетского правительства по вооруженной защите Тибета были ограничены недостатком военных средств. Они также ослаблялись из-за отсутствия четкого плана обороны, разногласий среди политических и военных руководителей.

Так, генерал-губернатор тибетского района Кхам, командующий восточной тибетской армии Лхалу Шаппе, считал, что ограниченные военные силы, которые были в его распоряжении, не способны удержать Чамдо от штурма китайских войск. Он решил передвинуть свои части на запад к населенному пункту Лходзонгу, находившемуся в нескольких днях пути, напротив реки Нагчу (Салуэн) на пути к Лхасе. В этом районе тибетские войска не могли бы быть обойдены с флангов и могли бы долго удерживать мост через реку. Если бы китайцы все-таки форсировали реку, то тибетским солдатам

удалось бы скрыться в горах и наносить удары по колоннам противника из укрытий.

Планам Лхалу не суждено было сбыться. За шесть недель до вторжения китайских войск в Тибет он был неожиданно заменен на своем посту одним из министров тибетского правительства Нгабо Нгаванг Джигме. Замена командующего в столь критический момент была для многих удивительна. Лхалу не был человеком, бегущим от опасности, и его смещение, по мнению очевидца Р.Форда, было результатом фракционной борьбы³². В любом случае отъезд Лхалу ликвидировал какую-либо возможность эффективного сопротивления тибетцев на восточной границе.

1 октября 1950 г. премьер Госсовета, министр иностранных дел КНР Чжоу Энлай заявил: "Народно-освободительная армия... исполнена решимости направиться на запад и освободить народ в Тибете и стать на защиту китайских рубежей. Эго мереприятие, необходимое для безопасности нашей Родины, мы стремимся осуществить путем мирных переговоров"³³. На самом деле китайское руководство уже убедилось, что положительного ответа от Лхасы одними угрозами не добьешься. Необходимо было продемонстрировать военную силу. Поэтому в первых числах октября китайское правительство отдало приказ командованию НОАК о начале подготовленного наступления на Тибет через районы Центрального и Западного Сикана. Выступление китайских войск осенью, когда уже установилась зимняя погода, делавшая непроходимой горные дороги, явилось неожиданностью для тибетских лидеров. Китайское командование рассчитывало на внезапность и стремительность наступления.

Условия похода китайской армии были чрезвычайно трудными. Войска передвигались по сильно пересеченной горной местности, в условиях почти полного бездорожья. (Автору этих строк на себе довелось испытать сложность тибетского климата и трудность тибетских дорог, хотя поездка совершалась на автотранспорте во второй половине 80-х годов.) Многие грузы, снаряжение бойцы переносили на себе. Так, участник похода боец Хуа Чэнхэ вспоминал: "Каждый из нас нес свое снаряжение весом более 40 кг за плечами в условиях разреженного воздуха. Мы преодолели пешком 18 горных перевалов, высота которых превышала 5 тыс. м... Мы никогда не останавливались в жилищах тибетцев, а жили в палатках, даже когда мороз достигал 30"³⁴. Не хватало продуктов, не было топлива. Порой было нечего есть, и бойцы ловили воробьев и мышей для еды. По словам очевидцев, даже эти действия солдат вызвали у тибетских лам чувство протеста, так как те считали, что воробьи и мыши "священны" и их нельзя есть³⁵.

От места дислокации китайских войск на левом берегу реки Цзиньша до Чамдо было более 350 км. Местность была хорошо известна тибетцам, удобна для действий подвижных конных групп. "Китайской армии, - вспоминал Чжан Гохуа, - было трудно, словно тигру поймать муху. Поэтому командующий Юго-Западным военным округом указал: надо сделать глубокий обход с фланга, схватить врага, окружить его и добиться победы. Если пойдете быстро, то схватите врага"³⁶.

Встречали ли китайские войска сопротивление со стороны тибетцев? Китайская литература делает упор на то, что тибетская армия особо не сопротивлялась, что она была побеждена преимущественно невоенными способами за счет правильной национальной политики. Приводятся примеры, когда тибетские войска переходили на сторону НОАК. Так, китайской армии, двигавшейся по южному маршруту в районе населенного пункта Джагьяб, сдались 500 тибетских ополченцев. За 10 дней пути на сторону китайцев перешло с оружием более 3 тыс. ополченцев и "бойцов-монахов"³⁷. 11 октября 1950 г., когда китайские части достигли населенного пункта Нинцин в верховьях реки Меконг, там восстала 9-я "пятисотня" тибетской армии во главе со своим командиром и перешла на сторону НОАК³⁸.

В то же время известны факты вооруженного нападения на китайские войска, совершавшие поход в Тибет. Так, например, китайские подразделения были неоднократно атакованы в районе населенного пункта Дзогчен в Северном Сикане.

В первой половине октября 1950 г. части НОАК заняли в Центральном Сикане населенные пункты Батан, Лихуа, Цяньнин и Нинцин. 18 октября Северная группа войск захватила населенный пункт Энгда, отрезала пути

отхода противника на запад. Южная группа войск овладела населенным пунктом Бамда, закрыв пути отхода тибетским войскам на юго-запад к Лхасе, а также путь отхода на юг к Дзаю.

Захват Чамдо являлся главной целью второго этапа похода китайской армии в Тибет. Китайский передовой отряд ворвался в город неожиданно, когда противник еще спал. Командующий тибетскими войсками Нгабо не сумел организовать оборону города. Некоторые свидетели утверждают, что он не хотел сражаться и умереть без попытки найти мирное решение. Одно из его последних кодированных радиосообщений в Лхасу перед уходом из Чамдо, по утверждению Р.Форда, содержало просьбу о капитуляции, но затем было ему отказано³⁹.

Утром 18 октября четыре "пятисотни" под командованием Нгабо и его отряд охраны торопливо покинули Чамдо. Нгабо направился на юг к монастырю Дрогу. Через день он сдался в плен.

19 октября китайские войска вошли в город. Гарнизон оказал лишь видимость сопротивления. По свидетельству очевидцев, Чамдо был сдан без единого выстрела, когда тибетские войска и горожане были напуганы пусками ракет и осветительных снарядов.

Отошедшие к северу от Чамдо тибетские части все-таки пытались оказать сопротивление, но были окружены и взяты в плен. Спустя несколько лет Нгабо сказал в интервью американской журналистке Анне Луизе Стронг: "Я руководил сопротивлением НОАК. Это был короткий бой. Я не мог сопротивляться им. Они взяли Чамдо"⁴⁰.

Операция по взятию Чамдо продолжалась 18 дней по 24 октября. За это время произошел 21 крупный и малый бой. Были уничтожены главные силы тибетской армии: шесть "пятисотен" - полностью; три - большей частью, всего разгромлено более 5700 человек⁴¹. Анализ потерь говорит о том, что бои не носили упорного, ожесточенного характера. По данным НОАК, в ходе всей кампании, приведшей к захвату Чамдо, было ранено и убито всего 180 человек, 894 были захвачены и 4317 сдались в плен⁴². Захваченные трофеи состояли из 2969 винтовок и пистолетов, трех горных пушек, семи тяжелых пулеметов, 45 ручных пулеметов, двух автоматов, двух раций и радиоприемника⁴³.

Бои за Чамдо, по словам Чжан Гохуа, имели решающее значение для освобождения Тибета. Этот сильный военный удар способствовал расколу правящей верхушки Тибета, которая была вынуждена послать делегацию в Пекин. Перед китайскими войсками открылись ворота в Тибет. Это сражение было первым и последним в ходе вторжения НОАК в Тибет.

После разгрома главных сил тибетской армии под Чамдо китайское руководство продолжило наращивать свое военное давление на правящие круги Тибета. Это нашло свое отражение в Приказе о политической мобилизации для похода в Тибет, отданного 24 октября 1950 г. Юго-Западным бюро ЦК КПК совместно с командованием Юго-Западного военного округа и 2-й полевой армии. В нем ставились задачи как по подготовке и дальнейшему продвижению в глубь Тибета, так и по проведению преобразований в социально-политической, экономической и духовной жизни тибетского общества. Своеобразие приказа состояло в том, что он по содержанию и духу напоминал директиву войскам перед их вступлением на территорию иностранного государства.

Этот военный документ дополнялся Заявлением о политике во время похода в Тибет от 8 ноября 1950 г., сделанным Юго-Западным бюро ЦК КПК и Юго-Западным военным округом, а также их совместным заявлением "О гарантиях свободы религии и вероисповедания тибетского народа".

Такое развитие событий заставило тибетское правительство искать новые пути спасения. 7 ноября 1950 г. от его имени и от имени Тибетской национальной ассамблеи была направлена телеграмма в ООН, распространяемая там в виде Документа А/1549. В ней обстоятельно излагалась суть проблемы Тибета, возникшей "в значительной мере из-за необузданного желания Китая подчинить себе более слабые народы, живущие на его периферии".

Вооруженное вторжение в Тибет, подчеркивалось в телеграмме, имеющее целью включения Тибета в орбиту коммунистического Китая путем физической силы, есть явный акт агрессии. Поскольку народ Тибета принуждают стать частью Китая силой, против его воли и без его согласия, настоящее вторжение в Тибет представляет собой грубый пример обиды слабого сильным. Тибетское

правительство просило ООН вступить за него и остановить китайскую агрессию.

В заключение телеграммы говорилось, что завоевание Китаем Тибета только расширит район, охваченный конфликтом, и усилит угрозу независимости и устойчивости других азиатских стран.

Тибетское правительство не получило поддержки в ООН, хотя представитель Сальвадора Эктор Давид Кастро 17 ноября 1950 г. направил письмо на имя председателя Генеральной Ассамблеи ООН о включении в повестку дня пятой сессии вопроса "Вторжение в Тибет иностранных вооруженных сил". Он предлагал "осудить ничем не вызванную агрессию против Тибета" и учредить комитет с поручением изучить вопрос о надлежащих мерах, которые могут быть приняты⁴⁴.

Жалоба Тибета совпала с обсуждением в ООН вопроса о войне в Корее, значение которого для судеб мира и отдельных стран отодвигало в сторону неясный и запутанный с юридической и политической стороны тибетский вопрос. Великобритания даже выступила с предложением отложить его рассмотрение. Представитель СССР Я.А.Малик согласился с этим предложением и настаивал на снятии жалобы с повестки дня, подчеркнув неразрывность связей, существующих между Китаем и Тибетом и недопустимость вмешательства ООН в этот внутренний вопрос Китая. Он заявил, что "Тибет является неотъемлемой частью Китая и его дела - исключительная забота китайского правительства". Представитель гоминьдановского Китая Лю отметил, что "Тибет 700 лет является китайским", но осудил вторжение китайских коммунистов, которые силой меняют установившийся в Тибете порядок. Индия заняла сдержанную позицию. Ее представитель заявил, что "мирное и почетное урегулирование вопроса может быть достигнуто на месте" и таким решением должно стать "обеспечение автономии Тибета и продолжение его исторических связей с Китаем".

Отказ от обсуждения тибетского вопроса в ООН явился тяжелым ударом для тибетского правительства. "Мы оцепенели от этого, - говорил далай-лама. - Мы верили в ООН как в источник справедливости и были удивлены, услышав, что по инициативе англичан вопрос положен под сукно"⁴⁵. Тибетское правительство послало еще две страстные телеграммы в ООН, на которые не последовало ответа.

Таким образом, попытки тибетского правительства получить помощь извне оказались бесплодными. Оказавшись в полной дипломатической изоляции перед лицом настоячивых усилий руководства КНР решить тибетский вопрос в случае необходимости военным путем, что было продемонстрировано в операции под Чамдо, правительство Тибета согласилось на переговоры с Пекином.

В конце апреля 1951 г. тибетская делегация прибыла в Пекин. Переговоры продолжались с 29 апреля по 21 мая. На них были обсуждены проблемы взаимоотношений Китая и Тибета. После нескольких совещаний 23 мая было подписано Соглашение Центрального народного правительства КНР и местного правительства Тибета о мероприятиях по мирному освобождению Тибета, состоящее из 17 пунктов. На приеме по случаю заключения Соглашения Мао Цзэдун назвал его "крупной победой национальной политики Центрального народного правительства Китая".

Соглашение предусматривало "возвращение Тибета в великую семью народов матери-родины - Китайской Народной Республики". Местное тибетское правительство должно было "активно помогать Народно-освободительной армии продвигаться в Тибет, а также укреплять национальную оборону. Предусматривалась постепенная реорганизация тибетских войск в НОАК"⁴⁶.

Для охраны безопасности государственных границ, а также охраны внутреннего порядка в Тибетском районе учреждались военно-административный комитет и штаб военного округа.

В Соглашении в общих чертах устанавливались условия размещения китайских войск в Тибете. Так, денежные средства, необходимые для военно-административного комитета, штаба военного округа и НОАК, вступающей в Тибет, должны были обеспечиваться центральным правительством, а армия брала обязательство "сохранять честность во всех покупках и продажах" и не отбирать принудительно у населения ни единого зерна"⁴⁷.

Китайская сторона заявляла, что не будет трогать политическую систему, существующую в Тибете, не изменит статуса, функций и полномочий далай-ламы, будет уважать религиозные верования, обычаи и привычки тибетского народа и покровительствовать ламаистским монастырям.

Большинство в правящих кругах Тибета, и прежде всего далай-лама и его окружение, не были удовлетворены результатами переговоров в Пекине и подписанным Соглашением. Это признавал даже Мао Цзэдун: "Сам далай и большинство из его группировки приняли Соглашение неохотно и не желают его реализовывать"⁴⁸.

Характерно, что и после подписания далай-лама не сразу вернулся в Лхасу из Ятунга, вблизи границы с Индией, куда он бежал в декабре 1950 г., демонстрируя протест китайским действиям и рассчитывая на помощь извне. Чтобы склонить далай-ламу вернуться в Лхасу, китайское правительство послало своего специального представителя военачальника Чжан Цзиньбу с личным посланием Мао Цзэдуна. После длительных переговоров молодой правитель уступил. "Мы были беспомощны, - вспоминал он позднее. - Без друзей ничего не оставалось, как стать покорными, подчиниться китайскому диктату, несмотря на нашу сильную оппозицию, проглотив свою обиду. У нас была единственная надежда, что китайцы будут держать слово в этой навязанной силой, односторонней сделке"⁴⁹.

17 августа, спустя шесть недель после своего 16-летия, XIV далай-лама вернулся в Лхасу, однако длительное время воздерживался от публичного одобрения Соглашения. И только 22 октября, спустя целых полгода после его подписания, когда основные силы войск НОАК находились в окрестностях Лхасы, он послал Мао Цзэдуну телеграмму о своей поддержке Соглашения⁵⁰.

В августе 1951 г. НОАК продолжила свой поход в Тибет. Чтобы сделать ввод войск массированным, их продвижение осуществлялось по четырем различным маршрутам: из провинций Сычуань, Цинхай, Юньнань и Синьцзян.

На пути следования китайские войска больше не сталкивались с вооруженным сопротивлением тибетцев. Главные трудности похода состояли в необходимости преодолевать горную, труднопроходимую малолюдную местность. При этом китайское командование добивалось, чтобы значительное число войск как можно скорее вошло в намеченные районы. Такая спешка действовала на солдат изматывающе. Например, части 18-го корпуса в ходе 59-дневного марша преодолели расстояние 1600 км, покорив при этом 12 горных перевалов высотой свыше 6 тыс. м, форсировали 3 реки шириной 120 м. Полмессяца войска двигались в зоне вечных снегов, несли большие потери в живой силе⁵¹.

Важное внимание в ходе похода уделялось налаживанию отношений с местным населением. Значительная часть тибетцев относилась к китайским солдатам настороженно, видела в них скорее завоевателей, чем освободителей. Чтобы развеять предубеждение к НОАК и создать благоприятную обстановку для прохождения войск в Тибет, вдоль всего маршрута следования велась большая пропагандистская работа с различными национальными меньшинствами. Особое внимание уделялось созданию единого фронта с представителями правящих слоев населения. По прибытии в каждый населенный пункт китайское командование и политорганы организовывали собрания с участием вождей племен, старост родов, наносили визиты, преподносили подарки, демонстрировали кинофильмы, распространяли агитационно-пропагандистские материалы. Большую спецпропагандистскую работу китайцы вели и среди пленных. Особое внимание уделялось привлечению на свою сторону офицерского состава тибетской армии.

9 сентября 1951 г. передовой отряд китайских войск численностью 108 человек вошел в Лхасу. После трудного перехода он имел потрепанный вид. Одна треть отряда не имела боевого опыта. На каждого человека приходилось продовольствия на 7 дней. Главные силы НОАК вошли в Лхасу только 26 октября.

Тибетцы, не имея возможности оказать вооруженное сопротивление, выражали свое недовольство путем сокрытия продовольствия. По словам участника похода, "тибетцы пытались нас изгнать с помощью голода, они проводили тактику голода"⁵².

Китайское руководство было обеспокоено такой встречей своих войск, предпринимало меры по нормализации обстановки, наращивая при этом военное присутствие в Тибете.

В это время войска Северо-Западного военного округа, вышедшие из Цинхая, совершив длительный марш, в декабре 1951 г. вошли в Лхасу, увеличив и укрепив китайское военное присутствие.

Еще один отряд НОАК вышел из Синьцзяна и после трудного похода дошел до населенного пункта Нгари. В ноябре 1951 г. китайские войска заняли Намгчу, Гэдакэ, Шигадзе, Гьянгдзе, Чомо (Ядун) и ряд других городов и пунктов.

10 февраля 1952 г. был образован Тибетский военный округ со штабом в Лхасе. Командующим стал Чжан Гохуа, среди его заместителей было два тибетца: Нгабо Нгаванг Джигме и Ндокар Фунгуог Рабжи. Части НОАК и местные тибетские войска были объединены под единым китайским командованием.

К этому моменту была достигнута основная цель похода и созданы предпосылки для интеграции Тибета в состав КНР с последовавшими затем преобразованиями в социально-экономической и духовной жизни тибетского народа.

Анализ подготовки, хода и результатов похода НОАК в Тибет говорит о том, что использование военной силы было важнейшим фактором присоединения Тибета к КНР. Без похода НОАК этот вопрос не мог быть решен. Поэтому понятие "мирное освобождение Тибета" носит весьма условный характер и не отражает в полной мере истинный ход событий.

1. Tibet and the Chinese People's Republic. A Report to the International Commission of Jurist by its Legal Inquiry Committee on Tibet. - Geneva, 1960. - P. 17.
2. Объединение Нации. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Приложения. Пятая сессия. - Нью-Йорк, 1950. - С. 17.
3. Цит. по: Гуревич Б.П. Освобождение Тибета. - М., 1958. - С. 93.
4. Поход в Тибет. - Пекин, 1951. - С. 3.
5. Tibet and the Chinese People Republic... - P. 298-306.
6. The Dalai Lama of Tibet. My Land and My People. - N.Y., 1962. - P. 80.
7. Israel Epstein. Tibet Transformed. - Beijing, 1983. - P. 214.
8. 10 ноября 1951 г. газета "Жэньминь жибао" писала, что в боях за Чамдо среди взятых трофейных 2969 винтовок и пистолетов 2578 имели английскую марку, а большинство пулеметов были американского производства и привезены в Тибет в мае 1950 г.
9. НОАК. Основные события за 60 лет. - Пекин, 1988. - С. 495.
10. Чжан Гохуа. Тибет вернулся в объятия Родины. //Жэньминь жибао. - 1962. - 25 октября.
11. Жэньминь жибао. - 1986. - 30 ноября..
12. Военные деятели Китая. - М., 1971. - С. 869-870.
13. Поход в Тибет. - С. 84-85.
14. Там же. - С. 84.
15. M.H. Goodman. The Last Dalai Lama. A biography. - Boston, 1986. - P. 153.
16. НОАК. Основные события... - С. 495.
17. Чжан Гохуа. Указ. соч.
18. История политической работы в НОАК. - Пекин, 1984. - С. 488.
19. Israel Epstein. Op. cit. - P. 199.
20. Tibet Disappears. A Documentary History of Tibet's International Status the Great Rebellion and It's Aftermath. - Bombay, 1960. - P. 16.
21. Гуревич Б.П. Указ. соч. - С. 86.
22. M.H. Goodman. Op. cit. - P. 136-137.
23. Жэньминь жибао. - 1981. - 24 мая.
24. Wang Furen, Zuo Wenqing. Highlights of Tibetan History. - Beijing, 1984. - P. 175.
25. О тибетском вопросе. - Пекин, 1959. - С. 230.
26. Р.Форд был захвачен в Тибете и просидел в китайской тюрьме 4 года.

- Впоследствии он написал книгу о своей деятельности. Чтобы подтвердить его причастность к убийству Гэда, китайцы часто приводят цитату из этой книги: "Я думаю, что знаю, кто убил его. Я надеюсь, что он никогда не будет обнаружен" // Robert Ford. Captured in Tibet. - L., 1957. - P. 51.
27. Жэньминь жибао. - 1981. - 22 мая.
 28. Там же. - 1989. - 15 февраля.
 29. Wang Furen, Zuo Wenqing. Op. cit. - P. 172.
 30. О тибетском вопросе. - С. 229.
 31. Чжан Гохуа. Указ. соч.
 32. M.N. Goodman. Op. cit. - P. 155-156.
 33. Правда. - 1950. - 1 октября.
 34. Israil Epstein. Op. cit. - P. 193.
 35. Жэньминь жибао. - 1981. - 22 мая.
 36. Чжан Гохуа. Указ. соч.
 37. Там же.
 38. Гуревич Б.П. Указ. соч. - С. 132.
 39. M.H. Goodman. Op. cit. - P. 157.
 40. Anna Louise Strong. Tibetan Interviews. - Beijing, 1959. - P. 44.
 41. Пять полевых армий НОАК. Краткий исторический очерк. - Пекин, 1987. - С. 105; НОАК. Основные события... - С. 495.
 42. J.Jittings. The Role of the Chinese army. - L., 1967. - P. 37.
 43. Гуревич Б.П. Указ. соч. - С. 233.
 44. Объединенные Нации. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Приложения. Пятая сессия. - С. 15-16.
 45. M.H. Goodman. Op. cit. - P. 163.
 46. Конституция и основные законодательные акты Китайской Народной Республики. - М., 1955. - С. 121.
 47. Там же. - С. 122-123.
 48. Мао Цзэдун. Избр. произв. - Пекин, 1977. - Т. 5. - С. 85.
 49. M.H. Goodman. Op. cit. - P. 176.
 50. См.: Богословский В.А. Тибетский район КНР (1949-1976). - М., 1978. - С. 42.
 51. Пять полевых армий НОАК - С. 487.
 52. Жэньминь жибао. - 1981. - 21 мая.

Документы, архивы

О "секретном демарше" Чжоу Эньлая и неофициальных переговорах КПК с американцами в июне 1949 г.

© 1994

С.Тихвинский

В 1978 г. Госдепартамент США опубликовал сборник документов, содержащий переписку американских дипломатов с Госдепартаментом США по вопросам, связанным с происходившими в 1949 г. событиями в Китае¹. В этом объемистом сборнике (1353 страницы) исследователи и публицисты сразу же обратили внимание на две "сенсационные новости": донесение посла США в Нанкине Лейтона Стюарта в Госдепартамент о его секретных переговорах в начале мая 1949 г. с представителем КПК и "демарш Чжоу Эньлая" в конце мая в Бэйпине².

Начальник отдела внешних сношений Военно-контрольного комитета НОА в недавно освобожденном Нанкине Хуан Хуа, ранее работавший по указанию Чжоу Эньлая с американцами в Яньани и в Исполнительном Штабе в Бэйпине, в свое время окончил Яньцзинский университет в Бэйпине, ректором которого тогда был Лейтон Стюарт. При встречах с американским послом Хуан Хуа убеждал американского дипломата в искреннем намерении КПК установить нормальные политические и экономические отношения с США, если последние откажутся от поддержки Гоминьдана и выведут свои войска из Китая. При этом Хуан Хуа давал понять, что КПК не ожидает помощи от Советского Союза, еще не залечившего страшные раны от войны с Германией, и все свои надежды возлагает на помощь от США³.

В конце мая 1949 г. через австралийского журналиста Михаэля Кэона, сотрудника американского агентства Юнайтед Пресс, помощник американского военного атташе полковник Дэвид Баррет, в свое время возглавлявший в Яньани американскую "миссию Дикси", получил для передачи в Вашингтон через американского генерального консула в Бэйпине Э.О.Клабба сугубо секретное сообщение, якобы исходившее от Чжоу Эньлая. В этом пространным сообщении, получившем в дальнейшей переписке американских дипломатов наименование "демарша Чжоу Эньлая", говорилось о наличии в руководстве КПК двух

влиятельных, враждующих между собой, группировок: просоветской, возглавляемой Лю Шаоци, и проамериканской - во главе с Чжоу Эньлаем, причем последней угрожала опасность ввиду продолжающейся безоговорочной поддержке Гоминьдана со стороны США. Предотвратить захват власти в руководстве КПК просоветской группировкой, несмотря на крайне напряженные отношения между Мао Цзэдуном и Сталиным, могло, по словам Чжоу Эньлая, только изменение враждебной по отношению к КПК политики США, оказание Китаю существенной американской экономической помощи и дипломатическое признание США новой власти⁴.

Публикуемая ниже переписка И.В.Сталина с Мао Цзэдуном за апрель-май 1949 г. дает все основания считать, что шаги руководства КПК на нормализацию отношений с США были предприняты с полного одобрения Советского Союза и были обусловлены в первую очередь экономической блокадой освобожденных районов Китая гоминьдановцами при активном содействии США. Американский посол Л.Стюарт в телеграмме в Госдепартамент США еще 22 октября 1948 г. предлагал блокировать Китай, прекратить подвоз муки, риса, нефтепродуктов, хлопка и других товаров, вызвать голод в стране, чтобы таким путем помешать победе народно-революционных сил. "Мы обладаем, - подчеркивал он, - политико-экономическим рычагом первостепенной важности. Не только отказом, но даже угрозой отказа в импорте по программе экономической помощи можно будет удержать, если не предотвратить создание в Нанкине коалиционного правительства, где бы преобладали коммунисты. ...Такой курс действий наиболее полно отвечает интересам Соединенных Штатов"⁵.

Еще 13 апреля 1949 г. И.В.Ковалев - представитель ЦК ВКП(б) при ЦК КПК, он же - руководитель советских специалистов-железнодорожников, помогавших восстанавливать железные дороги, разрушенные гоминьдановцами при отступлении, докладывал И.В.Сталину о длительной, трехчасовой беседе, которую он имел 9 апреля с Мао Цзэдуном в присутствии Чжу Дэ, Чжоу Эньлая и Лю Шаоци, в ходе которой Мао Цзэдун, в частности, сообщил, что американское правительство через подставных лиц (Сити Банк) предлагает КПК заем в сумме от ста до трехсот миллионов долларов. "Мы рассматриваем это предложение, - сказал Мао Цзэдун, - как попытку втянуть нас в эту сделку не для оказания помощи китайскому народу, а для избавления американского капитализма от кризиса (в соответствии с планом Маршалла) и закабаления китайского народа, так же как это ими делалось при чанкайшистском режиме"⁶. И.В.Ковалев сообщал также, что в этой беседе "Товарищ Мао Цзэдун сделал вывод, что ЦК КПК считает возможным изменение ранее принятой точки зрения на взаимоотношения с капиталистическими странами. Если раньше мы придерживались курса непризнания капиталистических стран и их дипломатических представительств в Китае, т.е. дипломатии свободных рук, то сейчас при взятии центральной власти в свои руки (а также считаясь с особыми экономическими интересами⁹ капиталистических держав в Шанхас), нам придется избрать дипломатию полусвободных рук, т.е. в отдельных случаях вступать с ними в фактические связи, не допуская, однако, юридического оформления этих дипломатических отношений"⁷.

Сопровождая информацию, переданную Мао Цзэдуном, своими собственными соображениями, И.В.Ковалев заметил в своей телеграмме, что "о попытках американских империалистов завязать связи с КПК свидетельствуют не только высказанное ими через Сити Банк предложение о займе. Так, 9 апреля из Гонконга, от 10-ти американских торговых объединений (якобы по рекомендации Уолесса) получена телеграмма с просьбой принять представителя Саус Миллса для торговых переговоров. Ответа на эту телеграмму ЦК КПК не дал"⁸.

19 апреля 1949 г. в ответ на вышеуказанную телеграмму И.В.Сталин телеграфировал Ковалеву: "При встрече с Мао Цзэдуном скажите ему следующее: Первое. Мы считаем, что Демократическому Правительству Китая не следует отказываться от установления официальных отношений с некоторыми капиталистическими государствами, включая США, если эти государства официально откажутся от военной, хозяйственной и политической поддержки Чан Кайши и гоминьдановского правительства...

Второе. Мы считаем, что не следует отказываться от иностранного займа и от торговли с капиталистическими странами при определенных условиях. Все дело в том, чтобы условия займа и торговли не налагали таких экономических или финансовых обязательств на Китай, которые могли бы быть использованы для ограничения национального суверенитета демократического Китайского государства и для удушения китайской национальной промышленности"⁹.

23 мая 1949 г. И.В.Ковалев докладывал И.В.Сталину:

"Мао Цзэдун коротко информировал меня по двум вопросам: о ходе военных действий и о состоявшихся в начале мая встрече и беседе представителя КПК с американским послом Стюартом... О состоявшейся в Нанкине в начале мая встрече и беседе представителя КПК Хуан Хуа с американским послом Стюартом тов. Мао Цзэдун сказал, что состоялся обмен мнениями по трем вопросам:

- о поддержке американским правительством чанкайшистского режима - гоминьдановцев;
- о выводе американских войск из Китая;
- о создании коалиционного правительства.

Стюарт, сказал тов. Мао Цзэдун, высказал свое мнение, что они, американцы, прекратили сейчас поддерживать гоминьдановский режим; об этом свидетельствует то обстоятельство, что американское посольство во главе с ним осталось в Нанкине; их примеру последовали английские, французские и другие посольства.

Об американских войсках в Китае он сказал, что как только отряды народно-освободительных войск будут вступать в города (Циндао, Шанхай), американцы свои войска и военно-морские силы эвакуируют.

Стюарт просил при этом учесть то обстоятельство, что в Шанхае имелось на 200 миллионов долларов американского имущества и что для охраны его американское правительство содержит в Шанхае военные корабли и некоторые части войск.

Стюарт высказал пожелание, чтобы в будущем коалиционном правительстве были как можно шире представлены все демократические элементы страны.

После формирования коалиционного правительства, которое должен поддерживать весь народ, сказал Стюарт, это правительство будет признано и с ним будут установлены дипломатические отношения.

Стюарт сообщил, что в июле месяце он собирается уехать в Америку и что его выезд имеет отношение к положению дел в Китае.

По поводу беседы со Стюартом тов. Мао Цзэдун сказал, что заявления Стюарта противоречат действиям Макарура, который недавно высадил в Циндао два полка американских солдат, а также усиливает военно-морской флот в Шанхае. Либо Стюарт врет, либо военные (Макартур) не считаются с Государственным Департаментом.

Стюарт также наврал, сказал тов. Мао Цзэдун, что американцы прекратили, якобы, поддержку гоминьдановского режима. Нам известно обратное: что эта поддержка продолжается активно.

Что касается ссылки Стюарта на то, что американское и другие посольства остались в Нанкине, это опять-таки не в наших интересах. Мы были бы рады, если бы все посольства капиталистических стран убрались из Китая во-свосяи"¹⁰.

В своей телеграмме, адресованной Ковалеву для передачи Мао Цзэдуну, И.В.Сталин 26 мая 1949 г. выразил согласие "с замечанием тов. Мао Цзэдуна, которое он сделал в отношении американского посла Стюарта" и сообщил, что "ЦК ВКП(б) благодарит товарища Мао Цзэдуна за информацию". В этой же телеграмме Сталин также писал, что "Мы не считаем настоящий момент подходящим для широкой демонстрации дружбы между СССР и Демократическим Китаем"¹¹.

Последним замечанием И.В.Сталина можно объяснить и слабое ("поверхностное", как писал американский посол в Китае Стюарт в Госдепартамент США 26 июля 1949 г.¹²), освещение в китайской и советской прессе состоявшегося в Бэйпине 17 июля 1949 г. заседания, принявшего решение о создании Общества Китайско-Советской дружбы. Американские дипломаты уделили этому событию в своей переписке с Госдепартаментом США большое внимание, строя различные догадки также и о том, почему советская печать умолчала о речи Чжоу Эньлая на этом заседании и почему в передаче радио КПК на английском языке была опущена заключительная часть речи Чжоу Эньлая на этом заседании, в которой он выражал признательность и провозглашал здравицы в честь Ленина, Сунь Ятсена, Сталина и Мао Цзэдуна, поборников советско-китайской дружбы¹³.

Публикация ранее строго засекреченных документов американской дипломатии породила множество домыслов. Так, английский биограф Чжоу Эньлая Дик Вильсон писал, что в мае 1949 г. Чжоу Эньлай "направил секретное послание американской миссии в Китае с просьбой о поддержке на завершающих этапах гражданской войны. Он утверждал, что в случае "получения этой поддержки, она позволит Китаю выступить в качестве посредника между западными державами и СССР и заставить СССР отказаться от политики, ведущей к войне". Китай, утверждал Чжоу Эньлай, "находится на пороге полного экономического и физического краха". Русские не могут предоставить помощь в необходимых объемах и поэтому китайские коммунисты надеялись получить ее от американцев"¹⁴. Вильсон высказал предположение, что

люди Лю Шаоци - соперника Чжоу Эньлая - обнаружили эту проделку Чжоу Эньлая и что Чжоу Эньлай перестал использовать этот канал, решив, что более подходящим информационным каналом для связи с Вашингтоном будет американский посол Стюарт¹⁵.

Американские дипломаты в Китае пристально следили за отношением КПК к Советскому Союзу и ВКП(б) и всюду искали разногласия между ними. Они полностью заблуждались относительно истинного характера этих отношений и охотно клюнули за подброшенную им, по всей видимости, спецслужбами КПК версию "демарша Чжоу Эньлая".

Пожалуй, только генеральный консул США в Бэйпине О.Э.Клабб оценил "демарш Чжоу Эньлая" как "ловушку для США", акт "высокой коммунистической политики", вызванный тяжелым экономическим положением Китая и стремлением КПК получить от США помощь Китаю, чтобы облегчить его нынешние экономические трудности¹⁶.

В другой своей телеграмме в Госдепартамент по данному вопросу от 27 июля 1949 г. Клабб прямо писал, что "этот акт преследовал политическую цель и был предназначен для того, чтобы США с большей симпатией отнеслись к коммунистическим лидерам, и возможно, чтобы эта симпатия повлияла на позицию США в отношении торговли или прямой помощи, но отнюдь не представлял собой искреннее выражение подлинных политических взглядов коммунистов"¹⁷. Попытка руководства КПК осуществить намеченный ими курс на нормализацию отношений с США, получивший, как видно из приведенной выше переписки Мао Цзэдуна со Сталиным, одобрение последнего - не увенчалась, однако, успехом. Хотя многие американские дипломаты в Китае, судя по документам, приведенным в цитированном издании Госдепартамента и выступали за установление, на определенных условиях, отношений с руководством КПК с целью его отрыва от Советского Союза¹⁸, в правящих кругах США к лету 1949 г. возобладали резко антикоммунистические настроения, несмотря на то, что Стюарт убеждал Госдепартамент США в том, что его поездка "будет шагом в направлении улучшения взаимопонимания и должна будет усилить более либеральные и антисоветские элементы в КПК"¹⁹, Стюарту было категорически запрещено принять приглашение руководителей КПК посетить Бэйпин для встречи с ними²⁰. Американский посол вскоре был отозван из Китая. Через некоторое время после провозглашения Китайской Народной Республики были отозваны из Китая все дипломатические и консульские представители США и лишь через 20 с лишним лет, в 1972 г., после визита в Пекин президента США Никсона, эти отношения были восстановлены.

1. Foreign Relations of the United States (далее - FRUS). - 1949. - The Far East: China. - Wash. - 1978. - Vol. VIII.
2. Uncertain Years. Chinese-American Relations, 1947-1950. - N-Y. - 1980; Edwin W. Martin. Divided Counsel. The Anglo-American Response to Communist Victory in China. - Kentucky. - 1986 etc.; Cohen W. Conversations with Chinese Friends: Zhou Enlai's Associates Reflect Chinese-American Relations in the 1940-s and Korean War. Diplomatic History. - Wash. - 1987. - Vol. II. - V. 3. - P. 283-289; Ледовский А.М.

- Китайская политика США и советская дипломатия 1942-1954. - М. - Наука. - 1985. - С. 181-189.
3. FRUS. - 1949. - Vol. VIII. - P. 377, 741-786.
 4. Ibid. - P. 357-498.
 5. FRUS. - 1948. - Vol. VII. - Wash., 1970. - P. 506-5077 Цит. по: Ледовский А.М. СССР, США и Народная революция в Китае. М. - Наука. - 1979. - С. 160.
 6. Архив Президента Российской Федерации. Ф. 45. Оп. 1. - Д. 331. - Л. 16.
 7. Там же. - Л. 18-19.
 8. Там же. - Л. 20-21.
 9. Там же. - Л. 24-25.
 10. Там же. - Л. 66-69.
 11. Там же. - Л. 73-75.
 12. FRUS. - 1949. - Vol. VIII. - P. 458.
 13. Ibid. - P. 448, 458-459, 465.
 14. Wilson, Dick. Zhou Enlai. A Biography. - N-Y. - 1984. - P. 177.
 15. Ibid. - P. 177-178.
 16. FRUS. - 1949. - Vol. VIII. - P. 363-399. The Consul-General at Peiping (Clubb) to the Secretary of State. - Peiping, - 1949. - June 2.
 17. Ibid. - P. 398-399. The Consul-General at Peiping (Clubb) to the Secretary of State. - Peiping. - 1949. - June 27.
 18. См.: Ледовский А.М. Китайская политика США... - С. 181-188.
 19. FRUS. - 1949. - Vol. VIII. - P. 766. The Ambassador in China (Stuart) to the Secretary of State. - Nanking, 1949. - June 30.
 20. Ibid. - P. 769. "Вам дается указание, ни при каких обстоятельствах не совершать поездку в Бэйпин", - писал Госсекретарь Ачесон послу Стюарту 1 июля 1949 г.

Запад-Восток

Этика ненасилия: синтез интеллектуальных и нравственных ценностей

© 1994

Б.Поспелов

Ненасилие как идеал человеческого общежития. Проблемы и перспективы

В начале 90-х годов во все больших масштабах стали вспыхивать межнациональные вооруженные конфликты, возникли локальные войны и терроризм стал одним из средств политической борьбы. Казалось, что принцип ненасилия и мира действительно искусственный, что он вот-вот должен рухнуть, доказав свою непригодность в реальной жизни.

Так наряду с темой ненасилия во весь рост встала сопряженная с ней тема насилия. Прозвучал вопрос: останется ли неизбежным насилие в будущем, не напрасны ли попытки поборников этики ненасилия во всех странах утвердить этот принцип в качестве категорического императива?

Проблема насилия и ненасилия все более приобретала философско-теоретическое содержание.

Обратимся к мировому опыту и литературе по этому вопросу. На данном этапе ее основные контуры сводятся к следующему.

В каждой культуре существуют как ориентация на насилие, так и противостоящая ей ориентация на ненасилие. Факты свидетельствуют о том, что история природы и общества действительно является преимущественно историей войн и насилия, историей подавления сильным слабого, доминирования высшего над низшим на основе физического принуждения. Современные исследования, в особенности в области этологии, подводят к выводу о том, что насилие и борьба в прошлом, включая первобытное общество, были более жестокими и длительными, чем это представлялось ранее. В орбиту этого закона были включены индивиды, племена и нации, союзы и государства, постоянно испытывавшие на себе воздействие внешней силы. Приходится признать, что насилие в прошлом играло конструктивную роль в формировании человеческого сообщества (мысль Маркса о том, что "насилие всегда было повивальной бабкой истории" как раз и отражает этот факт).

Одновременно с широкой практикой насильственных действий, включая войны, порой отличавшихся особой жестокостью, в духовной области

сформировалось течение, оправдывавшее насилие, усматривавшее в нем необходимое условие развития. Оно восходило к воззрениям родо-племенного строя, когда культ войны и насилия получил сакральное значение. Возникшие вскоре религиозные организации различных направлений также стали оправдывать войны и насильственные действия. Заметное место в интеллектуальной истории человечества заняли тогда течения философской и общественной мысли, стремившиеся доказать благо, которое якобы несут людям войны и насилие. Такие взгляды существовали вплоть до самого последнего времени, скажем вплоть до конца второй мировой войны¹.

Но это была одна линия исторического процесса в ее, так сказать, материальном и духовном воплощении, линия реальных фактов и событий и отражавших их идеологических концепций. На определенном этапе цивилизационной эволюции ей стала противостоять линия морального, а затем и интеллектуального отрицания насилия и войн. Начало такому критицизму было положено прежде всего мировыми религиями - буддизмом, христианством и др. Моральное осуждение войн и насилия возникло в глубинах пробуждавшегося в людях нравственного сознания, в тех условиях оно неизбежно приняло форму религиозной идеологии, вобравшей в себя нарождавшиеся мысли и чувства протеста.

По мере развития науки формировалась линия интеллектуального осуждения насилия и войн как действий и состояния, противоречащих разуму. Идея отрицания войн прочно утверждалась уже в эпоху Реформации и особенно в эпоху Просвещения². Аксиология как учение о ценностях и содержании этического сознания и сциентский подход к действительности не разделены непроходимой стеной. Прозвучавшие тогда выступления ученых, стремившихся с научно-философских позиций обосновать необходимость отказа от войн, влились в единый поток человеческой мысли, все более аккумулировавшей в себе интеллектуальный и нравственный потенциал мира.

Но в исторической жизни моральное осуждение войн и насилия не могло кардинально влиять на практику применения последнего. Оно явилось реакцией на разгул зла и тирании в мире, играя роль психологической компенсации за те духовные и материальные потери, которые несло человечество в обстановке господства террора и жестокости. Тем не менее по мере накопления горького опыта войн и осмысления последствий насилия, по мере своего интеллектуального развития человечество, прежде всего в лице своих мыслителей и философов, все более решительно переходило на позиции идеологии ненасилия и мира. Моральное осуждение войн, этика ненасилия в XX веке способствовали рождению массовых ненасильственных организаций, формированию тактики широких ненасильственных действий, которые противопоставляют себя теории и практике насилия, стали реальными фактами исторической действительности.

Необходимо иметь в виду, что в ходе исторического развития человечества этика ненасилия претерпела существенную эволюцию: от христианского постулата, основанного на полном отчуждении от реальной жизни и проповедовавшего фактически отказ от действительной борьбы со злом, она пришла к утверждению активных ненасильственных действий во имя справедливости. Такая ее черта ярко проявилась в XX в. Основателями современной теории и практики ненасилия - Г.Торо, Л.Толстой, М.-Л.Кинг и в особенности Махатма Ганди. Ненасильственное сопротивление злу включает в себя методы ненасильственного протеста и убеждения, отказа от экономического и политического сотрудничества, методы санкций, ненасильственного вмешательства. Практика показывает, что при последовательном осуществлении тактики ненасильственных действий она даст свои плоды. Напомним, что

принцип ненасилия был принят рядом молодежных движений Запада 60-х годов, антивоенных, экологических, феминистских движений 70-х годов, он лег в основу широких общественных движений за мир и разоружение в 80-х годах. Идеалы ненасилия, защиты общечеловеческих интересов и ценностей, протест против войн лежали в основе различных движений за мир, в которых участвовали профсоюзы, социал-демократические партии, религиозные организации, объединения ученых, массовые движения на муниципальном уровне. Именно они, соединившись в 80-х годах в единый могучий поток, сыграли немаловажную роль в изменении общего направления мировой политики, приведшей к существенному ослаблению противостояния и уменьшению угрозы войны.

На Востоке пример эффективности стратегии ненасильственных действий дала Япония. Здесь массовые антивоенные выступления, выразившиеся в демонстрациях, различного рода обращениях к властям, кампаниях по сбору подписей антивоенными обращениями и т.д., стали одним из факторов, резко замедливших рост милитаризма в стране.

Этика ненасилия исходит из посылки о том, что в человеке борются два начала - стремление к добру и склонность ко злу. Ненасильственные акции стимулируют рост добрых чувств, ограничивают зло. Будучи не в состоянии полностью ликвидировать его, они могут ослабить жесткие, варварские формы проявления последнего, сузить среду его действия. Идеал ненасилия и мира - определяющая доминанта общечеловеческих интересов и ценностей, она лежит в основе понятия "общего блага" и концепции нового мирового порядка. Ненасилие - это верный путь к снятию или смягчению кризисности, конфликтности, конфронтационности во внутренней и международной политике.

Могут спросить, почему в наши дни в некоторых странах Азии, в частности в Индии, давшей международному сообществу декларацию о ненасильственном мире, насилие продолжает оставаться существенным компонентом внутренней ситуации. Почему на Ближнем Востоке не утихает пламя военного пожара, а в южных республиках бывшего Советского Союза льется кровь в межнациональных и религиозных конфликтах? Думается, что ответ может быть следующим.

На Востоке принцип ненасилия нашел наиболее яркое выражение в идее единства природы и человека. Он опровергает практику насильственного воздействия на нее. Совершено иным является положение человека в традиционном восточном социуме, где он лишен самоценности как индивид. Это становится причиной и идейно-политическим основанием насилия над личностью со стороны государства, кастовых групп и т.д.

Насилие в Индии, мусульманских странах Ближнего Востока как правило связано с идеологией фундаментализма в его наиболее крайних формах. И наоборот, теория и практика ненасильственных действий здесь является достоинством преимущественно демократически ориентированных организаций. Вспомним Махатму Ганди и идеологию гандизма, Джавахарлала Неру и идеологию движения неприсоединения. Они характеризовались ослаблением связей с фундаменталистской идеологией. Это проявилось, в частности, в противостоянии Индийского Национального Конгресса и партий Праджа Парисад, Джан Санг и других реакционных объединений. Борьба за демократизацию, принятие идеалов демократии, таким образом, становится важной предпосылкой принятия принципа ненасилия.

Но в наши дни под влиянием событий реальной жизни и условий, в которых развивается внутренняя и международная политика, в тесной связи с доктриной ненасилия по-прежнему остро, а может быть, еще более остро, чем 5-10 лет тому назад, стоит проблема насилия. Конечно, в этой области произошли

существенные сдвиги. В наши дни никто не выступит, да и невозможно выступить с открытыми призывами к ничем не ограниченному вооруженному насилию, никто во всеуслышание не осмеливается защищать насильственные действия в их варварских, вооруженных формах. В центре внимания теории и практики ныне стоит вопрос о том, каким может и каким должно быть насилие, каковы способы его применения. На наш взгляд, оправданным будет такое насилие, если оно преследует конструктивные цели и ведет к позитивным результатам. Человеческий разум и совесть могут допустить только такое насилие, которое служит высшим идеалам. В прошлом, да и сейчас, под предлогом осуществления провозглашаемых принципов шли и идут на оправдание вооруженного насилия некоторые религиозные течения и отдельные политические движения. Не приходится доказывать, что высшие идеалы - это обеспечение прав в свобод человека, национального суверенитета, мира и безопасности. Необходимо учитывать, прибегая к насилию, способствует ли оно целям развития, стабилизации социальной и политической обстановки в условиях роста демократии, стимулирует ли оно цивилизационный процесс в целом.

В связи с этим встает вопрос о содержании самого понятия "насилие". Насилие должно носить характер заставления, побуждения³, осуществляемых на основе права в соответствии с международными договоренностями, если речь идет об отношениях между государствами и нациями. Известный русский философ писал: "Есть насилие порабащующее, как есть насилие освобождающее... добро принуждено действовать в темной, злой мировой среде и потому действие его не прямолинейное"⁴.

Итак, насилие, как нам представляется, допустимо, если оно сводится к административным, политическим, экономическим и иным невооруженным мерам как побуждение к добрым делам во имя высшего принципа человеколюбия и гуманности. Понимаемые так насильственные действия облегчат осуществление универсальной стратегии ненасилия, которая неизбежно приведет в будущем, возможно в достаточно далеком будущем, к воплощению в жизнь его абсолютного идеала.

К сожалению, в настоящее время, по сравнению с началом 80-х годов, как нам кажется, произошло определенное снижение уровня интеллектуального поиска и нравственных исканий по утверждению идеологии ненасилия. Распалась международная система миротворческих организаций и движений, ослаб голос глашатаев идей ненасилия и мира, являвшихся тогда властителями умов многих миллионов людей. Этика ненасилия стала преимущественно достоянием элитарных групп, предметом узких философских дискуссий. Она еще недостаточно проникла в толщу массового сознания, от которого в конечном итоге зависит преодоление укоренившейся тенденции разрешать все конфликты и различия интересов путем кровавых вооруженных столкновений.

Но уже появляются обнадеживающие признаки улучшения состояния дел в этой области. Организация Объединенных Наций и ЮНЕСКО выступили с призывом к интеллектуальному авангарду человечества развернуть с новой энергией деятельность по утверждению чувства терпимости в отношениях между людьми, странами и народами. Недавно в США состоялся международный конгресс представителей всех религий, который принял обращение к верующим планеты принять кодекс поведения, главной целью которого является повсеместное утверждение идеологии мира и ненасилия. Русская православная церковь под малоубедительным предлогом не приняла участие в конгрессе, что свидетельствует об ослаблении экуменических тенденций, однако импульс новой волне движения за мир дан, и оно, несомненно, воздействует на оздоровление международной обстановки.

В конце августа прошлого года в Москве состоялся XIX Всемирный философский конгресс. Среди проблем, ставших объектом напряженной дискуссии на конгрессе, была проблема ненасилия. Ей было посвящено пленарное заседание, ее обсуждали на специализированных секциях. Работа этого научного форума завершилась обсуждением обращения ООН в адрес конгресса, содержавшего призыв к терпимости, к утверждению на планете идеологии мира и ненасилия. Все это говорит о том, что одно из влиятельных течений интеллектуального авангарда мирового сообщества, каким являются международные философские круги, снова включается в движение за мир и ненасилие на планете.

Позитивное воздействие интеллектуальных и нравственных контактов между Западом и Востоком в утверждении идеи мира

Становлению этики ненасилия и идеологии мира в общепланетарном масштабе могут служить интеллектуальные контакты, взаимообогащение нравственными ценностями Запада и Востока.

Собственно, Делийская декларация впитала в себя традиции западного рационализма и восточной мудрости, демонстрируя научную плодотворность такого синтеза. Ненасилие и мир - важнейшая цель и условие построения новой глобальной цивилизации на основе объединения ключевых компонентов восточной и западной культур.

Необходимо оттенить прежде всего полисемантическую природу понятий "мир" и "ненасилие" в интеллектуальной истории человечества.

Как средоточие различных цивилизаций, как геосторическая зона, отличающаяся необычайно разнообразной палитрой местных культур, Восток внес в понятие мир такие нюансы и оттенки, которые, с одной стороны, отражают глубину мысли и особенности мировосприятия и нравственного сознания населяющих его народов, с другой - обогащают наше понимание этой мировоззренческой категории. До последнего времени в международном сообществе доминировало утвердившееся в Европе понимание "мира" как состояния, в котором отсутствуют войны. Оно восходит к термину *Pax* периода римских завоеваний. В него вложен смысл процесса "становления империи" и утверждения в ней порядка, обеспечивающего процветание государства. В наше время получило распространение выражение *Pax-americae*, означающее устремленность к международной системе, в которой безраздельно господствуют США.

Но кроме римской версии состояния "мир" человеческое сознание выработало ряд других его пониманий. Так, на Ближнем Востоке и Средиземноморье утвердились другие термины, обозначающие понятие "мир": греческое - *eirē*, арабское - *salam*, еврейское - *shalom*. В отличие от римского *Pax* в качестве центральной в этих понятиях выступают такие ценностные категории, как справедливость, добро.

Свою трактовку мира привнесли мыслители Южной Азии. В учении индуизма большое место занимает понятие *santi*. Оно означает "внутренний мир" независимо от того, в каком направлении развиваются внешние обстоятельства. В буддизме прочно утвердилась категория ненасилия - *ahimsa*. Восходящая к учению йогов, она запрещает убийство любого живого существа.

Особое понимание состояния "мир" сложилось в странах Дальнего Востока. В Японии мир - хэйва и в Китае - хэпин означали гармонию. Считалось, что для ее достижения необязательно отказываться от насилия, если оно действительно способствует установлению порядка.

Сравнивая все эти варианты образа "мир", можно прийти к выводу, что категории Pax - erine - salam - shalom как компоненты общественной мысли Востока означают состояние мира на макроуровне, santi и ahimsa выражают его личностную сторону как внутреннее состояние человека. Дальневосточные категории мира - хэйва и хэпин - это суть выражения гармонии между макро- и микроуровнем, между государством и личностью. Таким образом, понятие "мир" на Востоке является комплексным и заключает в себе несколько ценностных категорий². Кроме обстоятельств, относящихся к сфере собственно культуры, имеют немалое значение возраст, пол, социальное положение человека.

Необходимо отметить, что важной ценностной категорией, составляющей видение окружающей жизни, является характер действующего лица, отстаивающего идеал ненасилия и мира. Об этом с достаточной убедительностью свидетельствуют данные опросов, проведенных среди японских студентов. Понимание мира в их сознании складывалось под влиянием двух факторов. К факторам первого порядка студенты отнесли отсутствие атомной бомбы, прекращение гонки вооружений, отказ от ядерных и обычных войн. Само собой разумеется, что данная характеристика мира - это продукт массового сознания современной эпохи, заключающей в себе черты, отсутствовавшие в жизни человека ранее. Среди факторов второго порядка доминировали такие ценностные категории, как свобода, любовь и счастье, спокойствие. Это вечные категории, стремление к которым всегда и везде было присуще людям.

Кроме ценностных категорий образ мира на Востоке нередко связан с категорией пространства. Эта черта мировосприятия особенно развита в Японии. Здесь сложилась специфическая структура соподчиненности состояния мира в зависимости от социальных и географических компонентов, а также степени осознания их роли в жизни человека. В ряду образов мира здесь на первом месте стоят "мир в семье", "мир в деревне", "мировая природа".

В общественной мысли и массовом сознании Востока нередко происходило взаимодействие либо слияние сложившихся образов мира. Этому способствовали межнациональные культурные обмены, религиозный плюрализм, специфические правила поведения, способ осмысления действительности.

Факты свидетельствуют о том, что на формирование идеологии ненасилия и мира на Востоке позитивное воздействие оказала научная мысль Запада; со своей стороны, восточные нравственные ценности вносили в мировосприятие народов Запада важное гуманистическое содержание. Такое влияние особенно ярко проявилось в интеллектуальной истории Японии - страны, первой из восточных держав вступившей на путь широких контактов с Западом.

Для иллюстрации данного положения стоит остановиться на двух сюжетах эволюции пацифистской концепции мира в этой стране. Один из них относится к довоенным годам, второй целиком является достоянием послевоенной Японии, вернее Японии 70-80-х годов.

Пришедшие в Японию с Запада пацифистские воззрения нередко воспринимались здесь сквозь призму категорий и понятий традиционных мировоззренческих систем религиозного характера. В даосизме, например, человек как носитель индивидуального протеста против войн и насилия выступает как частица подчинений единому порядку Вселенной, будучи целиком поглощенным ею. В буддизме индивид, отрицая войны и насилие, вместе с ними отрицал и реальный мир, избегая прямого участия в мирских делах. Та и другая разновидности традиционного восточного пацифизма были созерцательными, воспринимавшими состояние "мир" интуитивно в мире трансцендентного. Влияния традиционного мироощущения в отношении к

мыслительной категории "мир" не избежали и многие японские мыслители того периода⁶. Некоторые трактовали понятие "мир" в духе идей Лао Цзы, воспринимая реальную действительность сквозь традиционную восточную категорию "небытия" как источника и содержания всего сущего.

Интеллектуальная и морально-этическая традиция создавала определенные препятствия для отрицания войн в духе моральных заповедей европейского пацифизма. В конце XIX века в японском обществе были мало распространены такие действительные состояния этического переживания, как чувство справедливости, понятие "Воля Всевышнего", широко использовавшиеся христианским пацифизмом для осуждения войн. На первом этапе модернизационного процесса в Японии большим влиянием пользовалась социал-эволюционная система общественного развития, истолкованная на основе традиционных анимистских воззрений. Она утверждала право сильного на власть, доказывала правоту и справедливость его победы над слабым, победа сильного трактовалась как движитель прогресса. В такой идейной ситуации распространение пацифистского мироощущения было затруднено.

По мере развития японского общества по пути модернизации в конце XIX - начале XX века пацифистская идея мира стала увереннее входить в менталитет японского интеллектуального авангарда. Одним из важных мировоззренческих оснований этого процесса стало распространение пацифистских взглядов видных представителей западного интеллектуального движения за мир, в частности учения о войне и мире Канта.

Имя Канта получило известность в Японии в период подъема просветительского движения, падающего на 1880-е годы. Но подлинно научное осмысление теоретического наследия немецкого мыслителя здесь началось в 1910-1920-х годах⁷.

Можно выделить несколько направлений, по которым учение о войне и мире немецкого мыслителя оказало позитивное воздействие на японское теоретическое мышление. Во-первых, будучи сторонником морального отрицания войн, Кант осуждал в конечном итоге войны с позиций интеллекта, стоящего, как он писал "на вершине моральности законодательствующей власти". Идея о воздействии рационального начала на становление норм морали вообще присутствует в учении этого мыслителя. Акцентирование японскими исследователями⁸ интеллектуальной основы кантовской теории мира вносило новую струю в традиционные восточные спекуляции вокруг проблемы мира с их ярко выраженным спиритуалистским, мистическим элементом.

Во-вторых, вся философская система Канта характеризуется единством составляющих ее элементов - учения о государстве, праве и морали. Такая ее черта помогала оттенить объективное содержание кантовского пацифизма как состояния, детерминированного условиями жизни. Такая особенность в определенной степени создавала предпосылки для преодоления элементов простого морализирования, достаточно сильных в восточных подходах к проблеме мира. Это утверждение стимулировало в них тенденции к объективной оценке реальности и наполнению идеи мира конкретным содержанием.

В-третьих, учение Канта о мире является активным⁹. Немецкий ученый постоянно подчеркивал мысль о том, что мир должен быть "установлен", его пришествия нельзя ждать откуда-то со стороны. Активный характер кантовской концепции мира противоречил восточным учениям, некоторые из которых настаивали на уходе человека от действительности и декларировали возможность достижения мира только в сфере "небытия".

В-четвертых, Кант отрицал платоновскую идею "мудрого правителя", охватывающего своим интеллектом всю реальность и успешно справляющегося со всеми государственными делами. Такая утопическая установка, как известно,

широко распространена на Востоке. Ученый призывал других мыслителей заботиться о поддержании мира и предупреждать правителей о надвигающейся опасности. Представляется, что данная теория Канта созвучна учению китайского мыслителя Мо Цзы о "мудром правлении".

В-пятых, Кант в своих работах, в частности в трактате "К вечному миру", изложил план конкретных мероприятий по установлению мира и предупреждению войн. Это было предложение, альтернативное течению общественно-политической мысли и политике правящих кругов довоенной Японии, настаивавших на всемерной милитаризации страны.

К сожалению, людей, которые разделяли взгляды Канта по проблеме войны и мира, в прошлом было мало в этой стране. Но семена, посеянные японскими сторонниками Канта, дали богатые плоды в современной Японии, прогрессивные представители интеллектуального авангарда которой стоят в первых рядах мирового движения за мир.

Еще более яркий пример позитивного влияния западной теоретической мысли на образ мышления японской интеллектуальной элиты мы имеем в наше время.

В 1970-1980-х годах в качестве теоретической базы одного из направлений гуманистического течения за мир в Японии выступила так называемая структурная философия. Будучи просцированным на область политологии, это направление представлено исследованиями, сосредоточившимися на изучении последствий научно-технической революции в сфере межгосударственных и межнациональных отношений и принципов становления международного сообщества в условиях формирования новых внутренних и внешних связей составляющих его субъектов-государств, наций, региональных союзов и т.д. В этих исследованиях акцентируются единая и вместе с тем многосистемная структура окружающего мира, взаимозависимость и взаимообусловленность его компонентов, необходимость поддержания постоянного равновесия между ними, сохранение стабильности и мира в международных отношениях¹⁰.

В основе политологической теории мира, о которой идет речь, лежит концепция "глобального" или "планетарного" общества. В ней подчеркивается, что человечество ныне вступило в эпоху, когда его деятельность перешла рамки национальных границ. Возникли транснациональные корпорации, встала необходимость создания надгосударственных организаций.

Однако человечество в результате развития науки и техники создало проблемы, которые угрожают не только ему самому, но и другим "членам" глобального общества, всем живым существам, населяющим Землю. В связи с этим концепция выдвигает ряд задач и условий по его созданию. Среди них:

- необходимость "самоорганизации" научного знания и техники, выработка таких формул их использования, чтобы они не наносили вреда живым системам;

- выработка новых ценностных ориентаций для регулирования отношений между индивидами, установление правовых норм во взаимоотношениях между индивидами, государствами и обществами;

- создание механизма выработки ориентированности мировой политики и экономики глобального общества с целью распространения знаний и информации о нем.

Глобальное общество рассматривается как единое информационное пространство. Ему противопоставляется существующее ныне политическое пространство, "обнаруживающее тенденцию к беспредельному дроблению". Ориентирующая структура политики призвана преодолеть противоречия между идеалами глобального общества в виде Всемирного правительства и Всемирной

Федерации, с одной стороны, и тенденцией к сохранению суверенности каждого из государств - с другой.

Как видно, концепция глобального общества претендует на комплексное объяснение всей системы международных связей, существующих в реальной жизни. Тезис о взаимосвязи и взаимообусловленности всех явлений в природе и обществе, безусловно, не нуждается в специальной защите. Специфическим является, однако, его обоснование у японских сторонников планетарного сознания.

Идеи, заключенные в концепции глобального общества, восходят, как отмечалось, к системной философии - научному направлению, прочно утвердившемуся в западной философской мысли в 60-80-х годах.

Системная философия в Японии, впрочем, как и вся современная философия этой страны, сложилась под определяющим воздействием западной философской традиции. Последняя представлена широким спектром взглядов западных мыслителей, начиная от Платона, философов немецкой классической школы, в особенности Гегеля. Непосредственно на формирование системной философии в Японии оказали влияние те европейские теоретики, которые считаются прямыми родоначальниками этого направления. К ним прежде всего относятся Бергаланфи, Уайтхед, Винер и в особенности один из идеологов Римского клуба Е.Ласло.

В задачу автора не входит характеристика этого философского течения. Отметим только, что ему присуще понимание мира как целостной системы, состоящей из систем, поддерживающих между собой иерархическую структуру соподчиненности. Сама система рассматривается как совокупность элементов, находящихся во взаимодействии. Системной философии придается онтологическое и гносеологическое значение. Не менее существенной чертой этого течения является стремление выработать новую теорию ценностей, так называемую "мягкую аксиологию", на основе преодоления наблюдающихся ныне "крайностей и расщепленности ценностных воззрений". Из посылки о взаимообусловленности и взаимозависимости мира, о системном характере его внутренней структуры выводится тезис о необходимости преодоления идеологии индивидуализма и тоталитаризма в существующем мире, которые должны быть заменены монистической идеологией всеобщей гармонии и процветания.

В отечественной литературе для обозначения данной совокупности взглядов не употребляется термин "системная философия"¹¹. Вместо него предлагается употреблять выражение "философский принцип системности". Это очень сложный теоретический вопрос. Но как бы там ни было, а "системная философия" содержит в себе немало дискуссионных вопросов, положений, некоторые из них ошибочны, но не подлежат сомнению, что она прокладывает новую дорогу к универсальному знанию об окружающей человека действительности.

Что же касается возникшей на Западе "системной философии", то надо отметить некоторые особенности японской версии этого учения, которые, на наш взгляд, наложили свой отпечаток на японскую теорию систем. Во-первых, вся исходная посылка западной школы системной философии основана на принципе холизма. Он очень близок восточному мировосприятию, от начала до конца пронизанному идеей универсального. Идея о целостности мира в западной теории систем и понимание Вселенной как единства трех элементов очень близки между собой. Во-вторых, обращает на себя внимание акцентирование японскими сторонниками системной философии принципа информативности о полученных человечеством знаниях, стимулирования всеобщего образования в целях утверждения планетарного сознания. Этот принцип весьма напоминает буддистско-конфуцианский тезис о приоритетном значении образования,

самосовершенствования. В-третьих, некоторые положения системной философии или сходные с ними постулаты широко используются для обоснования идеи мира и ненасилия современными японскими идеологами буддизма. В частности, к ним нередко прибегает в своей публицистической и проповеднической деятельности Икэда Дайсаку - идеолог и руководитель необуддистской секты "Сока гаккай".

Две страницы из истории заимствования в Японии западных идей о теоретических основах политики мира и ненасилия, - два сюжета, иллюстрирующих действенность творческого поиска ученых Японии, позитивное значение результатов их обращения к научному наследию западных мыслителей. Возможность таких связей и контактов подтверждает универсальный характер категорий и понятий, утверждающих в национальных культурах Востока и Запада миротворческие тенденции.

Этические нормы - на уровень межгосударственных и межнациональных отношений

Этика ненасилия предполагает распространение гуманных норм человеческого общения на межгосударственные и межнациональные контакты.

Одной из важных проблем международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе, прежде всего в его азиатской зоне, являются преодоление сохраняющихся еще в некоторых ее районах неравномерности развития и отставание азиатских стран от индустриальных стран Севера. Само собой разумеется, что эта проблема здесь стоит не так остро, как на Африканском континенте.

Диалектика развития такова, что в реальной жизни общественное движение происходит неравномерно, в его ходе в прошлом относительно отсталые страны выдвигаются вперед, другие, занимавшие когда-то доминирующие позиции, уступают место им в международной экономической структуре или некоторых ее секторах. Но прогресс предусматривает ликвидацию диспропорций между элементами системы, он не допускает возможности поступательного развития одних ее частей за счет других. Однако, между развитыми странами Севера и многими странами Юга все еще сохраняется существенный разрыв в уровнях доходов на душу населения и возможностях удовлетворять потребности людей. Неравномерность развития - а об этом явлении можно говорить как о законе - возлагает на народы развивающихся стран дополнительные материальные тяготы и моральные обязательства, принцип "догнать", а сейчас он стал кое-где дополняться задачей "перегнать" страны Севера, зачастую усложняет работу по социальному оздоровлению восточных обществ, выхолаживает гуманитарное содержание экономических планов. Нельзя не признать, что при современном развитии цивилизации представляется весьма сложным осуществить принцип полной справедливости и обеспечить "равные возможности" всем народам, поэтому задача регулирования и сокращения такого разрыва приобретает глобальный общечеловеческий характер.

В наш век разума и повышающегося значения морали как никогда важны глубоко осознанные действия правительств и общественности для рационального использования закона неравномерного развития и управления им. От лидеров высоко развитых или, как иногда говорят, "богатых" государств требуется воля для принятия комплекса дополнительных решений - экономических, торговых, финансовых и других, которые стимулировали бы создание в мире нового экономического порядка. Растут ожидания, что народы этих стран и прежде всего их интеллектуальная элита осознают необходимость

внести существенные коррективы в утвердившуюся здесь психологию безудержного потребительства и пойдут на разумное сокращение масштабов внутреннего спроса. Такие призывы все чаще раздаются в странах Севера. Здесь все более зреет понимание того, что достижение глобальной безопасности и создание условий для всеобщего цивилизационного развития невозможно без обеспечения экономической безопасности отсталых стран и поддержания социальной стабильности. В качестве одной из основ современного стратегического мышления в ряду главных факторов безопасности стоит деятельность по удовлетворению основных человеческих потребностей в отсталых странах, к которым, в частности, относятся пища, жилище, здоровье, образование, транспорт, связь. Следование социальной доктрине удовлетворения этих потребностей является императивом нашего времени.

Возможность осуществления этой доктрины резко увеличится, если в междоударственные и межнациональные отношения будут последовательно привноситься нормы гуманности и человеколюбия. Буддистское мирозерцание провозглашает любовь и сострадание в качестве основы человеческой жизни. Лучшие представители западной мысли также отстаивали тезис о том, что источником морали должно выступать чувство сострадания к другому. На этом, в частности, настаивал Шопенгауэр, усматривавший критерий морально-ценностного поступка в отсутствии всякой эгоистической мотивации².

Читая международные договоры и соглашения, мы принимаем за непрерываемую норму содержащиеся в них статьи и положения, обязывающие строить междоударственные отношения на принципах "взаимной выгоды" и "обоюдных интересов". Но если такие отношения не приносят непосредственной "обоюдной выгоды", если они не укладываются в рамки традиционного утилитаризма? Думается, что в особых случаях они должны опираться на моральные нормы, свободные от ярко выраженного эгоистического интереса (мы не говорим о том, что в прошлом, в период колониализма, по существу вся политика метрополий по отношению к странам Востока зиждилась на принципе эгоистического утилитаризма). В таком случае путеводителем может выступить чувство сострадания к другим народам. Оно может быть вызвано разными обстоятельствами, поставившими народ иностранного государства в тяжелое положение.

Богатые страны Европы и Америки, а также Япония обладают достаточными ресурсами, чтобы в своей внешней политике более последовательно придерживаться принципа сострадания к другому.

О Японии как о богатой азиатской стране, следует сказать особо.

За последнее время она добилась значительных успехов в расширении своих международных связей, особенно в сфере экономики, в увеличении вклада в мировое цивилизационное развитие. Вместе с тем, недостаточное продвижение этого процесса, прежде всего в гуманитарной области. Сделан вывод о сильном влиянии партикуляристских настроений в этой стране, о непреодоленном чувстве ее "закрытости", об элементах "экономического национализма" и т.д. Необходимо указать на следующее обстоятельство: Японии, при всех ее успехах в расширении международных связей, не достает чувства соучастия к судьбам других народов. Слабое чувство сострадания к другим - вот, на наш взгляд, одна из главных характеристик международных позиций Страны восходящего солнца.

Японская нация не без оснований гордится успехами своего государства в деле осуществления цивилизационного курса. К сожалению, это чувство иногда перерастает в националистическое высокомерие по отношению к другим народам. Главным предметом гордости японского народа стало то, что их страна превратилась в государство западного типа, первым на Востоке в полном объеме

воспринявшим достижения евро-американской цивилизации. Такой же имидж Японии стремится поддержать в глазах мирового сообщества.

Но претендуя на первенство в политико-идеологической и культурной жизни мирового сообщества, определенная часть интеллектуальных кругов Японии начинает все более осознавать, что одними экономическими успехами этой цели не достичь. Они справедливо считают, что стране нужна новая всеобъемлющая идея всемирно-исторического значения, которая имела бы универсальное гуманистическое содержание и могла бы рассчитывать на международную поддержку. Отсюда - усилившиеся поиски новой общецивилизационной доктрины.

Консервативное направление общественного сознания делает акцент на гальванизации националистических традиций и создании на их основе новых, более рафинированных ценностей партикуляристского толка.

Большую роль играет течение, призывающее наполнить идеологическим содержанием экономические успехи Японии и утвердить мировоззрение, основанное на техногенных принципах.

Тому и другому течению все более открыто противостоит направление, настаивающее на выработке новой гуманистической доктрины, которая преодолела бы техницистские тенденции и придала Японии облик государства с новым лицом и новыми возможностями для решения глобальных проблем и духовных запросов человечества.

Думается, что провозглашение этической доктрины сострадания в качестве основы своих международных связей и организующей идеи глобального уровня явилось бы наилучшим ответом на поставленную Японией задачу.¹³

1. Немало примеров этому можно, в частности, найти в японской, а также в немецкой литературе периода подготовки агрессии. Тезис о "благости" войн составил краеугольный камень идеологии японского милитаризма и германского фашизма. Это общеизвестный факт.
2. Выдающееся место в ряду поборников идеи ненасилия в этот период занимает Иммануил Кант, автор знаменитого трактата "К вечному миру". Иммануил Кант. Соч.- Т. VI. - Москва, 1966.
3. Эти определения характера насильственных действий дал известный русский философ И.А.Ильин в своей работе "О сопротивлении злу силою". См.: Ильин.И.А. Путь к очевидности. - Москва, 1993. - С. 17.
4. Бердяев.Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. - Москва, 1990. - С. 177.
5. Takeshi Ishida. Beyond the Traditional Concepts of Peace in Different Cultures // J. Peace Research. - V. VI. N 2. - P. 130-135.
6. Исида Такэси. Нихон-но сэйдзи то котоба (Японская политика и выражающие ее термины). - Токио, 1989. - С. 28.
7. Фунаяма Синити. Тайсё тэцугакуси кэнкю (Исследование философии периода Тайсё). - Токио, 1965.
8. Асанага Сандзюро. Канто-но хэйварон (Теория мира у Канта). - Токио, 1922.
9. Иммануил Кант. К вечному миру. Соч.- Т. VI. - Москва, 1966.
10. Ито Сигэюки. Сисутэму тэцугаку дзёсэцу (Введение в системную философию). - Токио, 1988.
11. Юдин.Б.Г. Некоторые особенности развития системных исследований // Системные исследования. Методологические проблемы. - Москва, 1981. - С. 7-8.
12. Артур Шопенгауэр. Свобода воли и нравственность. - М. 1992. - С. 209.
13. При работе над статьей автор использовал материалы, опубликованные в журнале "Вопросы философии" (N 3, 1992 и др.) и материалы XIX Всемирного философского конгресса.

Русские в Китае

"Союз русских женщин" со свастикой

© 1994

С.Лазарева

Октябрьская революция 1917 г. и Гражданская война перевернули до основания Россию, взбудоражили все слои ее населения. За пределы страны хлынули потоки активных участников потерпевшего поражение Белого движения, рабочих и крестьян, мобилизованных в белые армии и затем вывезенных за границу, сомневающихся интеллигентов, бежавших от разрухи. Многие уезжали семьями. Большинство было движимо классовой ненавистью к нарождавшемуся социально-экономическому строю, лишившему их привычных жизненных устоев и благ. Спектр идейно-политических взглядов у покидавших Россию эмигрантов был довольно широк и разнообразен: черносотенцы, сменовеховцы, евразийцы, члены НТС (Народно-трудовой союз), русские националисты и др.

Политическая жизнь русского зарубежья достаточно полно исследована советскими историками С.А.Федюкиным, Г.З.Иоффе, Ю.В.Мухачевым, В.В.Коминим, А.Л.Афанасьевым, Л.К.Шкаренковым¹ и др. Но, к сожалению, русское зарубежье на Дальнем Востоке изучено еще слабо, хотя оно имело свои особенности. И почти совсем не затрагивается авторами деятельность русских женских организаций в Маньчжурии. По некоторым данным, в 1930 г. в Маньчжурии насчитывалось 110 тыс. эмигрантов из России и треть из них женщины².

В середине 20-х годов в Маньчжурии в среде российских эмигрантов преобладали антисоветские настроения, шел поиск новых социальных идей и новых организационных форм борьбы с Советской властью. Местом дискуссий стал Клуб русского студенческого общества в г.Харбине. Бывший царский генерал В.Д.Косьмин разъяснял в Клубе идеи фашизма и призывал к созданию русской фашистской партии в Маньчжурии. Эта инициатива была поддержана студентами и выпускниками Юридического факультета в г.Харбине Б.С.Румянцевым, Е.В.Кораблевым, В.Н.Василенко, К.В.Родзаевским и др. В

Лазарева Светлана Ивановна, кандидат исторических наук, научный сотрудник
Института истории, археологии, и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

1926 г. была создана "Российская фашистская организация" (РФО), которая через 2 года оформилась в "Российскую фашистскую партию" (РФП). Председателем ее был избран В.Д.Косьмин, но фактически руководителем партии стал К.В.Родзаевский³. В 30-е годы в ее рядах насчитывалось более 20 тыс. чел.⁴. Учитывая важную общественную роль женщин, фашисты создали в 1932 г. "Российское женское фашистское движение".

Здесь необходимо указать, что в условиях кризиса либеральной демократии термин "фашизм" еще не стал однозначным и членоконенавистнической суть немецкого национал-социализма многим не была очевидна.

Члены фашистской организации ставили своей задачей осуществление национальной революции в России, свержение Советской власти и установление фашистской диктатуры, означавшей, по их мнению, сотрудничество труда и капитала под девизом "Бог. Нация. Труд." Вопрос о государственном устройстве "Новой России" должен был решить народ путем созыва Земского собрания. Символом дальневосточных русских фашистов была выбрана свастика (древнеиндийский символ), первоначально ничего не имевшая общего с итальянским, немецким и испанским фашизмом, а отражавшая понятия счастья, добродетели и вечного движения вперед.

Практические дела фашистов, как правило, скрывались от рядовых эмигрантов. Все, что становилось известным, формировало в эмигрантской среде отрицательное отношение к местным фашистам. Причина этого заключалась прежде всего в гражданской и нравственной порядочности людей, сторонившихся темных деяний и уголовных элементов, с которыми были связаны фашисты. И тем не менее при покровительстве и поощрении местных властей фашисты, следуя Программе РФП, постепенно распространяли свои ячейки по всей территории Китая, вовлекая в орбиту своей деятельности все большее число российских эмигрантов. Этому способствовало и то, что русские люди, оказавшиеся после революции в Китае, не знали подлинного лица немецкого фашизма, его идеологии. Эти сведения замалчивались средствами массовой информации, находившимися под полным контролем японских оккупационных властей. Между сторонниками политики оккупантов и основной массой русских людей существовала глухая стена недоверия, которая полностью переносилась и на сотрудничавших с властями русских фашистов. Это недоверие заметно усилилось с началом второй мировой войны, когда проявилось подлинное лицо немецких, итальянских и испанских фашистов.

Чтобы как-то успокоить колеблющихся эмигрантов-женщин, руководство "Российского женского фашистского движения" 1 марта 1941 г. переименовало свою организацию в "Союз русских женщин".

"Союз русских женщин" по своим целям и политической направленности объявлялся лишь как антикоммунистический. Однако под влиянием "Всероссийской фашистской партии" (ВФП) "Союз" стал проводить политику фашистского толка.

Первым председателем "Союза русских женщин" была Абаимова, ее сменила Е.Г.Охотина. Муж последней - Л.П.Охотин - был одним из охранников К.В.Родзаевского. В 1945 г. Е.Г.Охотина была арестована в г.Харбине и сослана на Колыму, где отсидела 10 лет. Ее муж также был арестован и умер в лагере в 1948 г. Членом "Союза" была и вторая жена К.В.Родзаевского - Нсонила Назарова, активная участница организации. Она прожила в г.Харбине до 1952 г., позднее переехала в Бразилию, а затем в США в г.Сан-Франциско.

По социальному составу члены организации были служащими: работниками местных газет и журналов, банкбв и других учреждений. По возрасту это была молодежь от 20 до 40 лет. Можно отметить определенный

численный рост организации. Если в 1932 г. в ней состояло 127 чел., то в 1941 г. насчитывалось 226 чел.⁵

Существовал Харбинский отдел "Союза". Одной из его инициатив было учреждение так называемых "голодных дней". Это означало отказ раз в месяц от обеда в пользу фонда антикоммунистической борьбы. Такое мероприятие давало некоторое пополнение фашистской кассе⁶.

По вторникам и четвергам в "Союзе" проводились политические мероприятия. Очень часто на них присутствовал сам руководитель РФП К.В.Родзаевский. Под влиянием местных фашистов, которые стремились активизировать антисоветскую деятельность эмиграции, "Союз русских женщин" призывал к созданию "боевого единства живых сил эмиграции" на антикоммунистических позициях. С этой целью на "вторниках" и "четвергах" читались доклады на общественно-политические темы: "О советской промышленности", "О ценах", "О заработной плате в СССР", "К знанию врага" и др. Доклады читали либо сами члены "Союза", либо лекторы из числа активистов фашистской партии. Очень много внимания уделялось раскрытию роли русской женщины в истории. Об этом свидетельствуют темы докладов: "Русская женщина в русской истории", "Императрицы Екатерина Великая, Елизавета Петровна и Анна Иоановна", "Участие женщин в политической и общественной жизни России" и др.⁷ Тем самым подчеркивалась важная роль женщины в общественной жизни страны. Активными докладчиками были С.С.Яснопольская, А.М.Русанова, О.В.Мамитько.

"Союз" прилагал немало усилий для расширения социальной базы своего движения, вовлекая в свою работу молодежь. Именно этой цели служило создание в апреле 1934 г. "Союза юных авангардисток", который 28 февраля 1941 г. был переименован в "Союз русских девушек" (председатель Пац-Помарнацкая). К 1941 г. в молодежной организации насчитывалось 153 чел.⁸ Под руководством "Союза русских женщин" работа у девушек проводилась как по культурно-массовой линии - открытые вечера с докладами, художественной самодеятельностью, танцами, - так и по политической линии - чтение политических докладов, обсуждение целей и задач движения.

Огромное внимание уделялось "Союзом русских женщин" вопросам религии. 1937 год был назван годом лозунга "Под сень церкви православной". Руководители "Союза" Г.В.Охотина и В.С.Бородич прочитали доклады, посвященные православной церкви, раскрыли роль женщины в религии. В поисках нравственных опор члены организации обращались к истории Родины, ее культурному богатству. Поэтому не случайно на проводимые "Союзом" вечера приглашались поэты: Ольга Скопиченко, Николай Светлов, Лариса Андерсен, которые читали свои стихотворения: "Путь изгнанника" (О. Скопиченко), "Сторукая" (Г.Светлов), выступала на вечерах известная пианистка Олимпиада Колчина⁹.

Руководство "Союза" в 40-е годы периодически выступало по радио с обращениями к русским женщинам-эмигранткам, в которых звучал призыв сохранить верность идеям борьбы против СССР, за возрождение "новой России"¹⁰. Следует отметить, что деятельность русских фашистских организаций в Китае как антисоветских поддерживалась японскими оккупационными властями. Однако во время Великой Отечественной войны многие члены "Союза русских женщин" встали на патриотические оборонческие позиции. А с середины 1943 г., когда в ходе мировой войны наметился явный перелом как в Европе, так и на Тихом океане, советский фактор приобрел все большее значение в политике Японии. В новых складывающихся условиях русские фашистские организации стали японцам не нужны. Без поддержки последних все организации подобного типа быстро зачахли. Перестал существовать и

"Союз русских женщин". После окончания войны в 1945 г. руководство "Союза" Е.Г.Охотина, А.С.Бородич, О.В.Мамитько и др. были арестованы, осуждены и направлены для отбытия наказания на Колыму. Некоторые члены "Союза" отошли от его деятельности и эмигрировали в другие страны, подобно Н.Родзаевской-Назаровой.

1. Федюкин С.А. Великий Октябрь и интеллигенция. Из истории вовлечения старой интеллигенции в строительство социализма. - М., 1972; Иоффе Г.З. Крах российской монархической контрреволюции. - М., 1977; Мухачев Ю.В. Идеино-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства. - М., 1982; Комин В.В. Крах российской контрреволюции за рубежом. - Калинин, 1977; Комин В.В. Политический и идейный крах русской мелкобуржуазной контрреволюции за рубежом. Калинин, 1977; Афанасьев А.Л. Полюнь в чужих полях, М., 1984; Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. - М., 1987 и др.
2. ЦГА ДВ. - Ф. 217. - Оп. 1. - Д. 3. - Л. 59-63.
3. См.: Мельников Ю. Русские фашисты в Маньчжурии // Проблемы Дальнего Востока. - 1991. - N 2. - С. 109-121; С. 156-164.
4. ГАХК. - Ф. 830. - Оп. 1. - Д. 264. - Л. 59-60.
5. ГАХК. - Ф. 830. - Оп. 1. - Д. 263. - Л. 1-3.
6. Там же.
7. Там же.
8. ГАХК. - Ф. 830. - Оп. 1. - Д. 60. Л. 152, 154-156, 158.
9. ГАХК. - Ф. 830. - Оп. 1. - Д. 263. - Л. 36-38.
10. Там же.

Традиции и обычаи

Истоки и корни японского национального характера

© 1994

С.Маркарьян, Э.Молодякова

В современных условиях, когда самые различные народы сознают потребность заявить о своей этнической уникальности, обращение к истории формирования японского этноса, личности и общества предоставляется исключительно важным прежде всего ввиду грандиозных успехов этой нации во многих сферах деятельности. Исторического и исследовательского материала, который, казалось бы, дает полную возможность нарисовать картину формирования японского этноса и общества, достаточно много. Тем не менее до сих пор не сложилось целостного представления о том, как шел процесс формирования специфических черт японского этноса, связанных со становлением личности, что лежало в его основе и что было его движущей силой.

В данной статье этот вопрос рассматривается больше в плане теоретическом, а не конкретно фактографическом, в рамках этнологии, а не этнографии, антропологии и археологии. Используя данные этих дисциплин как базу для нашего исследования, мы оставляем их "за скобками", будучи ограниченными как конкретным предметом исследования, так и жанром и объемом настоящей работы.

Для анализа поставленной проблемы наиболее продуктивным представляется использование системного подхода, впервые примененного для исследования возникновения и развития этноса Л.Н.Гумилевым. Этот подход вполне можно распространить и на изучение общества. Суть системного анализа состоит в том, что внимание при исследовании сосредоточено прежде всего на связях компонентов, явлений, личностей, а не на них самих. По определению американского ученого Л. фон Берталанфи, впервые сформулировавшего это понятие, "система есть комплекс элементов, находящихся во взаимодействии"¹.

Методика системного подхода предусматривает деление на два типа систем - жесткие и дискретные (корпускулярные). В свою очередь эти системы могут быть открытыми или замкнутыми. Отсюда возможны их четыре разновидности: жесткая открытая система, жесткая замкнутая, дискретная

Маркарьян Седа Багдасаровна, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН

Молодякова Эльгена Васильевна, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН

открытая и дискретная замкнутая. Но, безусловно, каждая система в чистом виде не существует.

Японский этнос и общество с наибольшей долей приближения укладываются в замкнутую систему дискретного типа. В этом случае нет жесткой связи между всеми элементами, которые тем не менее нуждаются друг в друге. "Именно как системы такого типа существуют в биосфере природные коллективы людей с общим стереотипом поведения и своеобразной внутренней структурой, противопоставляющие себя ("мы") всем другим коллективам ("не мы"). Это явление противопоставления связывает социальные формы со всеми природными факторами. Это как раз тот механизм, при помощи которого человек влияет на природу, воспринимает ее составляющие и кристаллизует их в свою культуру"².

При характеристике параметров любого общества следует учитывать всю совокупность природных, географических, биологических, сакрально-мифологических, религиозных, историко-психологических, социально-экономических, политических и культурных категорий. Каждый человек существует в природной и социальной среде, ибо он одновременно принадлежит и этносу и социуму. До настоящего времени как у отечественных, так и у зарубежных ученых нет единого мнения относительно понятия этнос. На наш взгляд, наиболее оптимально определение, данное Л.Гумилевым: "Этнос... - коллектив..., имеющий неповторимую внутреннюю структуру и оригинальный стереотип поведения, причем обе составляющие динамичны. Следовательно, этнос - это элементарное явление, не сводимое ни к социологическому, ни к биологическому, ни к географическому явлениям"³. Этнос существует в историческом пространстве, а через свою производственную деятельность взаимодействует с природной средой.

Каждый этнос, народ и государство существуют в определенном пространстве, которое включает географическое положение, ландшафт и этническое окружение. Характер этого пространства накладывает отпечаток на географическое сознание, мироощущение и мировосприятие, другими словами, на этнопсихологический настрой народа, а на более высоком уровне формирует в известной мере и его политическое сознание. Природная среда оказывает чрезвычайно сильное влияние на хозяйственную деятельность общества, его уклад, определяет направление развития. Всем этим факторам придавали значение философы и историки на протяжении веков - от Аристотеля, Геродота, Страбона до Токвиля и Гумбольдта.

Географическое положение (суша - море, остров - континент) напрямую соотносится со спецификой каждого этноса. Менталитет японцев, в отличие от другой классической островной страны - Англии, можно скорее определить как континентальный (впервые эту мысль высказал один из основоположников геополитики К.Хаусхофер, хотя море всегда играло большую роль в жизни японцев. Япония на протяжении веков, несмотря на островное положение и небольшую территорию, была в принципе теллуократическим⁴ государством, о чем свидетельствует, в частности, отсутствие морского флота на государственном уровне, хотя японские пираты были грозой на морских путях у берегов Китая и даже поднимались по Янцзы. Англия всегда представляется ярко выраженным талассократическим государством, но нельзя абсолютизировать и ее талассократию, поскольку эта страна вплоть до XVI в. не только проявляла большой интерес к континенту, но и имела там владения.

Впоследствии революция Мэйдзи и связанные с ней модернизация и европеизация страны внесли серьезные коррективы в континентальный менталитет японцев, который формировался, в первую очередь, глубинным долговременным влиянием Китая, а последние 100-120 лет и Евразии в целом. Но это влияние, в отличие от континентального влияния на Англию, осуществлялось всегда мирным путем. В этом, очевидно, и заключается причина казалась бы парадоксального явления - континентального менталитета японцев.

Из всех составляющих географической среды с возникновением и существованием этноса наиболее тесно связан ландшафт, ибо каждый этнос адаптируется к окружающей его природной среде. Но, адаптируясь к ландшафту, человек одновременно приспосабливает его к своим потребностям, используя его богатство. Человек творчески подходит к изменению окружающей среды, создавая уже антропогенный ландшафт (архитектура городов, поселений,

плотины, дамбы, дороги и пр.), который в значительной мере зависит от характера деятельности каждого этноса.

Возникновение японского этноса подтверждает вполне справедливое замечание Л. Гумилева, что этносы зарождаются там, где природные условия разнообразны. На японских островах, вытянувшихся с севера на юг тонкой цепочкой на протяжении 3400 км, - удивительное разнообразие природных и климатических условий, ярко выраженное изменение температуры, ветров и осадков в зависимости от места и времени года. Для Японии характерна резкая смена времен года. Все это, может быть, и порождает в числе других причин необыкновенную привязанность японцев к природе, формируя своего рода культ природы, отраженный в религии, календарных обрядах и обычаях, в эстетических принципах. Для японцев характерны соотношенность жизни с природным циклом, созерцательное восприятие природы. Видимо, не случайно бытует мнение, что, если из многочисленных японских антологий исключить стихотворения о природе, то от них ничего не останется. Разнообразие ландшафта и климатических условий самым тесным образом также связано с особенностями хозяйственной деятельности. Достаточно упомянуть характер японского сельского хозяйства с его небольшими клетками залитых водой рисовых полей, ставшими символом Японии, и возделанными террасами на горных склонах. Во взаимодействии с ландшафтом у японцев достаточно рельефно просматривается не только потребительское, но и охранительное отношение⁵.

Понять характер японского общества невозможно без учета также его мифологизированной истории. Речь идет о космогонических мифах, повествующих о происхождении мира, об "эре богов", о космологических легендах, рассказывающих о дальнейшем устройстве этого мира и возникновении Японии. "Миф является истинной историей, которая произошла в начале времени и которая служит моделью человеческого поведения... Мы всегда современники какого-либо мифа, когда его рассказываем и когда имитируем жесты или поступки мифических персонажей"⁶. Подражание действиям богов, демонов или героев способствовало сакрализации человеческого существования и космоса и как бы давало человеку власть над миром. Не менее важным для мировоззрения японцев оказалась понятие стихии и первоэлементов (вода, огонь, земля, дерево, металл), присущее китайской философии, а также категории сакральной географии - суша - море, гора (как самая чистая часть земли и место ее соединения с небом) и восприятие Востока как "ян" и Запада как "инь", согласно китайской традиции.

Содержание японских мифов, как и у других народов, служит как бы зеркальным отражением взаимоотношений древних японцев с силами природы, а также таких важнейших событий в их жизни, как смена матриархата патриархатом, формирование семьи и общества, норм поведения, возникновение государства. Запись мифов в сборник Кодзики производилась непосредственно по инициативе императора Тэмму (VIII в.), ощутившего необходимость укрепления императорской власти не только военным или экономическим, но и идеологическим путем. Как пишет академик Н.И. Конрад, "Устанавливая приоритет императорского дома, бывшего по существу лишь одним из наиболее могущественных среди всех прочих домов родовых старейшин, Кодзики способствует централизации государственной власти в Японии, помогает идеологически тому процессу, который уже шел полным ходом в областях экономической и политической. Наделяя монархов божественным происхождением от самой Аматэрасу, Кодзики делает возможным установление прочного общегосударственного культа как средства той же централизации и общего "огосударствления" Японии. Кодзики укрепляет позиции центральной власти и исторически, и политически, и религиозно"⁷. Таким образом, мифы отражают историю Японии под заданным углом зрения.

Основу мифологизированной японской истории составляет концепция сакральной императорской власти, стремление провести прямую линию от богов-создателей островов через их "потомков" к царствующим императорам. Японские космогонические мифы соответствуют одному из основополагающих понятий сакральной географии - суша - море, о котором уже говорилось выше. Японские острова были созданы верховными божествами местного пантеона - парой Идзанаги и Идзанами. Дочь Идзанаги - Аматэрасу - богиня Солнца -

становится и покровительницей земледелия. В своих небесных владениях она возделывает рисовое поле.

В мифе об Аматэрасу находит отражение развитие общественных отношений, о чем свидетельствуют разнообразные деяния этой богини и признание ее первой царственной прародительницей японской нации. Произошло соединение синтоистских богов с предками людей. В результате в синто оформились два достаточно отличных друг от друга аспекта - народные верования и культ национальных царственных предков и императора. Последний аспект послужил основой для складывания в позднее средневековье самобытной "японской идеи" и оформления в XIX в. государственного синто, что оказало огромное влияние на дальнейшее развитие японского общества.

Император как первосвященник синто, обладающий магической силой общения с божествами, сохранял свое место в иерархии японского общества, даже будучи отстраненным от политической власти. Во многом это способствовало сохранению роли синто как общей для всех японцев идеологии даже в период укоренения и широкого распространения буддизма и конфуцианства.

Религии и религиозно-философские учения определяют в значительной степени направленность действий людей и, по М.Веберу, являются своего рода "вектором их социального поведения". По его определению, религии и морально-этические учения разделяются по их отношению к жизни на три группы: приспособляющиеся к миру - конфуцианство, даосизм; убегающие от мира - буддизм и индуизм и овладевающие миром - иудаизм и христианство. "В каждом из этих способов отношения к миру уже заключен, как в зародыше, соответствующий "образ" и "стиль жизни" людей - этически определенная модификация формы их существования"⁸.

Синтоизм в строгом смысле слова не является религией. Он представляет собой своего рода мозаику из разнообразных верований, культов, ритуалов и этических норм, которые пронизывают повседневную жизнь японцев, поэтому его можно рассматривать как форму мировосприятия. Отсюда его определение как народного синтоизма. Одна из его составляющих - культ природы - родилась в значительной степени из традиционно уважительного отношения японцев к природе, своего рода почтения к ней. Согласно синто, природный объект персонифицировался как святой или как обожествленный, а природные явления приписывались деятельности богов. Магические культовые обряды этой стороны синто преследовали посясторонние цели: регулирование погоды, обеспечение плодородия и других материальных благ, исцеление от болезней, изгнание злых духов и пр., т.е. "относительно рациональное", по М.Веберу, действие. Второй составляющей является культ предков, иррациональная, но имеющая огромную социальную силу, сторона синто. В этом культе отражалась иерархическая структура реального японского общества. "Отношение японской религии к миру как к конечной реальности содержит зерно двух различных направлений веры и поклонения: одно обращено к природе как загадочному источнику всей жизни и щедрому дарителю изобилия; другое - к сонму предков, присутствие которых продолжает ощущаться в этом материальном мире"⁹.

В синтоизме нет строго разработанных канонов и догм, у него нет конкретных основателей и пророков, что является неотъемлемой составляющей любой мировой религии. В целом для него характерен сравнительно низкий теоретический уровень, а в его верованиях нет элемента всеобщности. Синтоизм принадлежит только японцам.

Отсутствие канонов и догм в синтоизме делает его открытым для восприятия буддизма, конфуцианских и даосистских морально-этических норм, а также христианства.

В отличие от конфуцианства, которое проникало в повседневную жизнь японского общества, чье влияние ощущается до сих пор, буддизм затронул главным образом духовную жизнь и культуру. Бесконфликтное принятие конфуцианства и даосизма легко объясняется их общим с синтоизмом адаптивным мировосприятием. В то же время, несмотря на отсутствие в японской традиции веры в трансцендентное (у японцев достаточно земной склад ума) они охотно приняли буддизм. Точкой соприкосновения синтоизма с буддизмом явилось в значительной степени их адекватное отношение к предкам. Согласно синтоизму, души ушедших "остаются" с живыми на земле, а в

буддизме, хотя они и уходят в "чистую землю", но затем, перевоплотившись в других людей, возвращаются. Достаточно мирное сосуществование этих двух религий привело к синто-буддийскому синкретизму, в котором на протяжении многих веков, вплоть до XVIII столетия, господствующее положение занимал пришедший извне буддизм.

Синто-буддийский синкретизм не стал философским учением, он не способствовал осмыслению жизнедеятельности общества, сохраняя религиозный, эзотерический, мифологический характер. Главным в духовной сфере было признание общеизвестных японских божеств "временными проявлениями" бодхисатв, например Каннон. А материальным воплощением этого синкретизма служило возведение совместных храмов. Однако внутри его (начиная с IX в.) существовала оппозиция синто, стремившаяся обосновать почитание исключительно японских божеств, осмыслить представление об эре богов, что впоследствии привело к так называемому государственному синтоизму, оформившемуся уже к концу периода Токугава как течение и система доктрин, но официально утвердившемуся в этом качестве только после реставрации Мэйдзи. Это было связано с ослаблением влияния буддизма в стране, с выходом синто из подчиненного положения, поклонением в своих собственных святилищах, утверждением концепции монархического правления. Последнее, с одной стороны, опиралось на синто, а с другой - способствовало его развитию, т.е. имела место обратная связь.

Конфуцианство также не развилось в Японии как самостоятельное мировоззрение и философская мысль, но стало важнейшим элементом воспитания, способствовало утверждению государственных институтов и идеологии по китайским образцам. Первоначально его широкое распространение среди японской аристократии (IX в.) было своего рода реакцией на засилье буддизма в защиту синто, но фактически складывался синто-буддийско-конфуцианский синкретизм. С синто конфуцианство сближалось то, что, по справедливому определению японского философа Нагата Хироси, оно с самого начала представляло собой "разжиженное религией" идеалистическое мировоззрение, представляло такую идеалистическую философию, которая порой содержала в себе элементы религии, и потому оно теоретически обосновывало религию как "почитающую духов и божеств"¹⁰.

Как самостоятельная идеология японское конфуцианство утвердилось среди самурайства в период Токугава, в условиях развития городов, и характеризовалось религиозной (нередко сочетаясь с синто) этической и социально-экономической (теория управления государством и подданными) направленностью. Хотя конфуцианство и утверждало самостоятельность разума по отношению к вере, оно не опиралось на достижения естественных наук, а служило главным образом сохранению феодального строя с его иерархией, слепо придерживаясь традиционных китайских доктрин.

Укоренение конфуцианства было связано с потребностью развитого феодального общества утвердить, в отличие от диктуемого буддизмом иллюзорного восприятия мира, новые взаимоотношения людей, более сложные образцы поведения, нормы и ритуалы. Ритуалу придавался объективный характер, ибо его нельзя было вывести из субъективного по характеру "врожденного знания" любого человека. На этой концепции ритуала был основан Бусидо (кодекс чести самураев). Значимость ритуала во всех сферах деятельности японского общества сохраняется и по сей день.

Из всех течений конфуцианства японскому обществу наиболее близким оказалось чжусианство с его критическим осмыслением канонических текстов и пристальным вниманием к природным явлениям. Будучи строго систематизированным учением, оно более всего отвечало интересам самурайства, утверждению кодекса классовой морали, основанной на принципах сословности.

Сложившееся к концу периода Токугава под воздействием всех вышеизложенных факторов японское общество в немалой степени соответствовало концепции двух традиций - Традиции с большой буквы и с малой. Традиция с большой буквы - тайное (эзотерическое) знание, полученное через Откровение (которое лежит в основе всех религий) и передаваемое путем Посвящения из поколения в поколение. Ее нельзя описать словами. Именно проявлением такой Традиции являются идея божественного происхождения японской нации, ее исключительности и идеология японизма. Традиция с

маленькой буквы - то, что можно выразить словами, что связано с повседневной жизнью. Иначе говоря, существует Традиция сакральная и традиция профанная (для непосвященных).

Традиция сакральная - явление тотальное, т.е. охватывающее не только отдельные стороны жизни, но и всю совокупность земной и космической реальности. Синтоизм для Японии и есть Традиция. Традиция с маленькой буквы - это ритуал, мораль, быт, нравы, обычаи. Концепция двух традиций является основой мировосприятия японского общества.

В соответствии с характером японского общества (замкнутая дискретная система) традиция, хотя в основе своей и консервативна, допускает свободу восприятия нового. Это обеспечивает постоянный динамизм общества. Для Японии характерен эволюционный процесс трансформации самих традиций. Новые элементы лишь добавляются к старой структуре, часто существуют параллельно с ней, никогда не разрушая ее. Постепенно эти элементы, видоизменявшиеся по мере приспособления к старой структуре, вызвали перестройку всей системы. Иногда этот процесс шел настолько бурно, что порождал обманчивое впечатление, будто японцы разрушают свои традиции. На самом же деле развитие японского общества осуществляется не на основе отрицания традиционных структур, а путем их активного использования. Поэтому часто трудно разобратся, что в японском обществе самобытно, а что заимствованно, поскольку все соединилось в монолитный сплав и приобрело принципиально новое качество. Примечательно, что, интегрируя культуру других стран в свои традиции, Япония тем самым часто сохраняла то, что оказывалось утраченным впоследствии в этих странах.

Этот сплав традиций наиболее полно проявляется в национальном характере японцев и в достаточно стройной системе их ценностных ориентаций. В национальном характере любого народа можно выделить общенациональные черты на макроуровне и на микроуровне - социальные и бытовые. В первом случае у японцев это - трудолюбие, любовь к природе, обостренное чувство прекрасного, приверженность традициям, чувство национальной гордости и достоинства, готовность к самопожертвованию, практицизм, стремление к заимствованиям. Во втором - высокий уровень дисциплинированности, уважение к старшим по возрасту и положению, чувство долга по отношению к своей социальной группе, а также вежливость, самоконтроль, аккуратность, чистоплотность, воздержанность, любознательность, скромность, терпение, выносливость.

Далеко не благоприятные природные условия (тайфуны, цунами, землетрясения и пр.) выработали у них стойкость к перенесению невзгод, коллективизм, взаимопомощь в преодолении стихийных бедствий, оптимизм, мобилизационные способности.

Японцам, как известно, в повседневной жизни присущи сдержанность, самоконтроль, умение сохранять спокойствие. Но они отнюдь не равнодушны. "Стоит переступить определенный порог, отметку, температуру, как наступает взрыв, происходит неожиданное превращение нимба спокойного утреннего света в угрожающую корону неистового пламени. Это может случиться во время работы, игры, в спорте, в любви"¹⁴. Своего рода религиозное отношение к природе и красоте сделало их чрезвычайно эмоциональными, восприимчивыми к новому и приверженными к старому. Отсюда происходит одна из важнейших черт японского характера - традиционализм, который органично сочетается с рационализмом и практицизмом. Достаточно яркое проявление в поведении японцев рационализма и прагматизма содействовало даже появлению мнения, что японцам чуждо абстрактное мышление, что они постигают суть вещей не отвлекаясь, а только в их "конкретной целостности".

Безусловно, национальный характер японцев, включающий все названные черты, сложился в результате взаимодействия синтоизма, буддизма и конфуцианства. Огромное влияние на духовный мир японцев оказал буддизм. Он укрепил в народе стойкость по отношению к превратностям судьбы, вселил дух самопожертвования, воспитал самообладание, сдержанность и терпимость. Именно буддийское учение о бренности мира, о циклах рождений и перерождений, о космической судьбе за пределами земного существования послужило основой такого мироощущения и мировосприятия. Буддизм также

даст возможность понять японскую философию, литературу, искусство, театр и другие аспекты культуры, в которых наиболее ярко проявляется душа народа.

Конфуцианство послужило основой этических норм, играющих чрезвычайно большую роль в японском обществе. Они базировались на пяти его принципах: гуманность, долг, благонравие, мудрость и искренность, которые изложены в книге "Беседы и суждения" ("Лунъюй"), толкующей учение Конфуция. Эти принципы или, как их еще называют, "пять постоянств", регламентировали различные уровни отношений людей - родителей и детей, хозяина и слуги, жены и мужа, братьев, друзей. При этом доминантой таких отношений, сформированных японской культурой, стали нормы гири и онгаэси. Они представляли собой определенный ритуал выполнения долга, предписаний и благодарности. Гири - это и обязательство, и ритуал выполнения обязательства, и долг благодарности. В широком смысле они проявляются в общении вышестоящего по должности лица с нижестоящим, во взаимоотношениях между равными по социальному статусу людьми, между соседями. Онгаэси - это благодать, оказываемая старшим по положению и возрасту младшему, и стремление последнего вернуть ее, хотя бы в малой степени.

Конфуцианство принесло с собой в общество уважение к государству и власти, иерархическое, корпоративное сознание, а также черты национального характера, связанные с групповым типом поведения. Они проявляются повсюду: в управлении, в труде, в повседневной семейной жизни, другими словами, охватывают всю сферу социального поведения японцев.

Японцы со всем комплексом национальных особенностей, как и представители любого этноса, по определению американского социолога японского происхождения Сибутани Тамоцу, "живут одновременно в двух средах - в естественном окружении, состоящем из реально существующих вещей, и в окружении символическом"¹². Первая среда - это природные условия, окружающие человека, а вторая - общество, в котором он живет. Социальную структуру общества формируют взаимодействия людей, устоявшийся порядок в их отношениях, способность к согласованным координированным действиям и взаимопомощь. Все это находится в постоянном развитии, поэтому можно сказать, что общество представляет собой коммуникационный процесс. В этом процессе взаимодействия личности и общества человек формируется и изменяется, но одновременно изменяется и социальная структура общества. Любой человек на протяжении своей жизни является членом различных групп - семьи, церковной общины, школы, предприятия, партии и пр. Существуют различные концепции и критерии определения группы. Наиболее подходящей для системного подхода является динамическая концепция группы, согласно которой "индивиды рассматриваются не столько как члены той или иной организации, сколько как активные участники какого-то рода действия"¹³. В этом случае важна не структура группы, не результат ее деятельности, а сам процесс группового действия, которому присущи разделение труда и гибкая координация. Это так называемое социальное действие, ориентированное на поведение людей. М. Вебер определил это понятие как социальное действие¹⁴.

Примерами составляющих групповой структуры в Японии могут служить семейная система, деревенская община, корпорация и пр. Каждая группа достаточно независима и замкнута, подчиняется своим законам, общим для всех ее членов. Возьмем, в частности, институт "из" - это социальная группа, связанная определенным местом проживания. Понятие из охватывает не только саму семью (в западном понимании этого слова), но и дом, и имеющееся в нем имущество, а также семейные узы, трудовую активность всех членов данной семьи, в том числе и боковых линий. В связи с тем что деятельность из зависела от деятельности всех участников, ее можно рассматривать как семейное предприятие, т.е. скорее как социально-экономический институт, чем связанную кровными узами общность. Отсюда значение родственных связей в Японии меньше, чем на Западе.

По традиции в состав семьи входили родители и дети, умершие предки и еще не родившиеся потомки, что подразумевало непрерывность семейной линии. Нормы, регулирующие поведение всех членов данной из, обеспечивали ее иерархическую структуру. Боковые семьи подчинялись главной семье, дававшей им определенные социальные гарантии. Власть главы семьи распространялась не только на бытовую и хозяйственную деятельность в пределах из, но и на образ

мыслей ее членов. К примеру, мнения членов семьи, идущие вразрез с мнением ее главы, рассматривались как недостойное поведение, разрушающее гармонию и установленный в группе порядок. "В японской системе из все члены семьи представляют собой единую группу, подчиненную главе семьи. Они не имеют специфических прав, соответствующих статусу личности в семье", - фиксирует известный японский социолог Наканэ Тизэ¹⁵. В целом структура из имела патриархальный характер.

Члены из, не обладая социальным статусом (позволяющим человеку ожидать и требовать определенного отношения со стороны других людей) фактически были лишены прав в отношении других лиц в пределах данной общности. Таким образом, в японской семье уже было заложено зерно социальных отношений в обществе, которые можно рассматривать как процесс взаимоотношений людей, объединенных общей целью. Но в отличие от социальных групп на Западе, где индивидуальные цели преобладают над общими, в японских доминируют цели группы. Это порождает групповое сознание, которое базируется на эмоциональном уровне и является традиционной ценностью японцев. Если в европейских странах во главу угла ставится личность с ее эгоистичными устремлениями, то в Японии - группа, которая нивелирует личностные факторы. Если в первом случае подчеркивается важность личности, "я", личной независимости, то во втором соблюдается норма отношений "амаэ", что означает устремленность слабого к зависимости от сильного.

"Амаэ" обычно предусматривает связь в пределах одной группы или между близкими. Существует еще одно понятие - "нарэан" - соглашение. Это другой аспект "амаэ", он выражает близость, связь между людьми вне определенной группы. Такая группа имеет замкнутый характер и противопоставляет себя другим группам. Поэтому межличностные отношения между различными группами затруднены, равно как и, как правило, смена группы.

Межличностные отношения, означающие в социальном плане ориентацию людей друг на друга в ходе длительного общения, в японских замкнутых группах, как это было показано на примере из, строятся на вертикальных связях. При таких связях соединяются воедино качественно различные элементы в строгом соподчинении снизу доверху. Главной ячейкой социальной структуры японского общества является первичная группа, а не объединение людей по профессиональному признаку, или объединение жителей разных деревень или районов. Другими словами, преобладают вертикальные связи. Горизонтальные, конечно, присутствуют, но их значение невелико.

Вертикальное объединение, как известно, предполагает строгую иерархию для фиксирования социального порядка. Для Японии всегда была характерна система рангов, привнесенная конфуцианством. Ранг определял положение человека в группе и являлся "социальной нормой, на которой базировалась жизнь японцев"¹⁶. Ранговый порядок пронизывал все общество, в том числе и отношения между группами.

Основным структурным принципом японского общества являлись отношения между индивидуумами с более высоким и более низким статусом. Они характеризовались традиционным понятием оябун-кобун (букв.: отношения родителя и ребенка), т.е. старшего и младшего. Эти отношения несли в себе социальный и личностный подтекст, и подразумевали подчинение младшего старшему и заботу последнего о первом, что порождало патернализм.

Такая система соподчиненности обеспечивала усиленное взаимодействие в группе сверху вниз и обладала большими мобилизационными возможностями внутри группы. В то же время она способствовала "созданию группы в группе", т.е. фракционности, что мешало установлению горизонтальных связей и в известной степени являлось слабым местом вертикальной структуры. В японской группе неформальная иерархия и фракции имели большее значение, чем формализованные структуры.

Группа рассматривалась как естественная единица, такая же, как богом данная власть императора, т.е. как Традиция с большой буквы. Крестьяне одной деревни, например, объединялись в общину только потому, что они здесь родились. Таким образом, японская группа охватывала всех, находящихся, по

определению Наканэ Тию, в одной рамке. Этот термин используется по аналогии с понятием поля в физике.

Восприятие группы как естественного явления вело к групповому конформизму и порождало определенную пассивность ее членов. Этому же способствовала и система старшинства.

Для японцев всегда существовали базовые элементы, определяющие стиль их поведения и образа жизни. Каждый член группы усваивал прежде всего эти базовые элементы - нормы каждодневного поведения, необходимого этикета, рабочего мастерства, а затем уже становился полноправным членом общества, профессионалом. Это было связано со строгим ранжированием всех ценностей и регламентированием поведения личности. Почти ничего не оставалось на долю случая или личных склонностей. Даже блюда на подносе расставлялись в определенном порядке. Воспитанный в строго фиксированной системе ценностей и отработанных вкусами стереотипов поведения, искусства и ремесла японец впитывал на уровне подсознания, с молоком матери, что и как необходимо делать в различных обстоятельствах. Например, какие материалы использовать для изготовления того или иного предмета в соответствии с принципами японской эстетики, как упаковать ту или иную вещь в зависимости от ее предназначения.

Все рассмотренные элементы в большей или меньшей степени проецируются на все стороны жизни современного японского общества - экономику, политику, социальные отношения, идеологию и культуру.

Структурные особенности общества не могли не сказаться на поведенческих характеристиках японцев, поскольку стереотип поведения людей формируется в процессе их общения между собой на основе национальных норм, которые включают правовую и морально-этическую системы. Для японцев всегда было свойственно опираться не на юридические нормы, хотя в повседневной жизни они относятся к законам с величайшим уважением, а на социально-психологические. Это, вне всякого сомнения, связано с морально-этическими установками японцев, представляющими собой сплав синтоизма, буддизма, конфуцианства и до некоторой степени христианства.

На этой основе сложился своеобразный духовный климат в японском обществе со своим мировоззрением, представлением о личности и взаимоотношениях людей. Неотъемлемым компонентом была и своя эстетическая традиция, проявившаяся в литературе, изобразительном искусстве, архитектуре. Именно в духовной сфере, в культурном комплексе наиболее отчетливо проявляется историческая преемственность.

1. Берталанфи Л. Общая теория систем - критический обзор. - Л., 1969. - С. 28.
2. Гумилев Л. Этнос и антиэтнос. Главы из книги. // "Звезда," 1990. - N 2. - С. 121.
3. Л.Н. Гумилев. Этногенез и биосфера земли. - Л., 1989. - С. 56.
4. Теллурократическое [лат. tellus - земля + гр. kratos - власть] - в геополитике континентальное мышление. Талассократическое - морское.
5. Об этом свидетельствует, в частности, возникновение и разрешение проблемы защиты окружающей среды в стране.
6. Элиаде М. Космос и история. - М., 1987. - С. 2.
7. Конрад Н.И. Японская литература в образцах и очерках. - М., 1991. - С. 61-62.
8. Вебер М. Избранные произведения. - М., 1990. - С. 762.
9. Мараини Ф. Япония. Образцы и традиции. - М., 1980. -- С. 14.
10. Нагата Хироси. История философской мысли Японии. - М., 1991. - С. 107.
11. Мараини Ф. Цит. соч.. - С. 70.
12. Сибутани Тамоцу. Социальная психология. - М., 1969. - С. 117.
13. Там же.
14. Вебер М. Цит. соч. - С. 625.
15. Chie Nakane. Japanese. - Tokyo, 1987. - P. 14.
16. Ibid. - P. 33.

Научная жизнь

Присвоение звания "Почетный доктор ИДВ РАН"

профессору У Чон Ха

8 апреля 1994 года на торжественном заседании Ученого Совета Института Дальнего Востока РАН за выдающийся вклад в развитие экономической науки, политологии, языкознания и углубления межцивилизационного взаимопонимания народов Восточной Азии вручен диплом "Почетного доктора ИДВ РАН" видному синологу из Республики Корея, профессору У Чон Ха.

Вручая диплом, директор Института Дальнего Востока, доктор философских наук М.Л.Титаренко подробно охарактеризовал жизненный путь, научную, педагогическую и общественную деятельность проф. У Чон Ха.

Проф. У Чон Ха родился 25 февраля 1944 г. и недавно отметил свой 50-летний юбилей. Он находится в расцвете творческих сил, полон энергии, больших творческих планов и замыслов.

Проф. У Чон Ха получил очень основательную китаеведческую научную подготовку. В 1965 году он окончил Сонкюнкванский университет и получил степень бакалавра по специальности "китайская литература". Затем пять лет учился в Тайбэе, где в 1970 г. окончил Национальный университет Чжэнчжи по той же специальности. После этого в 1972 году на Тайване, в 1973 г. и в 1977 году в Токийском университете прошел курс, стажировался и углублял свои знания по специальности "внешняя политика Китая и китайско-японские отношения".

С 1977 года по 1981 год У Чон Ха - доцент Международного колледжа коммерции и торговли в Токио. В марте 1981 г. Кукминский университет в Сеуле избирает талантливого ученого на профессорскую должность. Одновременно проф. У Чон Ха назначается на должность директора Института китаеведения при Кукминском университете. Глубокие знания культуры, экономики и внешней политики Китая делают проф. У Чон Ха весьма авторитетным и популярным экспертом по Китаю в научных, деловых и правительственных кругах: он по совместительству занимает ряд ответственных должностей в области научной, деловой международно-экономической и политической сфер. Наряду с преподавательской, исследовательской и административной деятельностью в Кукминском университете проф. У Чон Ха одновременно является с 1985 г. директором Центра культурно-экономических обменов в США.

Проф. У Чон Ха является членом Консультативного Совета по демократическому и мирному объединению Кореи. Он использует свой научно-политический авторитет в интересах оздоровления обстановки на Корейском полуострове, содействия деловому, конструктивному диалогу между Севером и Югом.

Россия, подчеркнул М.Л.Титаренко, заинтересована в преодолении напряженности и сохранении стабильности на Корейском полуострове, в прогрессе дела объединения Кореи на демократической и мирной основе. Мы

последовательно и активно выступаем за то, чтобы Корейский полуостров был безъядерной мирной зоной. Спорные вопросы должны решаться не путем запугивания, и угроз, а за столом политических переговоров при уважении интересов всех сторон. Мы полагаем, что интересам прежде всего корейского народа как на Юге, так и на Севере отвечно бы устранение остатков "холодной войны" на Корейском полуострове. Обязательства, взятые КНДР после вступления в Договор о нераспространении ядерного оружия, не могут быть предметом торга в двусторонних отношениях с США и Южной Кореей. Международные договоры и обязательства по ним должны уважаться всеми сторонами и недопустимо одностороннее их толкование и селективный подход к выполнению этих обязательств.

Мы также думаем, что США, Япония, страны Запада и прежде всего сами оба корейских государства оказали бы большую услугу делу мира, если бы проявили политическую мудрость, терпимость и, следуя примеру России и Китая, признали сложившиеся на полуострове реальности и продолжили мирный диалог. Вызывает сожаление, что диалог между Севером и Югом застопорился, а ранее принятые на встречах высокопоставленных представителей Пхеньяна и Сеула многообещающие документы сторонами не выполняются.

Россия как соседнее с Кореей государство питает самые искренние, добрососедские чувства к корейскому народу и готова всемерно способствовать политическому урегулированию на полуострове, выступить совместно с другими великими державами гарантом безопасности и сохранения безъядерной зоны на полуострове.

Позвольте выразить надежду и уверенность в том, что деятельность проф. У Чон Ха и его соотечественников, направленная на поддержание стабильности на Корейском полуострове, мирное и демократическое объединение Кореи получит дальнейшее развитие и поддержку широкой миролюбивой общественности.

Следует особо подчеркнуть, что профессор У Чон Ха ведет большую и плодотворную работу по развитию экономического сотрудничества в регионе Северо-Восточной Азии. Наш коллега выступил инициатором создания Ассоциации экономического сотрудничества в СВА с участием всех заинтересованных сторон. Он является Генеральным секретарем этой Ассоциации. С декабря 1992 года проф. У Чон Ха занимает пост зам. председателя Корейского Бюро Ассоциации. Членам Российского Бюро Ассоциации экономического сотрудничества в СВА весьма приятно и поучительно сотрудничество и общение с проф. У Чон Ха. Мы всегда встречаем с его стороны понимание и доброжелательный подход.

Многогранный опыт преподавательской, научной, общественно-политической деятельности обобщен в 8 крупных монографиях и многочисленных статьях проф. У. Среди его работ нужно упомянуть такие труды как: "Внешняя политика Китая в отношении Северной Кореи (1950-1976)", (Токио, 1978), "Внешняя политика Китая в отношении Японии (1950-1976)", (Токио, 1979), "Политика Китая в отношении "хуацяо" (1950-80)", (Токио, 1980), трехтомник "Современный Китай" (Сеул, 1989-1991). В 1981-84 гг. в Токио и Сеуле вышли три книги по китайскому языку, включая учебник фонетики китайского языка. На днях должна выйти в свет новая монография проф. У Чон Ха "Роль Кореи, Китая и Японии в создании экономической зоны СВА".

Характеризуя общественно-политическую деятельность проф. У Чон Ха, следует особо подчеркнуть его активную роль в установлении связей Республики Кореи с Россией, вовлечение ее представителей в активную деятельность Ассоциации экономического сотрудничества в СВА. Наш гость внес большой личный вклад в установление и развитие научных контактов корейских ученых с Институтом Дальнего Востока РАН.

После вручения диплома на заседании Ученого Совета с научным докладом выступил проф. У Чон Ха.

Конкурс лучших трудов по экономике в Академии общественных наук КНР

Формула "социалистической рыночной экономики", заменившая формулу "плановой товарной экономики" как цели экономической реформы в КНР, по существу является обобщением широкого теоретического поиска, который велся китайскими учеными-экономистами на протяжении всех пятнадцати лет реформы. Широко обсуждались вопросы моделей функционирования экономических систем и моделей реформ, формирования новой системы и новой структуры управления, повышения экономической эффективности и экономического роста, структуры собственности, структуры и типов потребления, другие проблемы современного экономического развития. Поэтому не случайно, что в сентябре 1993 г. в Академии общественных наук КНР впервые был проведен конкурс наиболее важных разработок, в ходе которого были отмечены 53 работы из шести экономических институтов по таким направлениям, как базовая теория, проблемы реальной экономики, теория экономики отраслей, экономическая история. Эти сочинения отражают уровень экономических исследований в АОН Китая, получили высокую оценку в научных кругах и были в той или иной степени использованы государственными органами, исследовательскими и другими специальными организациями. Кроме того, ряд работ привлек внимание за рубежом в качестве важных материалов, позволяющих понять внутриэкономическое положение Китая и тенденции его экономического развития. Среди лучших были названы следующие работы

1. "Исследование моделей реформы экономической системы Китая" под ред. Лю Гогуана. Это конкретное исследование взаимосвязи модели экономического развития и модели экономической системы, в котором выдвинуты предложения по общей стратегии постепенного преобразования и того и другого, рассмотрены проблемы существования двойственной экономической системы и ее трансформации, в то же время уделено внимание сложному переплетению противоречий двойственной модели развития и двойственной системной модели, что направлено на поиск путей изменения этой ситуации. Книга стала теоретической основой выбора целевой модели реформы экономической системы Китая, охватив вопросы собственности, системы принятия решений, структуры интересов, системы регулирования, организационной системы и предложив пути дальнейшего экономического развития. Высокие оценки работе были даны в газетах "Жэньминь жибао", "Вэньхуйбао", а также в журнале "Цзинци яньцзю" ("Экономические исследования").

2. "Конспект теории макроэкономики общественной собственности", авторы Фань Ган и Чжан Шугуан. В работе исходя из базисных отношений реальной экономики общественной собственности показано, как функционирует экономика общественной собственности при различных хозяйственных

механизмах до и после реформы, как определяется мера различных макроэкономических изменений. Проведен теоретический системный анализ разбухания совокупного спроса, дефицита, инфляции, чрезмерного экономического роста, структурных дисбалансов, экономических колебаний, изменений механизма и других макроэкономических явлений и экономических проблем, а также рассмотрены противоречия экономики общественной собственности. В "Чжунхуа цзачжи" (Тайвань) отмечалось, что это сочинение обобщает кейнсианскую, неоклассическую и марксистскую экономические теории и теорию экономики дефицита Корнаи, на основании чего сделан важный вклад в развитие макроэкономической теории. Книга рекомендована в некоторых институтах как учебное пособие для аспирантов.

3. "Исследование производственной политики Китая" под ред. Чжоу Шуляня, Пэй Шупина, Чэнь Шусюня обобщает результаты государственной производственной политики со времени образования КНР, рассматривает меры на будущее. В работе проведено исследование теоретического содержания производственной политики, изучены взаимосвязь производственной политики и экономической системы и вопросы комплексного регулирования на макроуровне процесса реализации производственной политики, с точки зрения отраслевого развития выдвинуты цели развития и соответствующие меры, рассмотрены проблемы, существующие в текущей производственной политике. Журнал "Чжунго гуньэ цзинцзи яньцзю" ("Экономические исследования промышленности Китая") считает, что в книге представлено целостное, комплексное исследование отношений производственной структуры, производственной политики, экономической системы, рассмотрены различные теории выбора ведущих производств, выдвинула конкретные предложения по стратегии компоновки решающих производств, а также предложения, как в производственной политике компенсировать недостатки рынка.

4. "О перемещении избыточной сельскохозяйственной рабочей силы Китая - неизбежном пути модернизации сельского хозяйства" под ред. Чэнь Цзюаня. Достаточно комплексное рассмотрение некоторых теоретических и практических вопросов перемещения избыточной сельскохозяйственной рабочей силы дает историческую ретроспективу проблемы и освещает успехи, достигнутые за десять лет реформы, изучает пути перемещения рабочей силы и определяет масштабы и допустимые темпы такого перемещения, сопоставляет общие законы движения рабочей силы и особенности перемещения избыточной сельскохозяйственной рабочей силы в Китае. По мнению специалистов, книга обладает ценностью с точки зрения определения планов долгосрочного развития деревни, поэтому материалы книги были использованы отделом долгосрочного планирования Госплана КНР и Институтом научно-технической информации КНР, а основные ее положения были опубликованы в "Нунминь жибао", "Шэхуйбао", "Жэнькоубао".

5. "Исследование проблем стратегии развития сельского хозяйства Китая" под ред. Чжан Сыцяня и Чжан Лючжэна рассматривает четыре основных блока стратегии развития сельского хозяйства Китая: а) полное удовлетворение сельхозпродукцией по количеству и качеству спроса на внутреннем рынке; б) конкурентоспособность на мировом рынке; в) превращение сельского хозяйства в выгодное производство, предпочитаемое производителями; г) превращение сельского хозяйства в стабильный фактор совершенствования социальной среды. Основным путем реализации стратегических целей в работе была выдвинута модернизация сельского хозяйства через его товаризацию, что на момент публикации было новым словом в китайских экономических исследованиях, и, по мнению специалистов, была правильно выбрана ориентация на критерий уровня товарности зерновых

при определении этапов товаризации сельского хозяйства. Были проведены исследования по таким направлениям, как технический прогресс в ходе развития сельского хозяйства, урегулирование структуры производства, использование природных ресурсов, совершенствование экосистем, перемещение избыточной рабочей силы, макроэкономическое регулирование сельского хозяйства, взаимосвязь развития сельского хозяйства и народнохозяйственного развития. Результаты исследований, опубликованные в книге, привлекли внимание отдела политики секретариата ЦК КПК, Центра исследований деревни Госсовета, сельскохозяйственного управления Госплана КНР. Материалы книги по стратегии развития были использованы в качестве основы рабочей конференции по деревне, организованной ЦК КПК в 1986 г.

6. "Теория и практика изменения модели цен в Китае" под ред. Чжан Чжоюаня. Это всестороннее обобщение уроков и опыта преобразования модели цен в Китае, определение основных рамок модели цен в социалистической товарной экономике китайского образца, исследование ее теоретической основы и целевой модели, процесса и способов преобразования модели цен; в работе также обсуждаются вопросы социально-экономической ситуации в ходе изменения модели цен, развития рынка, соотношения цен, регулирования их общего уровня, инфляции, модели экономического развития и модели экономической системы и в соответствии с этим вскрываются закономерности и определяется общий ход реформы цен. Книга раньше других определила рыночное направление реформы, предложила модель твердых рыночных цен, контролируемых на макроуровне, в качестве целевой модели реформы цен в Китае, что и было выбрано направлением реформы цен.

7. "Циклические колебания китайской экономики", автор Лю Шучэн. Работа показывает циклические колебания и общие закономерности реального функционирования экономики в период после образования КНР, анализирует причины формирования циклических колебаний китайской экономики на трех уровнях (влияние таких искусственных факторов, как внутренний механизм и плановое принятие решений; основные противоречия начального этапа социализма; факторы существовавшей системы) и взаимосвязь циклических колебаний экономики и реформы экономической системы, предлагает меры по сглаживанию экономических колебаний, как радикальные, так и паллиативные, прикладные меры. Японские экономисты считают, что наиболее важен вклад Лю Шучэна в проблему инвестиционных циклов. "Сюэшу дунтай" ("Ученые записки"), издаваемый АОН КНР, специально представлял книгу как первое исследование по проблеме экономических циклов.

8. "Пожилое население Китая (население, экономика, общество)" под ред. Тянь Сюэюаня. Книга представляет собой исследование на основе выборочных обследований демографических, экономических и социологических проблем: тенденции старения китайского населения; занятость пожилых и предложение и спрос; пожилое население и распределение национального дохода, потребление, сбережения; взаимосвязь старения и технического прогресса, производственной структуры, капитального строительства; семья, психология, способ жизни, здравоохранение пожилого населения; социальное обеспечение и создание системы социального страхования по старости с китайской спецификой. Агентство Синьхуа назвало эту книгу новейшим достижением и наиболее всесторонним исследованием в области изучения проблем пожилого населения Китая.

9. "Выбор модели потребления китайского типа", автор Ян Шэнмин. Содержание работы заключается в следующем спектре проблем: основания выбора модели потребления, сущностные атрибуты модели потребления, модели потребления в узком и широком смысле, движение общих объемов потребления,

роль и особенности структуры потребления, совершенствование макроструктуры потребления, оптимизация микроструктуры потребления, механизм доходов, рыночный механизм и механизм цен в ходе реализации потребления. Книга представляет теории западных экономистов в области относительных и абсолютных доходов, постоянства доходов, жизненного цикла, регулирования запасов потребительских товаров, а также теорию потребительского суверенитета, теорию потребительского поведения. Работа восполняет пробел в системных исследованиях моделей потребления, и потому, как считает "Жэньминь жибао", способствует дальнейшему развитию теории экономики потребления в Китае.

10. "Реальность нелиберализации и реальность либерализации - макроэкономическое управление при двойственной системе", авторы Лю Гоуган, Дай Юаньчэнь и др. Работа представляет собой теоретическое исследование особого этапа сосуществования двух экономических систем в Китае. Главным образом рассматривается "экономика дефицита", в которой традиционная система создает чрезмерный спрос и недостаточное предложение. Экономика функционирует несвободно. В ходе реформы систем хозяйственный механизм претерпевает значительные изменения, но по-прежнему существует реальная ситуация нелиберализованности. Книга предлагает такие методы регулирования в этой ситуации, которые и в двойственной системе позволяют увеличить предложение и урегулировать спрос, добиться их соответствия в основном, достичь либерализованной реальности и стимулировать развитие реформы. Книга исследует теорию макроэкономики с китайской спецификой и систему макроэкономического управления; изучает общие закономерности и исторические тенденции реформы и развития китайской экономики.

11. "Исследование управления социалистическим предприятием в Китае" под ред. Цзян Ивэя. Сочинение основывается на теории управления социалистическим промышленным предприятием, сочетающей демократический централизм и систему хозяйственной ответственности и обеспечивающей всестороннее плановое управление, управление качеством, хозяйственный расчет, всестороннее управление рабочей силой. В то же время рассматриваются организационная структура предприятия, технический прогресс, экономическая эффективность, модернизация управления, усвоение теории и опыта управления на Западе. Книга дает разъяснения почти по всем важным проблемам управления социалистическим предприятием, и предложения, высказанные в книге относительно практики управления предприятиями в Китае, были использованы в соответствующих документах ЦК КПК и Государственного экономического комитета.

12. "Теория и практика кооперативного хозяйства", авторы Чжан Сяошань и Юань Пэн. Работа дает историческую ретроспективу различных теоретических течений в международном кооперативном движении, оценивает влияние современных экономических теорий на кооперативное движение, а также рассматривает кооперативную теорию системы участия рабочих, проводит сравнительное исследование важных проблем теории и практики Китая и зарубежных стран в этой области, рассматривает основные принципы и соответствующие основные понятия кооперативной деятельности, взаимоотношения государства и кооператива, развитие государственного законодательства и кооперативных организаций, коммунные и районные кооперативные организации.

13. "Исследование рыночной модели социализма" под ред. Чжао Сяоминя и Гу Люжана. Авторы рассматривают развитие и изменение теории рыночного социализма, обосновывают выбор рыночного механизма, рыночной системы и рыночной модели плановой товарной экономики. Проведен анализ

структуры рыночных субъектов, исследовались развитие рынка товаров и факторов производства, цели такого развития и меры, применяемые для их реализации, обсуждался выбор очередности этапов развития рынка в Китае, изучались взаимоотношения региональных рынков и единого рынка, внутреннего и мирового рынков, а также макроэкономическое регулирование государством рынка и скоординированная макроэкономическая политика по такому регулированию. В книге всесторонне рассматривается вопрос о создании модели социалистического рынка, предлагаются выбор такой модели, конкретная структура и поэтапные цели реализации рыночной модели с китайской спецификой. Многие положения книги перепечатывались в "Синьхуа вэньчжай" и "Жэньминь дасюэ баокань фуинь цзыляо". Народный университет Китая, Финансово-экономический институт Шанхая используют данную книгу как учебное пособие для аспирантов.

14. "Теоретические финансы", автор Хэ Чжэньи. Автор рассматривает общие закономерности распределения финансов и его особенности при различных моделях функционирования экономики, анализирует объективные количественные границы общих объемов финансовых доходов и расходов, распределительных отношений государства и предприятий, государства и коллективов и отдельных лиц, центра и мест. В работе, с точки зрения товарной экономики, изучается механизм использования финансов в качестве макрорегулятора, обобщается опыт и уроки реформы финансов в Китае, показаны содержание и смысл финансового эффекта, где главной является общественная польза, рассматриваются критерии и способы оценки финансового эффекта. Книга выдвинула новую теоретическую систему общественных финансов, соответствующую требованиям рыночной экономики и связанную с теорией совокупных общественных потребностей.

15. "Изучение проблем экономической эффективности", автор Чжэн Юцзин. Системное исследование научного содержания понятия экономической эффективности, многообразия типов и способов реализации, эффективности, критериев оптимальности и направлений оптимизации. Проведен анализ показателей экономической эффективности, проектирования системы этих показателей и их расчета, а также способов оценки экономической эффективности. С теоретической и практической точек зрения, с технической и экономической стороны, под углом зрения на производство и управление изучаются и сравниваются пути повышения экономической эффективности, выдвинуты предложения по повышению эффективности. "Жэньминь жибао", "Гуанмин жибао", "Цзинцзи жибао", "Цзинцзи цанькао бао", "Чжунго жибао", "Цзинцзисюэ дунтай", "Цзинцзи гуаньли" - все дали высокие оценки этому сочинению, отметив, что работа вводит методы количественного анализа в исследования критериев оптимальности экономической эффективности, выделяет четыре типа и двенадцать способов реализации экономической эффективности, предлагает прикладную систему показателей эффективности и десять методов ее оценки.

Среди лучших работ было отобрано немало книг высокого научного уровня в области экономической истории.

Подобная форма подведения итогов работы Академии общественных наук, позволяя определить базовые труды по основным направлениям научных исследований, стимулирует дальнейшее развитие экономической науки, создает определенную атмосферу соревновательности и, самое главное, демонстрирует заинтересованность китайского общества в развитии этой сферы знаний, повышая тем самым престиж фундаментальной науки.

Рецензии

Леонид ЮЗЕФОВИЧ. Самодержец пустыни. Феномен судьбы барона Р.Ф.Унгерн-Штернберга. М: Эллис Лак, 1993, 272 с., 50000 экз.

Л.ОХОТИН. Унгерн - Бог войны // Гиперборея.- 1991.- N 1.

Роберт-Николай-Максимилиан барон Унгерн-Штернберг, ставший в России Романом Федоровичем, был казнен по приговору большевистского суда в Новониколаевске, официальной столице советской Сибири, 15 сентября 1921 г. С тех пор прошло уже более семи десятилетий, но величественная и трагическая фигура "самодержца пустыни", "сумасшедшего барона" продолжает привлекать к себе внимание, причем не в качестве "исторической личности", т.е. в конечном счете "музейного экспоната", а как необъяснимый феномен, тайну которого пытаются постичь и историки-прагматики и мистики-окультисты.

С рациональной точки зрения, Унгерн совершенно непостижим. Это человек, живое присутствие которого в нашем мире ощущается до сих пор, через многие десятилетия после его смерти.

С военно-исторической точки зрения, Унгерн был всего лишь одним из региональных полевых командиров, хотя ему и удалось стать на год диктатором Монголии, но масштаб и значение его действий не сравнимы ни с Колчаком, ни с Деникиным, ни с Врангелем, имена которых символизируют для нас Белое движение. Но несмотря на всю свою определенную привлекательность, романтика Белого дела стала безвозвратным достоянием прошлого и предметом ностальгических вздыханий, а Унгерн и сейчас "из мглистой дали Востока смотрит на нас своими выпученными глазами страшилица". "Смотрел тогда. Смотрит и сейчас", - дополняет эту цитату из неуказанного автора Леонид Юзефович, автор первой в России серьезной биографии Унгерна,

попытавшийся разобраться в его судьбе, опираясь на факты и документы, но не игнорируя, а напротив, постоянно учитывая ее мистический вектор. Иначе труд был бы напрасен.

В 1927 г. живший в Китае русский поэт, бывший колчаковский офицер Арсений Несмелов напечатал в лучшем сибирском литературном журнале тех лет "Сибирские огни" свою "Балладу о Даурском бароне", об Унгерне. "Даурским бароном" его прозвали еще с тех пор, когда штаб Унгерна располагался на станции Даурия. Эта замечательная баллада, основанная, кстати, на реальных фактах, которые приводит и Юзефович, перепечатана в сборнике Несмелова "Без Москвы, без России" (М., 1990. - С. 70-73), но стоит привести здесь ее финал:

Я слышал:

В монгольских унылых улусах,
Ребенка качая при дымном огне,
Раскосая женщина в кольцах и бусах
Поет о бароне на черном коне...
И будто бы в дни,
Когда в яростной злобе
Шевелится буря в горячем песке, -
Огромный,
Он мчит над пустынею Гоби,
И ворон сидит у него на плече.

Таким видели Унгерна многие современники. Монголы прозвали его Богом войны. Так назвал свою книгу бывший соратник барона есаул А.С.Макеев ("Бог Войны - барон Унгерн". Шанхай, 1934), а в наши дни Л.Охотин - статью в малотиражном, почти "самиздатском" (в наши-то дни!), но исключительно содержательном и интересном журнале "Гиперборея",

обозначенном в подзаголовке как "журнал новых интеллектуальных сил Севера". На мистическое восприятие своей личности настраивал всех сам барон - потомок старинного остзейского рода, для представителей которого храбрость, верность, готовность к смерти в боях были принципами фамильной чести. Попадались среди Унгернов и просто разбойники, чем барон тоже гордился и чем, может быть, оправдывал свою поистине нечеловеческую жестокость. Впрочем об Унгерне говорили, что он "был жесток, как может быть жесток только аскет" (это свидетельство приводит, говоря об Унгерне, Н.Мелентьева в исключительно содержательной статье "Фашизм как <<стиль>>" // "Элементы".- 1993.- № 4).

Остзейский барон, русский офицер, одно время, кстати, служивший под началом барона П.Н.Врангеля, буддист, мистик, монгольский диктатор, муж китайской принцессы - подобное сочетание кажется возможным только в "крутом" авантюрном романе. Долгие годы именно так воспринимали Унгерна многие из писавших о нем - как друзья и поклонники "сумасшедшего барона", так и враги, разоблачители зверств "белого генерала". Унгерном интересовались и писали о нем Иван Майский и Павел Милоков, Юлиус Эвола и Фердинанд Оссендовский - русский и польский писатель, путешественник и мистик. Сенсационная книга Оссендовского "Звери, люди и боги" (первое русское издание - Рига, 1925), включившая его воспоминания о встречах с Унгерном и записи рассказов барона, до сих пор остается одним из важнейших источников для его биографии, который использовали и Юзефович, и Охотин. Но если Юзефовича больше интересовали исторические факты и бытовые подробности, то Охотин чаще выражает согласие с Оссендовским в трактовке сакральной миссии барона. Свидетельства же Оссендовского в этом плане ценны и потому, что он, как и барон, искал путь в легендарные центры мира - Асгарту и Шамбалу.

Интересно, что во многом на той же самой книге Оссендовского основывался крупнейший философ-традиционалист современности Рене Генон в своем трактате "Царь мира" (русский перевод и предисловие Ю.Н.Стефанова: "Вопросы философии". - 1993.- № 3). Генон ни словом не упоминает об Унгерне, но круг замыкается. А ведь помимо Генона среди заинтересованных читателей

Оссендовского были и один из основателей геополитики Карл Хаусхофер, и знаменитый шведский путешественник Свен Гедин, знаток Центральной Азии, чья судьба пересекалась с судьбами самых неожиданных людей - от Адольфа Гитлера до замечательного русского геополитика Андрея Снесарева. Вот скольких людей свели восдино те земли, где прошел Даурский барон, и близкие к ним. Это легендарная прародина арийцев, средоточие традиционной мудрости и тайного знания.

Надо отдать должное Л.Юзефовичу - он решительно отказался от привычного для отечественных и большинства зарубежных историков узкоматериалистического подхода, хотя неизменно старается все основывать на документах и давать критический анализ источников. Это делает его книгу практически неуязвимой для критики, а увлекательность и превосходный язык уничтожают всякое желание критиковать ее. Книга читается на одном дыхании, конечно, и потому, что увлекательна и беспрецедентна судьба ее героя. Упомянув о жестокости барона, Юзефович нимало не скрашивает его зверств, не старается представить, как некоторые современные авторы, белых непременно хорошими, а красных - плохими. Ни "плохих", ни "хороших" в книге Юзефовича вообще нет. Он не осуждает и не оправдывает, как и подобает настоящему историку. Он позволяет читателю делать выводы самостоятельно, давая ему обильную пищу для размышлений, ничего не акцентируя и ничего не утаивая. В этом отношении особую ценность представляет документальное приложение к его книге, большинство текстов которого публикуется на русском языке впервые. Это пять писем Унгерна, знаменитый программный приказ № 15, отданный бароном перед роковым для него походом на советскую территорию, протокол его допроса, а также воспоминания врача дивизии Н.М.Рибо (первая публикация по тексту архива Гуверовского института в США) и офицера Д.Алешина (перевод из его книги "Азиатская одиссея", вышедшей в 1940 г. на английском языке в Лондоне).

Л.Охотин избрал путь апологин Унгерна и не скрывает этого. По счастью, он далек от шаблонной белогвардейской романтики, столь присущей многим эмигрантским биографам и апологетам барона. Для Л.Охотина, автора многих содержательных и интересных работ по вопросам традиционного знания и

метафизики, Унгерн - прежде всего воин, "кшатрий", человек Традиции, "герой" (по терминологии Вернера Зомбарта, противопоставляемый "торгашам").

Белый генерал, диктатор Монголии, монархист и антисемит - это сугубо внешняя оболочка, под которой скрывался человек, объявивший войну прогнившему "современному миру", против которого и восставали такие авторитеты Традиции, как Рене Генон и Юлиус Эвола. Унгерн мечтал о восстановлении монархий на всем Евразийском континенте, начиная с династии Цин в Китае и Романовых в России. С самого начала было очевидно, что для решения этой глобальной задачи у него просто не хватит сил и средств, но это не остановило Абсолютную Верность барона. Он сумел вернуть престол только ургинскому богдо-гэгэну, придавая этому не столько политическое, сколько мистическое, ритуальное значение. Н.Мелентьева в упомянутой статье справедливо замечает: "То, что Императора, которому он присягал, больше не существует, то, что белое дело в Сибири полностью проиграло, то, что никакого смысла продолжать сопротивление больше нет, - все это вообще не играло для "безумного барона" никакой роли, так как его судьбой был жест, знак, символ, уводящий к иной реальности, нежели жалкие границы заведомо проигранной войны".

Примерно в этих же словах и об этом же самом пишут и Юзефович, и Охотин - каждый в соответствии с избранным жанром и стилем. Эти работы исключительно удачно дополняют друг друга. Жаль только, что тираж "Гипербореи" не может сравниться с тиражом книги Юзефовича, приятно удивляющим в наши дни, когда тиражи

подобной литературы сократились до минимума. Появление столь содержательных, вдумчивых и объективных работ о Даурском бароне радует, - значит, не мертва наука, не мертва мысль, не мертва чувства. Именно чувства, потому что холодным разумом загадку барона точно не постичь. Но само появление этих работ совершенно неудивительно. Говоря о посмертной, житейной судьбе Унгерна в Европе, в СССР, и среди русской диаспоры, Юзефович суммирует: "Прочие враги Советской власти... давно превратились в бесплотные тени, а Унгерн продолжал жить полнокровной жизнью мифологического персонажа". И далее: "Сам по себе Унгерн принадлежит к породе воскресающих мертвецов, которые время от времени встают из могил, лишённые покоя после смерти и обречённые напоминать нам о том, что обстоятельства, их породившие, имеют продолжение в истории". Мы - свидетели очередного "воскресения" Унгерна в наши дни, и есть смысл взглянуть в эту сумрачную, трагическую, но по-своему величественную фигуру более пристально и внимательно.

В заключение хотелось бы сказать еще об одном. И Юзефович, и Охотин, и автор этих строк неоднократно упоминали книгу Фердинанда Оссендовского "Звери, люди и боги". Перевздание ее сегодня в России представляется крайне желательным и просто необходимым, потому что она представляет не только исторический или "сенсационный" интерес. Это еще один путь, пусть не самый лучший и не самый верный, к разгадке той тайны России-Евразии, которая является залогом нашего дальнейшего бытия.

**Эхань ханье тушугуаньсюэ цинбаосюэ цыхуй. - Пекин: Шуму
вэньсянь чубаньшэ, 1993. - 703 с.**

Этот русско-китайский и китайско-русский словарь по библиотековедению, библиографии и информатике выпущен издательством "Библиография и документация" под главной редакцией Цзян Цзи. Он содержит свыше 20 тысяч наиболее употребительных слов и словосочетаний, включая аббревиатуру, а также термины, касающиеся издания, печати, копирования и вычислительной техники, применяемой в библиотеках. Словарь подготовлен на базе десятков русских и иностранных профессиональных словарей и учебных пособий и представляет собой первый в Китае словарь с инверсией в этой области. Словарь состоит из двух частей: первая - русско-китайский словарь - дает широкий алфавитный перечень понятий. Вторая часть - китайско-русский словарь. Расположение иероглифов - в порядке фонетических алфавитов китайских иероглифов. Обе части словаря могут быть использованы самостоятельно, что составляет характерную черту, отличающую данный словарь от других китайских словарей. В конце словаря имеются приложения: аббревиатура и список сопоставления фонетической транскрипции китайского и русского языков.

В свете возросшего интереса к культурам двух стран, расширения связей в этой области, словарь окажет содействие в библиотечном и научном обмене. Словарь предназначен для библиотекарей, документалистов, информаторов и работников издательств и полиграфической промышленности.

Юбилей ученого

В.Н.Бунину - 70 лет

11 мая в зале Ученого Совета Института Дальнего Востока РАН, украшенного многочисленными букетами цветов с поздравительными открытками и адресами, состоялось чествование руководителя Центра исследований Японии и Кореи ИДВ РАН, доктора исторических наук, члена Ученого Совета ИДВ РАН генерал-майора БУНИНА Вячеслава Николаевича, которому 8 мая исполнилось 70 лет.

От имени дирекции института юбиляра поздравил заместитель директора ИДВ, член-корреспондент РАН Мясников В.С. В своем выступлении он отметил ратные подвиги юбиляра на фронтах Великой Отечественной Войны, удостоенные многими правительственными наградами, большой путь, пройденный Вячеславом Николаевичем Буниным на дипломатическом поприще. Большой творческий потенциал юбиляра характеризуется тем, что он успешно защитил кандидатскую и докторскую диссертации, подготовил 5 монографий, опубликовал свыше 100 статей в научных и общественно-политических журналах по актуальным проблемам Азиатско-тихоокеанского региона.

Приветственный адрес от Института военной истории РАН зачитал заместитель директора института, член-корреспондент Российской академии естественных наук, капитан 1 ранга Зимонин В.П. В адресе особо подчеркнута активное участие В.Н.Бунина в межинститутских семинарах и симпозиумах, его вклад в дело разработки проблем обеспечения безопасности в Азиатско-тихоокеанском регионе. В.П.Зимонин вручил юбиляру Диплом о его избрании Почетным членом общества востоковедов при ИВИ МО РФ.

Дальнейших творческих успехов пожелал юбиляру президент Российской ассоциации японоведов Саркисов К.О. Заведующий информационным отделом Посольства Японии в России советник-посланник Акио Кавато в своем выступлении отметил вклад юбиляра в дело развития японо-российских связей. Сотрудники Центра исследований Японии и Кореи ИДВ РАН поднесли юбиляру цветы со словами благодарности за чуткость и отзывчивость в повседневной жизни.

Редколлегия и коллектив редакции журнала "Проблемы Дальнего Востока" присоединяются ко всем этим и другим теплым словам, высказанным в адрес юбиляра на чествовании и желают своему постоянному автору, Вячеславу Николаевичу БУНИНУ долгих лет жизни и новых творческих успехов.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Сдано в набор 25.04.94 г. Подписано к печати 20.05.94 г. Формат бумаги 70x100 1/16.
Офсетная печать. Усл.печ.л. 14,3. Усл.кр.-отт. 30.1 тыс. Уч.-изд.л. 16,0 Бум. л. 5,5
Тираж 2070 экз. Зак. 1298 Цена 100 руб.

Оригинал-макет © Дмитрий Славинский
Отпечатано в Московской типографии №2 ВО "Наука", 121099 Москва Г-99, Шубинский пер., 6.